тамъ, гдѣ нѣкогда на плодороднѣйшихъ равнинахъ Месопотаміи процвѣтала жизнь могущественнаго Вавилона, воинственной Ассиріи. Все это было когда-то и, казалось, навсегда исчезло въ туманной дали тысячелѣтій, все гуще и гуще покрываясь мглою забвенія.

Но это только казалось; древній міръ оставилъ богатое наслѣдство, оставилъ множество памятниковъ, благодаря которымъ передъ взоромъ человѣчества снова воскресаетъ его жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Истекшее столѣтіе заставило говорить эти памятники, заставило говорить камни, испещренные древними письменами, овладѣло пониманіемъ ихъ рѣчи; открыло, какъ на поверхности земли, такъ и въ глубокихъ нѣдрахъ ея, подъ кучами мусора, богатую литературу и архивы культурныхъ народовъ, потомки которыхъ не сохранили исторической традиціи.

Кромѣ множества самыхъ разнообразныхъ, такъ называемыхъ, вещественныхъ памятниковъ, древній міръ оставилъ многочисленные памятники письменные; и вотъ, прочтеніе и переводъ этихъ памятниковъ является самой блестящей побѣдой науки надъ тайнами древняго міра. Божественному Промыслу благоугодно было дать ключи къ дешифрированію этихъ памятниковъ, что достигнуто, благодаря нахожденію треязычныхъ и двуязычныхъ надписей. Первые неувѣренные шаги Шампольона въ чтеніи іероглифическихъ памятниковъ Египта и Гротефенда—въ чтеніи клинописныхъ памятниковъ вавилоно-ассирійскихъ завершились такими блестящими успѣхами, что въ настоящее время эти памятники читаются, по выраженію Сэйса, какъ любая страница Ветхаго Завѣта. Такіе успѣхи вызвали благородное соревнованіе европейскихъ научныхъ силъ въ отысканіи и разработкѣ богатаго наслѣдства, оставленнаго народами древности. Самое поле открытій все болѣе и болѣе расщиряется чрезъ присоединеніе все новыхъ и новыхъ мѣстъ, гдѣ производятся раскопки и изслѣдованія. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что въ то время, какъ нѣмцы, французы, англичане, даже далекіе американцы—проявляютъ большую энергію въ дѣлѣ воскрешенія древняго міра, русская наука находится какъ-то позади; хотя самые центры ассиро-вавилонской культуры—Ниневія и даже Вавилонъ—въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашей Закавказской границы. Отраднымъ предвѣстникомъ болѣе благопріятнаго будущаго для изученія древняго Востока у насъ слѣдуетъ признать

пріобрѣтеніе чрезъ Государственную Думу весной 1909 года въ національную собственность для Московскаго музея имени Императора Александра III первоклассной коллекціи В. С. Голенищева. Этимъ просвѣщеннымъ актомъ Государственная Дума сохранила для Россіи и будущихъ русскихъ изслѣдователей богатѣйшій научный матеріалъ и приравняла Москву къ центрамъ, обладающимъ крупными собраніями египетскихъ и другихъ древне-восточныхъ памятниковъ [1]). Музеи—Луврскій, Берлинскій и особенно Британскій являются богатыми сокровищницами матеріаловъ для изученія древняго Востока, имѣя въ своихъ хранилищахъ прекрасныя коллекціи надписей и вещественныхъ памятниковъ, постоянно пополняемыя результатами новыхъ экспедицій, щедро субсидируемыхъ правительствами и самимъ обществомъ.

Конецъ минувшаго столѣтія и годы текущаго ознаменовываются устремленіемъ ученыхъ изслѣдователей въ сосѣднія съ Египтомъ и Ассиро-Вавилоніей страны: древній Еламъ, Сирію, Палестину. Еламъ даетъ наукѣ знаменитую стелу съ кодексомъ царя Гаммураби; раскопки въ Палестинѣ воспроизводятъ исторію древнихъ—Лахиса, Гезера, Таанвака, Мегиддо, Іерихона, Самаріи [2]); усилія ученыхъ, работающихъ въ Сиріи, направлены, главнымъ образомъ, къ отысканію и собранію матеріала нужнаго для дешифрированія письменности, остающейся до сихъ поръ еще непрочитанной—хеттейской, обѣщающей наукѣ новыя открытія [3]).

Сообщая болѣе или менѣе важныя и интересныя извѣстія для различныхъ областей человѣческаго вѣдѣнія, памятники древняго міра имѣютъ въ высшей степени важное значеніе и для Библіи, содержаніе которой почти на всемъ своемъ протяженіи тѣсно сзязано съ исторіей древняго Востока. И вотъ, многое изъ того, что принималось безхитростно вѣрующимъ сердцемъ и во что тщетно стремился проникнуть пытливый умъ человѣка, находитъ себѣ уясненіе и освѣщеніе въ воскрешаемыхъ памятникахъ древности. Еще большее значеніе эти памятники имѣютъ въ дѣлѣ борьбы съ врагами Библіи, съ

---

[1]) Тураевъ Б. А. Цит. соч., стр. 8.

[2]) Karge P. Die Resultate neueren Ausgrabungen und Forschungen in Palästina. Münster i. W. 1910. Стр. 7—15. („Biblische Zeitfragen").

[3]) Witzel Th. Die Ausgrabungen und Entdeckungen im Zweiströmeland. Münster i. W. 1911. Стр. 79. („Biblische Zeitfragen").

такъ называемымъ, отрицательно-критическимъ отношеніемъ къ ней. Взирая съ этой точки зрѣнія на сохраненіе въ теченіе тысячелѣтій памятниковъ и на нахожденіе ихъ въ последнее время, люди благомыслящіе усматриваютъ здѣсь особыя, нарочитыя дѣйствія Божественнаго Промысла, призывающаго камни возопить въ обличеніе лжи. И дѣйствительно, весьма многія обстоятельства заставляютъ невольно согласиться съ справедливостью этой мысли. Іероглифы и клинопись начертаны на камняхъ и глиняныхъ дощечкахъ, которыя послѣ обжиганія ихъ дѣлаются подобными камню; это матеріалъ, способный цѣлыя тысячелѣтія пролежать въ землѣ, не подвергаясь порчѣ. Въ свое время эти памятники и были засыпаны грудами земли и мусора, гдѣ и пролежали, укрытые отъ взоровъ человѣческихъ до тѣхъ поръ, пока Промыслу благоугодно было извлечь ихъ снова на свѣтъ Божій. Это извлеченіе совершилось и совершается, при наличности условій весьма благопріятныхъ къ наилучшему использованію памятниковъ: «памятники», замѣчаетъ Кюрди, «были найдены въ то время, когда научныя знанія подготовили насъ къ пониманію ихъ, и когда историческій моментъ позволяетъ намъ ихъ оцѣнить. Въ другое время они были бы потеряны, истреблены, или испорчены; въ XIX вѣкѣ, благодаря легкости средствъ передвиженія, благодаря также фотографіи, памятники находятся передъ нашими глазами; благодаря прогрессу лингвистики, они были быстро истолкованы» [1]).

Нахожденіе памятниковъ съ надписями въ тѣхъ, или ближайшихъ къ тѣмъ мѣстахъ, гдѣ совершались передаваемыя Библіей историческія событія; сохраненіе ихъ содержанія неизмѣннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно первоначально записано; непосредственная близость записей ко времени описываемыхъ событій; и, наконецъ, добытая усиліями ученыхъ возможность чтенія и пониманія этихъ записей,—воскрешеніе ихъ языка,—все это сообщаетъ памятникамъ особенную цѣнность и даетъ защитникамъ Библіи могучее орудіе въ борьбѣ съ нападками на слово Божіе отрицательной критики.

Я позволю себѣ привести сказанныя по этому поводу воодушевленныя слова извѣстнаго библеиста Вигуру: «когда со всѣхъ сторонъ поднялись противъ святого слова свирѣпые

---

[1]) Кондаменъ А. Вавилонъ и Библія. „Богосл. Вѣстникъ“ 1912 г., Мартъ, стр. 596—597.

враги, Богъ возбудилъ новыхъ и неожиданныхъ свидѣтелей. Это слово хотѣли обличить въ неправдѣ при посредствѣ древнихъ анналовъ; раскапывали внутренность земли, призывали противъ него геологію, палеонтологію, филологію. Богъ заставилъ говорить мертвецовъ, и они дали великое свидѣтельство за истину... Невѣріе думало, что египтяне и ассиріяне навсегда замолкли, и оно смѣло говорило намъ: эти событія, которыхъ вы ищете въ Халдеѣ и въ Египтѣ, никогда не имѣли мѣста; халдеи и египтяне думали и дѣйствовали не такъ. Тогда Богъ сказалъ халдеямъ: встаньте изъ развалинъ, въ которыхъ вы лежали погребенными въ теченіе столѣтій, и дайте свидѣтельство за истину... Подобнымъ же образомъ сказалъ Онъ и египтянамъ... И эти мертвецы повиновались гласу Бога. Вотъ, они ожили, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ» [1]).

Для иллюстраціи того, насколько велико значеніе памятниковъ древняго Востока въ апологетическомъ отношеніи, укажемъ ихъ приложеніе въ отношеніи къ 14 главѣ книги Бытія,—главѣ, касающейся одного изъ событій изъ жизни патріарха Авраама.

Глава эта начинается такими словами: «И было во дни Амрафела, царя Сеннаарскаго, Аріоха, царя Елассарскаго, Кедорлаомера, царя Еламскаго, и Ѳидала, царя Гоимскаго...»; далѣе она повѣствуетъ, какъ эти цари разгромили Пентаполь, въ одномъ изъ городовъ котораго—Содомѣ—жилъ племянникъ Авраамовъ—Лотъ; взяли въ плѣнъ Лота; какъ Авраамъ съ своими слугами и союзниками снарядилъ погоню, освободилъ Лота изъ плѣна, и на обратномъ пути былъ встрѣченъ и благословленъ Мелхиседекомъ, царемъ Салимскимъ, священникомъ Бога Всевышняго.

Эта глава, и въ общемъ своемъ содержаніи, и во многихъ отдѣльныхъ подробностяхъ, подвергалась со стороны критиковъ не только самоувѣреннымъ нападкамъ, но даже, можно сказать, прямо—глумленію. «Этотъ разсказъ», говоритъ Ренанъ, «вставилъ въ свое повѣствованіе одинъ изъ разсказчиковъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу» (такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ слова Ренана нѣкто Е. П. Смирновъ въ своемъ переводѣ на русскій языкъ ренановской «Исторіи Израильскаго народа» [2]). Въ 1869 г. Нёльдеке было высказано мнѣніе

[1]) Библія и Вавилонъ, изд. журн. „Странникъ". СПБ. 1904. Стр. 9.
[2]) Изданіе Н. Глаголева. СПБ. Т. I, стр. 89.

что эта глава есть тенденціозное произведеніе позднѣйшаго времени, сочиненное для прославленія Авраама; это мнѣніе Велльгаузенъ объявилъ за «непоколебимое и неопровержимое» [1]). Критика рѣшительно объявляла дѣломъ невозможнымъ походъ съ береговъ Персидскаго залива на югъ Палестины въ ту отдаленную эпоху, къ которой относится время жизни Авраама. Самыя имена царей месопотамскихъ казались вымышленными: нигдѣ больше они не упоминаются, ни въ Библіи, ни у древнихъ писателей. Въ лучшемъ случаѣ критика соглашалась видѣть въ повѣствованіи 14 главы разсказъ о нападеніи на Палестину аравійскихъ бедуиновъ;—разсказъ, связанный съ именемъ Авраама и разукрашенный невѣроятными преувеличеніями и подробностями, въ цѣляхъ наибольшаго возвышенія Авраама [2]).

Такъ говорили критики; но вотъ что сказали имъ въ отвѣтъ клинописные памятники, эти безстрастные, неподкупные свидѣтели.

Уже за нѣсколько вѣковъ до Авраама Палестина, носящая въ клинописныхъ памятникахъ названіе «страны запада», «Марту» или «Амурру», не только была извѣстна жителямъ Месопотаміи, но и служила для нихъ страной, съ которой Месопотамія сталкивалась въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Палестина привлекала къ себѣ и жадные взоры предпріимчивыхъ месопотамскихъ и еламскихъ завоевателей, и она же служила мирнымъ поставщикомъ въ Месопотамію произведеній своей страны. Правда, лежащая по правую сторону (на западъ) отъ Евфрата пустыня мѣшала болѣе тѣсному общенію Месопотаміи съ Палестиной по ближайшей прямой линіи; но ужъ съ самаго ранняго времени, и для походовъ и для торговыхъ каравановъ, устанавливается удобная дорога въ обходъ пустыни—чрезъ городъ Харранъ.

Древнѣйшія извѣстія о сношеніяхъ Месопотаміи съ Палестиной относятся ко времени царя Саргона изъ Агады,—такъ наз., Саргона I или Древняго, время жизни котораго изслѣдователи опредѣляютъ круглымъ числомъ за 28 вѣковъ до Р. Хр.,

---

[1]) Ieremias A. Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. Leipzig. 1906. Стр. 343—344.

[2]) Hommel F. Die Altisraelitische Ueberlieferung in inschriftlicher Beleuchtung. München. 1897. Стр. 160.

т. е. за 7—8 столѣтій до эпохи Авраама [1]). Этотъ Саргонъ, сообщаютъ намъ клинописные памятники, проведшій въ одномъ изъ своихъ походовъ на западъ цѣлыхъ три года, «покорилъ страну запада, покорилъ Амурру, завоевалъ четыре части свѣта, перешелъ море запада и множество плѣнныхъ по морю привелъ»; въ послѣднемъ обстоятельствѣ предполагаютъ его проникновеніе даже на о. Кипръ [2]).

Другіе памятники, немного позднѣйшіе, сообщаютъ намъ объ одномъ второстепенномъ месопотамскомъ правителѣ—Гудэа, который былъ усерднымъ строителемъ храмовъ богамъ, за что боги широко раскрыли ему путь отъ «нижняго моря» (Персидскій заливъ) до «верхняго моря» (Средиземнаго). Этотъ Гудэа, для своихъ построекъ, получалъ—кедровыя деревья съ горъ Антиливана, строительные камни—съ горъ Сиріи и Финикіи, мѣдь и золото—изъ страны «Мелухха»—въ западной Аравіи [3]).

Такимъ образомъ, клинописные памятники даютъ намъ полное право утверждать, что ко времени Авраама дорога изъ Месопотаміи въ Палестину была не только уже достаточно извѣстной, но и хорошо проторенной; а, слѣдовательно, описанный въ 14 главѣ книги Бытія походъ месопотамскихъ царей на Палестину не только не является историческою невозможностью, но даже не представляется событіемъ исключительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ; будучи явленіемъ, если и не заурядным ъ, то во всякомъ случаѣ нерѣдко повторявшимся, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ.

Даютъ намъ клинописные памятники и имена царей, участниковъ похода, и именно въ той историко-политической комбинаціи, въ какой они являются въ библейскомъ повѣствованіи, вполнѣ согласующемся съ данными еламской и вавилонской исторіи той эпохи. Тожество именъ въ клинописныхъ памятникахъ и въ 14 главѣ Бытія установлено самыми тща-

---

[1]) Schrader E. (H. Zimmern—H. Winckler). Die Keilinschriften und das Alte Testament. Dritte Auflage. Berlin. 1902. Стр. 17—18.

[2]) Ieremias A. Op. cit., стр. 290.—Lehmann-Haupt C. Die Geschicke Iudas und Israels im Rahmen der Weltgeschichte. Tübingen. 1911. Стр. 12.—Gressmann H. Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testamente. Tübingen. 1909. I B., стр. 106.—Sayce A. Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. Leipzig. 1884. Стр. 51.

[3]) Schrader-Zimmern-Winckler. Op. cit., стр. 15.

тельными филологическими изслѣдованіями [1]). Немногіе голоса, считающіе это тожество проблематическимъ, все же серьезныхъ возраженій противъ него не дѣлаютъ.

Иниціаторъ похода—Кедорлаомеръ, или по клинописнымъ документамъ—Кудур-лагамаръ, что значитъ «служитель богини Лагамаръ», является однимъ изъ преемниковъ еламскаго царя Кудур-мабука, простершаго свое владычество не только на Месопотамію, но даже на «страну запада»—«Марту», т. е. Палестину. Остальные цари похода находятся по отношенію къ Кедорлаомеру въ вассальной зависимости; это—Аріохъ, или Еріаку, что значитъ «служитель бога луны», также еламитъ по происхожденію и родственникъ Кедорлаомера, царь города Ларсы (библейскаго Елассара); онъ искренній единомышленникъ и союзникъ Кедорлаомера. Библейскій Амрафелъ—это Гаммураби, или, какъ нѣкоторые находятъ болѣе правильнымъ произносить,—Хаммурапи по клинописнымъ памятникамъ [2]); онъ подневольный союзникъ Кедорлаомера и впослѣдствіи низвергаетъ Кедорлаомера и Аріоха, уничтожаетъ въ Месопотаміи еламское господство и основываетъ могущественное вавилонское царство [3]). Въ Библіи онъ называется царемъ Сеннаара, той страны, главнымъ городомъ которой былъ Вавилонъ (Быт. X, 10); эта страна въ клинописныхъ памятникахъ носитъ названія—«Сумиръ», «Сугиръ», «Сунгиръ»; древніе цари месопотамскіе любятъ титуловать себя, между прочимъ, и «царями Сумира», т. е. юга Месопотаміи [4]).

Синхронизмъ Кедорлаомера, Аріоха и Амрафела устанавливается чрезъ соотношеніе клинописныхъ документовъ строго-историческаго характера. Хотя такого рода документовъ до сихъ поръ не открыто относительно четвертаго царя похода—Ѳидала; однако, и его имя встрѣчается, въ формѣ Тудхула, въ одномъ клинописномъ памятникѣ поэтическаго характера. Это героическая поэма, такъ называемаго, сборника Спартоли (въ Британскомъ музеѣ), гдѣ Тудхулъ является, вмѣстѣ съ Кедорлаомеромъ и Аріохомъ, участникомъ еламскаго вторже-

---

[1]) Dornstetter P. Abraham. („Biblische Studien"). Freiburg i. B. 1902. Стр. 161—188.

[2]) Nikel I. Das Alte Testament im Lichte altorientalischen Forschungen. IV. Die Patriarchengeschichte. Münster i. W. 1912. Стр. 26. („Biblische Zeitfragen").

[3]) Hommel. Op. cit. Стр. 176, 67—69, 169.

[4]) Dornstetter. Op. cit., стр. 166—170.

нія въ вавилонское царство, причемъ Гаммураби спасаетъ свою жизнь, лишь благодаря божественному заступничеству [1]).

Допустить, что на протяженіи вавилонской исторіи было болѣе, чѣмъ однажды, такое время, когда 4 царя съ одинаковыми именами находились въ одинаковыхъ между собою взаимоотношеніяхъ, представляется дѣломъ совершенно немыслимымъ. Отсюда получается выводъ о полномъ согласіи 14 главы Бытія съ независимыми отъ нея внѣ-библейскими данными; вслѣдствіе чего эта глава, такъ игнорируемая критикой, получаетъ чрезвычайно важное значеніе, устанавливая тѣсную связь библейской исторіи съ общемировой исторіей.

Относительно царя Гаммураби-Амрафела, имя котораго въ разсказѣ 14 главы стоитъ на первомъ мѣстѣ, въ настоящее время уже имѣется богатая клинописная литература, благодаря чему является возможность, какъ къ установленію общей картины жизни той эпохи, такъ и къ болѣе или менѣе точному опредѣленію ея въ границахъ хронологіи. Не далѣе, какъ только лѣтъ 60 тому назадъ въ распоряженіи ученыхъ было лишь имя царя Гаммураби, начертанное на одной табличкѣ, найденной Лэйярдомъ въ 1853 г. Въ настоящее время, помимо всякихъ другихъ памятниковъ, имѣется болѣе пятидесяти писемъ этого царя къ его намѣстнику въ Ларсѣ-Синидинѣ, въ которыхъ широко развертывается поразительная по своему разнообразію картина внутренне-политической дѣятельности Гаммураби [2]).

Клинописные памятники, изображая эпоху Гаммураби, а, слѣдовательно, и Авраама, въ высокой степени культурной, даютъ матеріалъ и для опредѣленія времени его жизни; эта задача является дѣломъ большой трудности, вслѣдствіе того, что древній міръ не имѣлъ одной опредѣленной эры для лѣтосчисленія; а послѣднее обычно велось отъ какихъ-либо выдающихся событій, пока новое событіе не полагало начала для новаго лѣтосчисленія. Различными изслѣдователями предложенъ цѣлый рядъ датъ, для опредѣленія времени царствованія Гаммураби; англійскій ученый Кингъ приводитъ въ своей книгѣ таблицу этихъ датъ.

---

[1]) Hommel. Op. cit., стр. 180—190.

[2]) Волковъ И. М. Кодексъ Гаммураби. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1910, февр. стр. 301; 1912, сент., стр. 65, 72.

Оппертъ	(въ 1888 г.)	—2394—2339	гг.
Сэйсъ	(» 1899 »)	—2376—2333	»
Рожерсъ	(» 1900 »)	—2342—2288	»
Винклеръ	(» 1894 »)	—2313—2258	»
»	(» 1892 »)	—2264—2210	»
Деличъ	(» 1891 »)	—2287—2232	»
Масперо	(» 1897 »)	—2287—2232	»
Леманъ	(» 1898 »)	—2248—2194	»
»	(» 1903 »)	—2194—2152	»
Маркартъ	(» 1899 »)	—2233—2191	»
Пейзеръ	(» 1891 »)	—2139—2084	»
Ростъ	(» 1897 »)	—2120—2065	»
Нибуръ	(» 1896 »)	—2081—2026	»
Гоммель	(» 1895 »)	—1947—1892	»
»	(» 1898 »)	—1772—1717	» [1]).

Эта таблица показываетъ, что хотя между изслѣдователями и существуетъ разногласіе по этому вопросу; однако, замѣчается весьма твердое направленіе въ томъ отношеніи, что эпоха Гаммураби все болѣе къ намъ приближается. И, если раньше время жизни его полагали за 24 вѣка до Р. Хр., то потомъ нашли возможнымъ приблизить это время, а значитъ— и время Авраама, даже до 18 вѣка; а это такое время, которое съ полнымъ правомъ можно назвать для древняго Востока вполнѣ историческимъ, а совсѣмъ не эпохой до—исторической, миѳической и легендарной, въ область которой крайніе изъ критиковъ относятъ исторію Авраама.

Находя для себя блестящее соотвѣтствіе въ клинописныхъ памятникахъ по общей исторической основѣ, 14 глава Бытія находитъ тамъ не мало параллелей, совпаденій и отголосковъ и по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ критикой.

Самое имя Авраама, въ его первоначальной формѣ—Аврамъ или Абрамъ, что значитъ «отецъ возвышенный» или «высокій отецъ», критика считала искусственнымъ и хотѣла видѣть въ немъ выраженіе мысли объ «отцѣ Арама», или «отцѣ изъ Арама», т. е. Месопотаміи; или даже на указаніе отца, живущаго вверху—бога луны. Клинописные памятники Вавилона дали цѣлый рядъ документовъ, гдѣ встрѣчается это имя;

[1]) King L. M. Studies in Eastern history. II. Chronicles concerning early Babylonian Kings. London. 1907. Vol. I, стр. 87.

древнѣйшій изъ нихъ относится ко времени предъ царствованіемъ Гаммураби; одна изъ амарнскихъ табличекъ даетъ и параллель этому имени на палестинской почвѣ (въ Тааннакѣ) въ формѣ—Бел—рамъ [1]).

Критика высказывала свое недовѣріе и относительно числа слугъ Авраама—318, участвовавшихъ съ нимъ въ преслѣдованіи месопотамскихъ завоевателей: по поводу его строгой точности и ничтожности для сраженія съ войскомъ. Однако, амарнскіе документы показываютъ [2]), что въ тѣ времена, когда не было колоссальныхъ армій, подобныхъ нынѣшнимъ, велся самый строгій учетъ вооруженнымъ воинамъ, число которыхъ вообще было невелико; такъ напр., правитель г. Тира просилъ фараона прислать для защиты города 20, или хотя 10 солдатъ. Самый эпитетъ, прилагаемый бытописателемъ къ слугамъ Авраама—«ханникау», слово, единственный разъ встрѣчающееся въ Библіи, означающее—«испытанныхъ его», переноситъ въ древнѣйшія времена Вавилона, гдѣ на одномъ памятникѣ изъ времени царствованія отца Гаммураби мы находимъ выраженіе «ханнаку», вполнѣ соотвѣтствующее библейскому по своему значенію и произношенію [3]).

Возражала критика противъ отожествленія упоминаемаго въ 14 главѣ Салима съ городомъ Іерусалимомъ, который якобы получилъ свое названіе только со времени царя Давида, раньше же назывался Іевусомъ. И это возраженіе блестяще опровергнуто амарнскими письмами, гдѣ находимъ «Уру-Салим», что значитъ «городъ—Салимъ», такъ какъ въ клинописныхъ памятникахъ слово «уру» значитъ (по сумерійски)—городъ. Древніе памятники даютъ свидѣтельство и того, что язычникамъ не чужда была и идея бога мира—бога «Салимму» [4]).

Указывали критики анахронизмъ и въ томъ обстоятельствѣ, что встрѣтившій и благословившій Авраама Мелхиседекъ является царемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—священникомъ; по мнѣнію, напр., Дума (Duhm), такое совмѣщеніе свѣтской и

---

[1]) Dornstetter. Op, cit., стр. 188.—Wilke F. War Abraham eine historische Persönlichkeit? Leipzig. 1907. Стр. 37.

[2]) Döller I. Abraham und seine Zeit. Münster i. W. 1909. Стр. 38. („Biblische Zeitfragen.“).

[3]) Meinhold J. 1 Mose 14. Eine historisch-kritische Untersuchung. Giessen. 1911. Стр. 11.

[4]) Hommel. Op, cit., стр. 200—201.—Dornstetter. Op. cit., стр. 186—187.

духовной власти встрѣчается не ранѣе времени Маккавеевъ [1]); но и это опровергается многочисленными памятниками, свидѣтельствующими о фактахъ такого совмѣщенія не только у ассиріянъ, но и у обитателей Палестины—финикіянъ еще въ до-израильскую эпоху [2]).

Сказаннаго, думается намъ, достаточно для того, чтобы видѣть, какіе чувствительные удары наносятся отрицательной критикѣ открытіемъ древнихъ памятниковъ. И критики принуждены были сильно понизить тонъ и убавить самоувѣренности въ своихъ нападкахъ на 14 главу. Принужденные признать въ ея повѣствованіи историческую правду, они направляютъ свои усилія уже къ тому, чтобы свести до минимума долю этой правды и какъ нибудь выйти изъ неловкаго положенія. Эдуардъ Мейеръ уже высказывается въ томъ смыслѣ, что іудейскій писатель, находясь въ плѣну въ Вавилонѣ, познакомился съ древней исторіей страны и воспользовался полученными свѣдѣніями для того, чтобы связать съ исторіей Кудурлагамара исторію Авраама; причемъ разукрасилъ свой разсказъ подробностями неисторическаго характера [3]). Винклеръ, признавая въ 14 главѣ вавилонскую первооснову, говоритъ, что самый разсказъ прошелъ нѣсколько фазъ развитія; Гункель, смягчая гипотезу Винклера, находитъ возможнымъ сказать лишь, что въ основѣ 14 главы лежитъ вавилонская легенда, въ которую внесенъ специфическій іудейскій элементъ; въ этой главѣ онъ уже видитъ не баснословный разсказъ, а первые шаги зарождающейся исторической учености [4]).

Эти объясненія критиковъ явно обнаруживаютъ свою безпомощность. Противъ заимствованія изъ древнихъ вавилонскихъ источниковъ разсказа 14 главы, прежде всего, говоритъ ея исключительность и своеобразное одиночество: она является единственнымъ въ своемъ родѣ мѣстомъ въ древнѣйшей исторіи народа еврейскаго. Неужели предполагаемый авторъ былъ столь наивенъ, что не опасался возбудить недовѣрія къ этой главѣ, оставивъ ее совершенно одинокою, оторванною отъ общей исторіи? И почему онъ, вступивъ на путь заимство-

---

[1]) Meinhold. Op. cit., стр. 45—47.—Nikel. Op. cit., стр. 24.

[2]) Meinhold. Op. cit., стр. 47.—Gunkel H. Handkommentar zum Alten Testament. Genesis. Göttingen. 1901. Стр. 260.

[3]) Meyer E. Geschichte des Alterthums. Stuttgart. 1884. B. I, стр. 166.

[4]) Gunkel. Op. cit., стр. 264—265.

ваній и задавшись цѣлію связать исторію Авраама съ именами месопотамскихъ царей, ограничился передачей лишь одного событія; между тѣмъ какъ имѣлъ для осуществленія своей цѣли достаточно эпизодовъ изъ жизни Авраама? Мы видимъ, что въ позднѣйшее—раввинистическое—время, когда наступила пора заимствованій, дѣйствительно появляются разсказы, разукрашающіе исходъ Авраама изъ Ура и связывающіе исторію Авраама съ именемъ Нимврода и постройкой вавилонской башни [1]). Ничего подобнаго мы не видимъ на страницахъ Библіи.

Противъ заимствованія говоритъ и самая форма именъ, какими месопотамскіе цари называются въ библейскомъ разсказѣ. Эта форма именъ, при передачѣ ихъ на еврейскій языкъ, могла получиться лишь въ древнѣйшее время, когда въ Месопотаміи былъ живымъ и общеупотребительнымъ языкъ сумерійскій, впослѣдствіи вытѣсненный семитическимъ и сдѣлавшійся мертвымъ уже за 17 столѣтій до Р. Хр. [2]). Древняя форма именъ, при заимствованіи ихъ въ эпоху вавилонскаго плѣна, неизбѣжно должна была бы подвергнуться соотвѣтствующему измѣненію; или самыя имена — сопровождаться поясненіями, чтобы быть понятными читателямъ. Ничего подобнаго не наблюдается: месопотамскія имена застыли, затвердѣли въ той формѣ, которая современна жизни ихъ носителей и въ какой они занесены были въ Палестину; никакихъ поясненій къ нимъ не дѣлается, тогда какъ рядомъ съ ними стоящія древнія, собственно палестинскія, имена бытописатель сопровождаетъ поясненіями, необходимыми для его современниковъ (Бела-Сигоръ, Сиддимъ—море Соленое, Мишпатъ—Кадесъ, Шаве—долина царская).

Однимъ словомъ, критикамъ не достаетъ лишь мужества, чтобы вмѣсто различнаго рода увертокъ сознаться въ ошибкѣ и признать за 14 главой Бытія строгоисторическое и въ высшей степени важное достоинство.

Такъ могущественна поддержка древнихъ памятниковъ въ дѣлѣ защиты библейскихъ повѣствованій отъ нападокъ отрицательной критики. Дѣло знакомства и изученія этихъ памятниковъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ умножается, яв-

---

[1]) Hommel. Op. cit., стр. 164—165.

[2]) Сэйсъ А. Г. Ассиро-вавилонская литература. Спб. 1879. Стр. 5— Dornstetter. Op. cit., стр. 163 и дал.

ляется существенною необходимостью для всякаго богослова, задающагося апологетическими цѣлями. И изученіе библейской исторіи въ наши дни, безъ соотношенія ея съ извѣстіями открытыхъ и открываемыхъ древнихъ памятниковъ, было бы работой мало-производительной: отрицательная критика выступаетъ противъ Библіи подъ флагомъ «безпристрастной науки»; настойчиво выдвигаемые жизнью запросы апологетическаго характера требуютъ противопоставить критикѣ науку дѣйствительно безпристрастную, документальныя данныя, а не рядъ гипотезъ и сравненій, какъ это дѣлаетъ весьма часто сама критика.

Правда, для удовлетворительнаго рѣшенія многихъ вопросовъ, связанныхъ съ историческими повѣствованіями Библіи еще не имѣется достаточныхъ извѣстій въ древнихъ памятникахъ; самая обработка этихъ извѣстій часто является дѣломъ громадной трудности; много еще въ нихъ неяснаго, непонятнаго. Но мы смѣло можемъ утѣшать себя тѣмъ, что въ этой области Божественному Промыслу благоугодно было уже сказать свое всесильное слово: «да будетъ свѣтъ!». И при лучахъ этого свѣта, увѣрены мы, грядущія поколѣнія будутъ читать страницы Библіи съ полнымъ удовлетвореніемъ и вѣрующаго сердца и все испытующаго, изслѣдующаго разума!

Заканчивая этимъ свое слово, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить свою искреннюю и глубокую признательность своимъ высокоуважаемымъ наставникамъ, помощью которыхъ я пользовался при написаніи своего скромнаго труда: Ивану Гавриловичу Троицкому, которому принадлежитъ самая идея этого труда; О. Александру Петровичу Рождественскому, своими многочисленными замѣчаніями и совѣтами стремившемуся помочь мнѣ возможно ярче выполнить эту идею; и Николаю Никаноровичу Глубоковскому, любезно снабжавшему меня новѣйшей литературой изъ своей библіотеки.

Считаю своею обязанностью вспомнить благодарнымъ словомъ и усопшихъ и живыхъ лицъ, благодаря доброму сердцу которыхъ получилась возможность самаго изданія моего труда: это—учредителей фонда въ память столѣтія нашей Академіи.

Вѣчная память да будетъ усопшимъ, многія лѣта живымъ!

Свящ. **В. Зыковъ.**

Гавріилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій (род. 1730 г., ум. 1801 г.), въ первые годы жизни и служенія *).

III.

Въ семинаріи Гавріилу сразу же пришлось встрѣтиться съ своимъ младшимъ школьнымъ сверстникомъ—Левшиновымъ. Здѣсь судьба ихъ впервые столкнула близко. Приглашая Петрова на учебную службу, Гедеонъ Криновскій одновременно постарался перетянуть къ себѣ и другого талантливаго человѣка—Левшинова. Онъ зналъ его, разумѣется, какъ учителя академіи (съ 1757 г.) и желалъ видѣть у себя въ лаврской семинаріи. Левшиновъ принялъ предложеніе Гедеона, прельщаясь перспективой жить въ лаврѣ, что вполнѣ соотвѣтствовало его монашескимъ наклонностямъ [1]). Ему предложили освобождающуюся каѳедру риторики (занятую Гавріиломъ сначала), и 25-го іюня Криновскій представилъ въ Синодъ о его увольненіи изъ академіи въ лавру [2]). Хотя и академическое начальство дорожило Левшиновымъ [3]), но вліяніе Гедеона въ Синодѣ заранѣе обезпечивало успѣхъ его представленія. Въ срединѣ іюля, т. е. въ первые дни Гавріилова ректорства, переселился въ лавру новый учитель [4]), а 14 августа онъ былъ постриженъ въ монашество въ лаврѣ новымъ ея намѣстникомъ—тѣмъ же Гавріиломъ, съ именемъ Платона [5]).

---

*) Продолженіе. См. ноябрь.

[1]) Автобіографія у *Снегирева*, стр. 211.

[2]) Дѣло А. С. 1758 г. № 271.

[3]) Автобіографія *Платона*, стр. 211. [4]) Ibid.

[5]) Ibid, стр. 212.

Между прочимъ, монашеское имя ему избралъ Гедеонъ, изъ чего можно думать, что онъ же избралъ имя и Гавріилу. Вмѣстѣ съ Платономъ постригался другой лаврскій учитель, Петръ Постниковъ [1]), преподававшій греческій и еврейскій языки. То были первые постриженики Гавріила. Кромѣ нихъ, въ числѣ лаврскихъ учителей были тогда: Амвросій Андреевскій—префектъ, Иванъ Пановъ, Геннадій, а съ 1759 г.— Варлаамъ Синьковскій и Іосифъ [2]). Платонъ разсказываетъ, что когда въ сентябрѣ Гедеонъ познакомился ближе съ нимъ въ лаврѣ, то очень полюбилъ его и быстро возвысилъ: въ іюлѣ 1759 г. онъ уже былъ іеромонахомъ и префектомъ семинаріи [3]). Если необычайное благоволеніе оказывалъ лаврскій архимандритъ и начальникъ Платону, то, надо полагать, не меньшей его благосклонностью пользовался и его товарищъ—Гавріилъ. Съ этой стороны послѣдній могъ всегда разсчитывать на поддержку въ своей дѣятельности. Что касается сослуживцевъ, то отношенія съ ними, судя по воспоминаніямъ Платона, у Гавріила были наилучшія [4]).

О дѣятельности Гавріила въ качествѣ ректора семинаріи и учителя богословія свѣдѣній почти не имѣется. Но есть основанія полагать, что онъ былъ ректоромъ дѣятельнымъ, стоявшимъ на высотѣ современныхъ требованій. Просвѣщенный Криновскій нашелъ въ новомъ ректорѣ прекраснаго исполнителя своихъ плановъ. Стараніями ихъ обоихъ была улучшена постановка учебнаго дѣла въ семинаріи. Въ 1758 г., по распоряженію Гедеона, въ синтаксическомъ классѣ введено преподаваніе краткой географіи, а классъ, «по примѣру знатныхъ академій», былъ переименованъ въ высшій латинскій; а въ низшемъ латинскомъ классѣ, составившемся изъ прежнихъ инфимы и фары, введено обученіе ариѳметикѣ, которую съ 1760 года стали преподавать по руководству, изданному Академіею Наукъ. Тогда же введено преподаваніе исторіи въ риторическомъ классѣ, гдѣ былъ учителемъ Платонъ Левшинъ. Въ томъ же 1758 году въ семинаріи предполагали ввести преподаваніе новыхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго. Гедеонъ находилъ, что таковому обученію «по знатности оной семи-

---

[1]) Ibid. Постниковъ, въ мон. Пареееній, потомъ былъ ректоромъ сем. и тамъ скончался.

[2]) *Смирновъ*. Исторія Троицкой лавр. сем., стр. 97, 100.

[3]) *У Снегирева*, стр. 213—215. [4]) Ibid. 216.

наріи неотмѣнно быть надлежитъ», и велѣлъ лаврскому собору пріискать учителя. Учитель этотъ долженъ былъ въ одинъ годъ обучить одного способнаго семинариста такъ, чтобы онъ послѣ того могъ быть учителемъ для всѣхъ учениковъ семинаріи. Дѣйствительно, подыскали было нѣкоего француза Ягана Дебелье; но, кажется, онъ оказался не подходящимъ. По крайней мѣрѣ онъ учителемъ не сдѣлался, а для подготовки къ учительству отправили двухъ студентовъ семинаріи въ московскій университетъ [1]. Такимъ образомъ фактически преподаваніе новыхъ языковъ въ ректорство Гавріила не осуществилось. Но заботы начальства показываютъ, что и архимандритъ и ректоръ были заняты мыслями о возвышеніи учебнаго уровня своей школы. Такія заботы даютъ право предполагать, что все учебное дѣло попало въ руки надежныхъ руководителей и семинарія не на словахъ только стремилась выравняться по образцу «знатныхъ академій». Самъ ректоръ на своихъ богословскихъ урокахъ, навѣрно, старался быть образцомъ для другихъ преподавателей. Къ сожалѣнію, семинарскихъ богословскихъ уроковъ его не сохранилось [2]. Возможно, впрочемъ, что онъ и не составлялъ своей самостоятельной системы. Въ то время былъ обычай пользоваться системами предшественниковъ, лишь дѣлая къ нимъ нѣкоторыя дополненія и исправленія. Въ такомъ случаѣ Гавріилъ читалъ по урокамъ Аѳанасія Вольховскаго, перваго преподавателя богословія въ лаврской семинаріи [3]. Молодая семинарія (открыта въ 1742 г.) не имѣла еще большой учебной традиціи и представляла богатое поприще для иниціативы ученыхъ силъ. Однако, судить о сдѣланномъ Гавріиломъ для улучшенія богословскихъ уроковъ предшественниковъ мы не можемъ. Сохранившаяся же система Аѳанасія Вольховскаго подробно разобрана историкомъ лаврской семинаріи [4]; а что сдѣлалъ для нея Гедеонъ Сломинскій, второй ректоръ семинаріи [5], неизвѣстно: судя по тому, что извѣстно о Сломинскомъ, онъ едва ли посвящалъ много труда преподавательскимъ занятіямъ.

Кромѣ учебнаго дѣла, у ректора Гавріила было не мало и другихъ заботъ по семинаріи. Молодая семинарія еще не вполнѣ

---

[1]) *Смирновъ*, Исторія троицкой сем., стр. 51, 53.

[2]) О богословскихъ урокахъ академическихъ—ниже.

[3]) Богословіе началось здѣсь въ 1751 г. *Смирновъ*, стр. 36.

[4]) *Смирновъ*, стр. 36—45.

[5]) Гавріилъ былъ третьимъ ректоромъ Сергіевской семинаріи.

упрочилась и прежде всего нуждалась въ ученикахъ. У лаврской семинаріи, какъ не-епархіальной, не было своего опредѣленнаго округа. Она собственно должна была бы обслуживать ближайшія епархіи; но такъ какъ такая же роль принадлежала московской академіи, то лаврской семинаріи пришлось ограничиться духовенствомъ церквей, находящихся въ лаврскихъ вотчинахъ. Вотчины эти были чрезвычайно разбросаны, а потому изъ отдаленныхъ вотчинъ духовенство отпускало сыновей неохотно, да и мѣстное начальство требовало ихъ въ свои семинаріи и въ лаврской школѣ оказывался постоянный недоборъ противъ комплекта (200 чел., опредѣленнаго указомъ имп. Анны 21 сент. 1738 г. [1]). Лаврское начальство жаловалось въ 1755 году Синоду, что учениковъ мало, и просило синодскаго указа о безпрепятственной высылкѣ въ семинарію дѣтей духовенства лаврскихъ вотчинъ изъ епархій московской, новгородской, ростовской, рязанской, тверской, переславской, владимірской, нижегородской, казанской, костромской, вологодской, суздальской. Синодъ удовлетворилъ просьбу, но съ ограниченіемъ, чтобы обязательная высылка касалась лишь тѣхъ церквей, которыя не дальше 200 верстъ отъ лавры [2]). Однако, это распоряженіе плохо исполнялось, и въ іюнѣ 1758 года Гедеонъ жаловался снова, что учениковъ въ присылкѣ имѣется весьма малое число, такъ что и учителя жалованье почти напрасно получаютъ, и настаивалъ, чтобы семинарія, для ея плодотворности, была вполнѣ укомплектована учащимися. Онъ требовалъ, чтобы или было разрѣшено самой лаврѣ чрезъ посланныхъ брать священно и церковно-служительскихъ дѣтей въ районѣ 200 верстъ, или же было бы повелѣно брать изъ всѣхъ лаврскихъ вотчинъ безъ ограниченія. Св. Синодъ нашелъ болѣе удобнымъ послѣднее и сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе [3]). Въ августѣ мѣра была дополнена указомъ о предоставленіи священническихъ вакансій при вотчинныхъ лаврскихъ церквахъ исключительно ученикамъ Троицкой семинаріи [4]). Тѣмъ не менѣе, лавра не безъ труда продолжала набирать учениковъ: ей приходилось иногда вытребывать ихъ чрезъ солдатъ, или чрезъ посылку учителей [5]).

---

[1]) П. С. П. и Р. т. X, № 3296.

[2]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1440.

[3]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1602. [4]) Ibid., № 1610.

[5]) *Смирновъ*, Исторія троиц. сем., стр. 28.

Усиліями лаврскаго начальства, число учениковъ при Гавріилѣ, видимо, увеличилось [1]). При немъ, между прочимъ, начинаютъ поступать ученики и изъ другихъ семинарій, для усовершенствованія въ наукѣ, что сдѣлалось обычнымъ только позже [2]). Это свидѣтельствуетъ о той высотѣ, на какой стояла лаврская школа.

О состояніи семинаріи при Гавріилѣ даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія годичныя вѣдомости, представляемыя въ контору лаврскаго архимандрита. По вѣдомости 1760 года, въ семинаріи значилось учениковъ: въ богословіи 4, въ философіи 10, въ реторикѣ 30, въ высшемъ грамматическомъ классѣ 48, въ низшемъ классѣ 80, всего 172; изъ нихъ обучающихся греческому языку 16, еврейскому 9; обучающихся на своемъ коштѣ 21, на пищѣ лавры и на своей одеждѣ 10; неспособныхъ оказалось 20. По вѣдомости 1761 г. въ семинаріи значилось: въ богословіи 4 чел., въ философіи 10, въ реторикѣ 28, въ высшемъ грам. классѣ 39, въ низшемъ классѣ 67; всего 148; обучающихся греческому языку 22, еврейскому 8; на коштѣ лавры 129, на своемъ коштѣ 19 [3]).

Съ матеріальной стороны лаврская семинарія находилась въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, и здѣсь Гавріилу не о чемъ было особенно заботиться. Богатый монастырь давалъ школѣ безбѣдное содержаніе. Съ 1758—1761 г.г. ректоръ получалъ денежнаго жалованья 200 р., префектъ 150, учители 100—70—60 р., да кромѣ того, всѣ имѣли готовое помѣщеніе и столъ отъ лавры. Какъ обильно содержались учителя, видно изъ росписанія 1759 г., составленнаго при Гавріилѣ [4]). Выдачами распоряжался намѣстникъ, т. е. самъ Гавріилъ; и, видимо, онъ не былъ скупъ, потому что Платонъ рисуетъ свою жизнь при немъ въ лаврѣ, какъ жизнь въ полномъ довольствіи и изобиліи [5]). Гавріилъ по должности намѣстника получалъ еще добавочное содержаніе, сначала—100 р. [6]). Въ августѣ 1759 г. Гедеонъ прибавилъ сюда еще 200 р., по

---

[1]) Ibid., стр. 35. Высшія цифры надо относить къ концу 50-хъ годовъ.

[2]) Ibid., стр. 33.

[3]) Въ архивныхъ бумагахъ семин. архива въ библіотекѣ моск. дух. академіи.

[4]) См. у *Смирнова*, стр. 20—21. [5]) У *Снегирева* стр. 216.

[6]) *Смирновъ* (стр. 95), сообщающій объ этомъ, говоритъ, что Гавріилъ назначенъ намѣстникомъ въ 1759 г.; но мы видѣли, что это было на годъ раньше. Не назначено ли ему въ 1759 г. только жалованье?

сообщенію историка лаврской семинаріи: согласно просьбѣ Гавріила [1]). Зная, какимъ безсребренникомъ былъ Гавріилъ, названное сообщеніе можно объяснить только тѣмъ, что Гавріилъ нуждался въ деньгахъ не для себя, а для дѣлъ благотворенія, какими онъ всегда занимался. Что касается же личныхъ потребностей, то онѣ у Гавріила были болѣе, чѣмъ скромны. По словамъ Антонія Знаменскаго, онъ трапезовалъ одинъ разъ въ день, вмѣстѣ обѣдалъ и ужиналъ послѣ вечерни, бульономъ съ сухарями. За такую аскетическую воздержность на него возложена была по преимуществу монастырская экономія, такъ какъ казначей и келарь болѣе издерживали на себя. Трапезы для другихъ онъ устраивалъ рѣдко и скупыя, за что несъ упреки [2]). Очевидно, не для себя просилъ деньги аскетъ-намѣстникъ, если только онъ дѣйствительно просилъ о прибавкѣ. Ученики семинаріи, какъ и наставники, жили почти всѣ на лаврскомъ коштѣ, въ полномъ довольствѣ. О послѣднемъ достаточно свидѣтельствуютъ росписанія отпускаемыхъ на учениковъ припасовъ и матеріаловъ, сохранившіяся въ архивныхъ бумагахъ библіотеки московской академіи.

Должность намѣстника должна была доставлять Гавріилу много хлопотъ и отнимать у него много времени, нужнаго для семинаріи. Платонъ о себѣ говоритъ, что принялъ «намѣстничество» неохотно и проходилъ съ тягостью, потому что съ нимъ «соединено было не только смотрѣніе за монахами и всегдашнее принятіе гостей, но и хлопотливое въ соборѣ вотчинными дѣлами приказное правленіе» [3]). Навѣрно, такъ же тяготился намѣстническими обязанностями и Гавріилъ. Правда, ему отчасти помогло то обстоятельство, что онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ научился веденію приказныхъ дѣлъ у одного подъячаго [4]). Но это только облегчало работу. Вотчинныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ было «великое множество», и вся жизнь намѣстника проходила въ должностныхъ занятіяхъ. «Съ вечера (онъ) готовился къ классу, ходилъ къ утрени; послѣ утрени готовился къ классу; мало отдохнувъ, въ семь часовъ вступалъ въ классъ, въ девять часовъ въ лаврскую канцелярію, потомъ къ обѣднѣ, потомъ опять въ канцелярію, потомъ въ классъ полуденный, потомъ къ вечернѣ» [5]). Свободнаго времени

---

[1]) Ibid., стр. 96. [2]) Въ рукоп. новг. сем. библ., № 6833, л. 115.
[3]) У *Снегирева*, стр. 217. [4]) У *Антонія Знаменскаго*, л. 114 об.
[5]) Ibid., л. 115.

быть не могло. Да и неудивительно, если у добросовѣстнаго намѣстника ректора была занята каждая минута. За лаврою числилось 105 тысячъ душъ крестьянъ, съ которыхъ собиралось однихъ денегъ около 56 тыс. рублей и 37 тыс. четвертей хлѣба, не говоря о прочихъ натуральныхъ сборахъ [1]). Вести хозяйство такого масштаба была нелегкая задача. Тутъ были и вотчинныя тяжбы, и надсмотръ надъ вотчинными управителями, и надзоръ за ремонтомъ [2]), и взысканіе недоимокъ и т. п. Извѣстно, насколько вообще было трудно для монастырей вотчинное управленіе. Для Сергіевой лавры оно было всего труднѣе, потому что ни одинъ другой манастырь не обладалъ такими обширными помѣстьями. Разбросанность лаврскихъ вотчинъ, находящихся въ 12 епархіяхъ, создавала особыя затрудненія. Для руководства такимъ дѣломъ нуженъ былъ недюжинный хозяйственный талантъ, и, судя по дальнѣйшему, Гавріилъ обладалъ такимъ талантомъ. Зная, какъ онъ хозяйничалъ потомъ въ Невской лаврѣ, мы можемъ съ достовѣрностью полагать, что онъ справился успѣшно съ своими намѣстническими обязанностями въ Сергіевомъ монастырѣ. Но заботиться приходилось не только о благоустроеніи и управленіи монастырскими имѣніями. Въ періодъ Гавріилова намѣстничества у церковныхъ властей были другія, болѣе серьезныя заботы. Въ это время, съ 1757 г., правительство имп. Елизаветы серьезно поставило на очередь церковно-вотчинный вопросъ и на верху шла дѣятельная переписка между Св. Синодомъ и правительствомъ. Синодъ, побуждаемый государственной властью, собиралъ свѣдѣнія для составленія штатовъ, и вся монашеская среда волновалась въ ожиданіи рѣшительныхъ мѣропріятій. На церковномъ горизонтѣ собирались тѣ тучи, которыя потомъ разразились грозой при Екатеринѣ II. Церковная власть всѣми силами старалась отклонить грозящій ударъ и на время этого достигла [3]). Гавріилъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ и начальникомъ Гедеономъ, бывшимъ по членству въ Синодѣ въ центрѣ борьбы, волновался, конечно,

---

[1]) По вѣдомости 1762 года. См. у *Завьялова*, „Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II, Спб. 1900 г., стр. 348.

[2]) См. наприм. Опис. д. и д. А. С. т. XXXIX, № 140/48.

[3]) Объ этой борьбѣ за церковное вотчиновладѣніе въ 1757—1761 г.г. см. у *П. В. Верховскаго*, „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра В.“, Спб. 1909 г., стр. 112—117.

не меньше іерарховъ, тѣмъ болѣе, что будущее страшило церковныхъ владѣльцевъ главныхъ образомъ своей неопредѣленностью. Никто не зналъ, какъ сложится дальше экономическое положеніе и какая судьба ожидаетъ церковныя учрежденія. Можетъ быть, Гавріилъ и не боялся особенно за лавру, которая была всегда въ привиллегированномъ положеніи; но онъ не могъ быть равнодушнымъ въ критическую минуту, переживаемую церковью. Однако, онъ былъ еще слишкомъ малою величиною, чтобы возвысить свой голосъ. И исторія не знаетъ, что думалъ будущій знаменитый іерархъ въ своей троицкой кельѣ по злободневному вопросу своего времени.

Не легко было лаврскому намѣстнику справляться и съ внутренними монастырскими дѣлами. Архимандритъ Гедеонъ жилъ большею частью въ Петербургѣ, и Гавріилъ управлялъ лаврою за него. А въ лаврѣ было свыше 200 монашествующихъ, не считая бѣльцовъ и служителей, да къ лаврѣ было приписано 15 монастырей [1]). При обширной дѣятельности лавры и множествѣ службъ, въ ней иногда не хватало священнослужителей. Приходилось пополнять комплектъ вызовомъ въ нее іеромонаховъ изъ другихъ монастырей [2]). За монашествующими низшихъ степеней нуженъ былъ бдительный надзоръ. А Гавріилъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые склонны смотрѣть на дѣло сквозь пальцы. Онъ вообще относился къ служебному долгу съ замѣчательной щепетильностью, прямотою и честностью. Во имя интересовъ справедливости, онъ не стѣснялся прекословить даже своему начальнику. По словамъ Антонія Знаменскаго, архимандриту Гедеону намѣстникъ всегда дѣлалъ донесенія прямыя, и даже задерживалъ указы, ежели обстоятельства того требовали. Сначала Гедеонъ былъ недоволенъ, а потомъ былъ благодаренъ. Не даромъ онъ жалѣлъ, когда лишился въ Гавріилѣ такого честнаго помощника [3]).

Въ должности ректора семинаріи и намѣстника Гавріилъ служилъ три года. Въ концѣ іюля 1761 года ректоръ московской академіи Гедеонъ Сломинскій, предшественникъ Гавріила въ семинаріи, подалъ въ Синодъ обычное доношеніе, что ученіе въ академіи благополучно кончилось, и предложилъ проектъ распредѣленія преподаванія между учителями на будущій годъ.

---

[1]) *Завьяловъ*, стр. 348.

[2]) Описаніе д. и д. А. С. т. XXXIX, № 79/40.

[3]) Въ запискахъ *Антонія Знаменскаго*, на л. 115.

При этомъ онъ просилъ освободить его отъ преподаванія богословія, какъ 7 лѣтъ уже потрудившагося, поручивъ это дѣло префекту. Быть можетъ эта не совсѣмъ обычная просьба [1]) побудила Синодъ подумать о новомъ ректорѣ для академіи, или же вообще находили необходимой такую перемѣну, только по поводу донесенія Сломинскаго Синодъ 8-го августа постановилъ слѣдующее: Гедеона, «яко уже довольно потрудившагося», отъ оной академіи уволить и въ воздаяніе понесенныхъ имъ трудовъ назначить его настоятелемъ Успенскаго елецкаго монастыря черниговской епархіи. На мѣсто же его опредѣлитъ ректоромъ и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря намѣстника Троице-Сергіевой лавры іеромонаха Гавріила, которому въ разсужденіи знатной степени и ректорства имѣть на мантіи скрижали и посохъ съ яблоками [2]); по вступленіи въ академію преподавать ему богословское ученіе [3]).

---

[1]) Прецеденты, однако, были. Во время ученія Гавріила архим. Іоаннъ Козловичъ богословія не читалъ, а читалъ его префектъ Константинъ Бродскій.

[2]) Это нововведеніе не было необычнымъ. Въ нѣкоторыхъ ставропигіальныхъ монастыряхъ архимандриты и раньше пользовались правомъ ношенія мантіи со скрижалями, и только въ трехъ—Бизюковѣ, Симоновѣ и Заиконоспасскомъ таковаго отличія не было. 24 сент. 1761 года Синодъ постановилъ уравнять съ другими и три названные монастыря (П. С. П. и Р. Царств. Елизав. т. IV, № 1732). Но все-таки Гавріилъ первымъ изъ трехъ означенныхъ архимандритовъ получилъ мантію со скрижалями; а кромѣ того еще—посохъ съ яблоками.

[3]) Дѣло А. С. 1761 г. № 244. Что касается Гедеона Сломинскаго, то съ нимъ дѣло на этомъ не кончилось. Гедеонъ остался не доволенъ синодальнымъ „награжденіемъ“ и 21 августа послалъ въ Синодъ новое доношеніе, въ которомъ исчислялъ свои заслуги и, ссылаясь на неоконченное порученіе составить книгу объ обрядахъ (кстати: онъ ее такъ и не написалъ), просилъ оставить его по прежнему ректоромъ академіи, а преподаваніе богословія поручить префекту Иннокентію. Въ концѣ Гедеонъ рѣшительно заявлялъ, что онъ въ черниговскую епархію не поѣдетъ, такъ какъ она неспокойна и переводъ представляетъ для него пониженіе; къ тому же онъ недавно былъ боленъ горячкой и чувствуетъ себя слабымъ. Доношеніе заканчивалось въ довольно странномъ тонѣ: „Того ради да благоволитъ Св. Синодъ прислать указъ въ силу прежняго моего опредѣленія безъ замедленія, понеже вакаціи кончатся“. Синодъ, 31-го августа, нашелъ такой отзывъ на свой указъ „дерзновеннымъ“; такъ какъ Гедеонъ самъ, отзываясь многою ректорской должности трудностью, увольненія отъ оной просилъ (Гедеонъ собственно просилъ увольненія лишь отъ учительства),—а Елецкимъ первостепеннымъ черниговъ-

Пререканія съ Гедеономъ Сломинскимъ, повидимому, нѣсколько задержали оффиціальное вступленіе Гавріила въ новую должность. Указъ Синода былъ ему объявленъ въ московской конторѣ лишь 19 сентября; а 20-го онъ былъ произведенъ въ архимандриты въ московскомъ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Тимофеемъ (Щербацкимъ). Синодальная контора снабдила при этомъ новаго архимандрита соотвѣтствующимъ наставленіемъ: поступать въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по силѣ указовъ, никого въ монашество само-

---

скимъ монастыремъ онъ долженъ быть доволенъ; а такъ какъ онъ говоритъ о своей болѣзни, то значитъ ректорскую должность отправлять не можетъ. Однако, Синодъ почему-то снисходительно отнесся къ Гедеону. Разсудивъ, что онъ отказывается отъ Елецкаго монастыря потому, что тотъ не ставропигіальный, Синодъ опредѣлилъ назначить Гедеона архимандритомъ въ ставропигіальный Бизюковъ монастырь, гдѣ ему имѣть ту же степень, что въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и мантію носить съ скрижалями; для помощи въ управленіи вотчинными дѣлами опредѣлить ему способнаго человѣка; а при отправкѣ учинить ему въ московской конторѣ выговоръ, чтобы онъ впредь такихъ неучтивыхъ отзывовъ не писалъ. Но 13 сентября Сломинскій послалъ новое прошеніе. Здѣсь онъ говорилъ, что желалъ остаться въ академіи для окончаніи книги объ обрядахъ и, ссылаясь опять на болѣзнь и необходимость лечиться, просилъ дозволить жить ему гдѣ-либо около Москвы и назначить какое-либо жалованье, обѣщаясь по выздоровленіи проситься въ Кіевъ. Синодъ дозволилъ Гедеону жить въ Донскомъ монастырѣ и опредѣлилъ пенсію въ 300 рублей. Безпокойный архимандритъ опять былъ недоволенъ и въ концѣ октября просилъ отпустить его къ тверскому епископу Аѳанасію (Вольховскому), гдѣ ему было бы удобно жить въ архіерейскихъ покояхъ и сочинять свою книжицу; Аѳанасій на это соглашался. Тогда Синодъ, ссылаясь на прежнее намѣреніе Гедеона проситься въ Кіевъ, назначилъ его настоятелемъ кіевскаго Николаевскаго монастыря (желая, очевидно, отъ него избавиться). (См. цитованное дѣло). Однако Гедеонъ и туда не поѣхалъ и еще три года самовольно жилъ въ Москвѣ, такъ что въ 1764 году его пришлось принудительнымъ способомъ выпроваживать въ Кіевъ (дѣло А. С. 1758 г. № 121). Видно, что-то привязывало строптиваго архимандрита къ первопрестольной... Что это не была „книжица", очевидно изъ того, что послѣ смерти Гедеона не обрѣли даже никакихъ слѣдовъ ея сочиненія.

Впрочемъ, не одинъ Гедеонъ былъ недоволенъ постановленіемъ Синода 8-го августа 1761 г. Тѣмъ же самымъ постановленіемъ префектъ академіи іером. Иннокентій (Нечаевъ) назначенъ былъ ректоромъ новгородской семинаріи и архимандритомъ Антоніева новг. монастыря. Иннокентій то-же (отъ 7-го сентября) просилъ Синодъ уволить его отъ такого назначенія, ссылаясь на скорбутную болѣзнь и необходимость лечиться въ Москвѣ, и оставить въ Сергіевой лаврѣ (въ распоряженіи архимандрита. Синодъ удовлетворилъ его просьбу (дѣло А. С. 1761 г. № 244).

вольно не постригать и въ монастырь пришлыхъ монаховъ не принимать, изъ монастыря монаховъ безъ нужды не отпускать; сдѣлать новую опись монастырскому имуществу [1]).

IV.

По переходѣ въ академію, Гавріилъ вышелъ изъ непосредственныхъ отношеній съ Гедеономъ Криновскимъ; да и самъ Гедеонъ скоро былъ назначенъ епископомъ псковскимъ (хиротонисанъ 7 окт. 1761 г.) [2]). Теперь ближайшимъ начальникомъ Гавріила сдѣлался митрополитъ Тимоѳей, а вѣрнѣе—самъ Св. Синодъ, потому что академія непосредственно была подчинена Синоду и мѣстный архіерей мало касался академическихъ дѣлъ [3]). Ректоръ въ академіи былъ почти полнымъ хозяиномъ. Преподавательскую корпорацію въ академіи Гавріилъ засталъ уже совершенно измѣнившеюся со времени его ученичества, хотя прошло всего 8 лѣтъ. Но тогда монашествующіе учители не засиживались на учительскихъ мѣстахъ. Какъ разъ одновременно съ назначеніемъ Гавріила ушелъ изъ академіи префектъ Иннокентій (Нечаевъ), старый знакомый Гавріиловъ [4]), который за отказомъ ѣхать въ Новгородъ былъ уволенъ въ лавру и здѣсь скоро сдѣланъ намѣстникомъ послѣ Гавріила [5]). Почему не Иннокентій былъ назначенъ въ ректоры академіи, а Гавріилъ, можно объяснить тѣмъ, что Иннокентій былъ, хотя старше, но менѣе высокаго положенія (Гавріилъ былъ намѣстникомъ); могло быть тутъ и личное расположеніе Гедеона къ Гавріилу. На мѣсто Иннокентія префектомъ былъ назначенъ проповѣдникъ академіи іеромонахъ Макарій (Петровичъ), впослѣдствіи помощникъ Гавріила въ Твери. Проповѣдникомъ велѣно быть одному риторическому учителю іером. Веніамину; должность другого проповѣдника поручено испра-

---

[1]) Указъ Конторы въ академію отъ 20 сент. 1761 въ архивныхъ бумагахъ моск. академіи въ академической библіотекѣ. Бумаги эти въ хаотическомъ состояніи, безъ всякой нумераціи.

[2]) Проф. *Ѳ. Титовъ*, Къ біографіи Гедеона Криновскаго. стр. 20.

[3]) *Смирновъ*, Исторія академіи, стр. 88.

[4]) Иннокентій постригся въ монашество въ одномъ году съ Гавріиломъ (въ 1758 г.).

[5]) Лѣтопись намѣстниковъ... лавры, стр. 65—66 („Лѣтопись занятій археографич. комиссіи", Вып. IV). Литература объ Иннокентіи въ „Рус. Біографич. Словарѣ".

влять поочередно прочимъ учителямъ академіи. Реторику велѣно преподавать піитическому учителю іером. Сильвестру, піитику—синтаксическому учителю іеродіакону Ѳеофилакту; синтаксиму—учителю инфимы іеродіакону Антонію; грамматику и инфиму—окончившему богословское ученіе студенту Димитрію Семенову; фару—учителю Ивану Семенову; послѣднихъ двухъ разрѣшалось, если пожелаютъ, и монашества сподобить. Греческаго и еврейскаго языковъ учителемъ назначался студентъ Василій Никитинъ, а бывшій учитель іером. Моисей увольнялся, по его прошенію, въ кіевскую лавру: въ кіевскую же лавру увольнялся и проповѣдникъ іером. Савватій [1]). Однако, вмѣсто Ивана Семенова, въ фару потомъ былъ назначенъ Снегиревскій. Въ декабрѣ 1761 г. этого учителя выпросилъ себѣ въ псковскую семинарію Гедеонъ Криновскій. и Синодъ велѣлъ на его мѣсто опредѣлить другого способнаго изъ слушателей богословія, особливо такого, который монашество принять желаетъ. Въ январѣ 1762 г. Гедеонъ просилъ прислать ему еще учителя, хотя бы изъ студентовъ, что и поручено было сдѣлать Гавріилу. На мѣсто Снегиревскаго былъ опредѣленъ Григорій Быковъ; а такъ какъ оказался неприсланнымъ и Дмитрій Семеновъ, то его пришлось замѣнить Василіемъ Петровымъ. Оба, а также учитель греческаго и еврейскаго языковъ Никитинъ, по доношенію Гавріила отъ 26 февр. 1762 г., желали принять монашество [2]).

Гавріилъ вступилъ въ управленіе академіею въ тотъ періодъ, когда она была уже учебнымъ заведеніемъ общегосударственнымъ, на подобіе высшаго учебнаго заведенія въ современномъ смыслѣ; учился же онъ, когда академія была еще обыкновенной епархіальной школой. Правда, еще въ 1751 году Синодъ постановилъ обратить академію въ высшее учебное заведеніе. Разсуждая, что академія содержится на особую, опредѣленную высочайшими указами сумму, и имѣетъ не чисто епархіальное назначеніе, а также принимая во вниманіе, что синодальная область раздѣлена теперь на епархіи, гдѣ есть свои семинаріи, Св. Синодъ разсудилъ: въ московскія академію присылать учениковъ изъ епархіальныхъ семинарій, такихъ, которые изучили уже низшія науки даже до философіи, и надежныхъ къ продолженію ученія. Въ московской академіи

---

[1]) Дѣло А. С. 1761 г. № 244. [2]) Ibid.

обучать только высшимъ наукамъ—богословію, философіи и греческому и еврейскому языкамъ; а въ епаршескихъ семинаріяхъ обучать однимъ наукамъ низшимъ [1]). Но это рѣшеніе было слишкомъ смѣло и недостаточно опредѣленно, такъ какъ, во-первыхъ, въ самой московской епархіи еще не было семинаріи; во-вторыхъ, неясно было, имѣетъ ли въ виду Синодъ всѣ вообще семинаріи, или только тѣхъ епархій, которыя образовались изъ синодальной области. Если первое, то осуществить предположеніе было физически невозможно, такъ какъ одна академія не могла замѣнить высшіе классы для всѣхъ семинарій. Должно быть потому приведенное синодальное разсужденіе не имѣло реальнаго результата: все осталось пока по прежнему. Но въ 1754 году (14 янв.) [2]) состоялось новое синодальное опредѣленіе, болѣе конкретное. Предписывая учредить семинарію въ московской епархіи, Синодъ постановилъ обратить московскую академію въ общегосударственную и присылать сюда учениковъ изъ всѣхъ епархій, кромѣ семи (новгородской, с.-петербургской, смоленской, бѣлоградской, кіевской, черниговской и переяславской), имѣющихъ особое учрежденіе, по два человѣка отъ 150 церквей. Таковыхъ, предполагалось, будетъ до 200 челов. При этомъ, хотя выражалось пожеланіе, чтобы присылали лучше готовыхъ къ слушанію прямо реторики, философіи и богословія, но допускалось посылать и въ низшіе классы. Послѣдніе, такимъ образомъ, сохранялись въ академіи. Такое синодальное опредѣленіе получило силу указа и было практически осуществимымъ. Оно и стало исполняться, хотя мысль его все-таки вполнѣ осуществилась не скоро: семинарія въ московской епархіи долго еще была не заведена, и потому академіи приходилось замѣнять ее. Какъ бы то ни было, а во второй половинѣ 50-хъ годовъ академія поднялась въ своемъ оффиціальномъ значеніи и приблизилась къ степени высшаго учебнаго заведенія. Это налагало на начальника ея больше отвѣтственности, одновременно придавая ему и больше чести.

Обязанности ректора академіи были многообразны. Ему принадлежалъ надзоръ за преподаваніемъ и правильнымъ теченіемъ школьной жизни. Духовный регламентъ предписывалъ ректору посѣтить каждую недѣлю по крайней мѣрѣ два класса.

---

[1]) Опис. д. и д. А. С. т. XXXI, № 145/240.

[2]) П. С. П. и Р. Царств. Елиз., т. IV, № 1366.

Ректоръ долженъ былъ слѣдить и за успѣхами учениковъ. Самое пріисканіе преподавателей и распредѣленіе между ними занятій ставились въ зависимость отъ ректорскаго усмотрѣнія. По окончаніи каждаго учебнаго года ректоръ представлялъ Синоду свои соображенія по данному предмету на будущій годъ и Синодъ обычно ихъ утверждалъ, дѣлая развѣ незначительныя измѣненія [1]). Впрочемъ, Гавріилу справиться съ своей новой должностью было не трудно послѣ того, какъ въ лаврѣ онъ несъ двойныя обязанности; а Заиконоспасскій монастырь не доставлялъ ему столько хлопотъ, сколько лаврское намѣстничество.

Едва вступилъ Гавріилъ въ должность, какъ ему пришлось прежде всего позаботиться о собираніи учениковъ въ академію: вопросъ вѣчно больной для духовныхъ школъ того времени. Въ октябрѣ уже онъ писалъ доношенія синодальной конторѣ, что въ академіи «противъ прошлыхъ лѣтъ, а особливо въ нижнихъ школахъ, учениковъ имѣется весьма малое число». Во всей академіи числилось учениковъ всего 215 человѣкъ; многіе за упрямствомъ и потачкою отцовъ своихъ не являются, академія же способовъ принудить ихъ ходить въ школу не имѣетъ. Гавріилъ требовалъ указовъ о присылкѣ учениковъ въ академію и указаній для прекращенія ученическихъ побѣговъ и произвольныхъ непосѣщеній школы. Московская синодальная контора въ отвѣтъ на это опредѣлила: предписать московской консисторіи, чтобы священнослужители не могли скрывать своихъ дѣтей, справясь по церковнымъ книгамъ, выяснить число сыновей духовенства, подлежащихъ отсылкѣ въ школу, и отослать ихъ немедленно; за укрывательство взыскивать неопустительно штрафы [2]). Помогли ли эти именно мѣры, но только Гавріилу удалось пополнить число учениковъ академіи. Въ 1761 году онъ засталъ въ ней 215 чел. (неизвѣстно, считаетъ ли онъ русскую школу), а въ концѣ 1762 г., черезъ годъ, въ академіи, безъ русской школы, было до 300 учениковъ [3]). Результатъ блестящій.

Какъ ректору, Гавріилу было поручено Св. Синодомъ преподаваніе богословія въ академіи. Должно быть его предше-

---

[1]) См. у проф. *Смирнова*, Ист. м. акад., стр. 104—105. Духовн. Регламентъ, глава о домахъ училищныхъ.

[2]) Въ архивныхъ бумагахъ библіотеки московской академіи.

[3]) См. ниже.

ственникъ Гедеонъ Сломинскій не очень ревностно занимался богословіемъ, если сталъ проситься освободить его отъ этого занятія. Въ такомъ случаѣ Гавріилу предстояло поднять этотъ важнѣйшій предметъ академическаго курса на надлежащую высоту. Конечно, въ академіи уже установилась своя традиція, и богословская система въ основѣ своей давно была выработана. Системы Ѳеофилакта Лопатинскаго и Кирилла Флоринскаго давали достаточный матеріалъ для ихъ преемниковъ, которымъ послѣдніе и пользовались, внося свои измѣненія, болѣе или менѣе существенныя. Содержаніе и характеръ этихъ богословскихъ уроковъ подробно выяснены историкомъ московской академіи [1]). Среди академическихъ лекцій сохранились и лекціи по богословію 1762 г., писанныя ректоромъ Гавріиломъ. Разбиравшій ихъ проф. Смирновъ отмѣчаетъ, что въ нихъ «видно въ нѣкоторыхъ трактатахъ буквальное слѣдованіе системѣ Ѳеофана (Прокоповича); таковы трактаты о твореніи и Провидѣніи, о состояніи человѣка до паденія и по паденіи. Въ другихъ трактатахъ примѣчаются легкія измѣненія и въ порядкѣ и въ изложеніи, и нерѣдко сокращеніе того, о чемъ у Ѳеофана разсуждается подробно. Трактатъ о Свящ. Писаніи, занимающій у Прокоповича первое мѣсто, въ указанномъ руководствѣ поставленъ послѣ всего. Между тѣмъ въ немъ есть и нѣкоторые новые вопросы, появившіеся въ первый разъ въ системахъ московскихъ, и направленные противъ вольномыслящихъ, волновавшихъ въ то время умы на западѣ; таковъ, напримѣръ, вопросъ: «достаточно ли богословіе естественное для спасенія?». Система 1762 года,—заключаетъ историкъ академіи,—можно сказать, есть послѣдняя, въ которой дано нѣкоторое мѣсто схоластикѣ: къ концу же разсматриваемаго періода (1700—1775 г.г.) она почти совсѣмъ вытѣснена изъ системъ богословскихъ» [2]). Значитъ, ректоръ Гавріилъ стоялъ уже на конечномъ рубежѣ схоластики и сумѣлъ отрѣшаться отъ силы традиціи во имя живыхъ запросовъ времени. Современный интересъ нѣкоторыхъ вопросовъ его системы даетъ понять, что онъ слѣдилъ за вѣяніями вѣка и старался дать отвѣтъ на порожденные ими запросы. Стремленіе приблизить школьную науку къ жизни— похвальное и рѣдкое стремленіе духовнаго ученаго средины

---

[1]) Проф. *Смирновъ*, Ист. м. ак., стр. 136—156.

[2]) *Смирновъ*, стр. 155—156.

XVIII стол., достойное «мужа резонабельнаго», какимъ аттестовала его впослѣдствіи Екатерина.

Доношеніемъ отъ 22-го іюля 1762 года Гавріилъ представлялъ Синоду первый свой годичный отчетъ о своей академической дѣятельности и обычныя предположенія о распредѣленіи занятій въ слѣдующемъ учебномъ году. Онъ писалъ, что съ поступленія въ академію до нынѣшней вакаціи преподавалъ слушателямъ богословія слѣдующіе трактаты: о богословіи вообще, о Св. Писаніи, о Богѣ единомъ въ существѣ и Троичномъ въ Лицахъ и о созданіи міра. Префектъ академіи іером. Макарій преподавалъ: о философіи вообще, исторію философическую, логику и изъ метафизики онтологію, космологію и психологію. Учитель риторики іером. Сильвестръ читалъ реторику, причемъ сверхъ риторическихъ экзерцицій читалъ съ учениками сначала письма, а потомъ рѣчи Цицерона, да два дня въ каждую недѣлю универсальную исторію на латинскомъ языкѣ. Учитель поэтики іерод. Ѳеофилактъ преподавалъ поэтику, причемъ сверхъ обыкновенныхъ экзерцитацій читалъ разныхъ классическихъ касающихся до піитики авторовъ, руководство къ риторикѣ и Цицероновы книги о должностяхъ, да краткую географію. Учитель синтаксимы іером. Антоній изъяснялъ синтаксиму и просодію, съ дополненіемъ нужнѣйшихъ правилъ по латинской с.-петербургской грамматикѣ, да сверхъ обыкновенныхъ экзерцитацій переводилъ съ учениками краткія Цицероновы письма и преподавалъ начала ариѳметики. Учитель грамматики и инфимы Василій Петровъ грамматистамъ изъяснялъ с.-петербургскую грамматику съ дополненіемъ же нѣкоторыхъ синтаксическихъ правилъ, да сверхъ обыкновенныхъ экзерцитацій къ уроку задавалъ учить Лангіевы школьные разговоры и Целляріевы вокабулы, а инфимистамъ Целляріевы же, только первообразныя, вокабулы. Учитель ѳары іеродіаконъ Гедеонъ изъяснялъ оную-жъ грамматику, а изъ синтаксимы генеральныя правила, и назначалъ учить первообразныя жъ Целляріевы вокабулы. Учитель же греческаго и еврейскаго языковъ Василій Никитинъ по утрамъ еврейскому, а послѣ обѣда греческому языку обучалъ богослововъ, философовъ и риторовъ, а по воскреснымъ днямъ изъяснялъ катихизисъ публично, а прочіе учители говорили проповѣди поочереди съ проповѣдникомъ іером. Веніаминомъ. Всѣ—префектъ іером. Макарій, какъ можно было видѣть изъ неоднократно учрежденныхъ публичныхъ диспутовъ, а прочіе, какъ

усмотрѣно по посѣщеніямъ уроковъ ректоромъ и префектомъ, а также по экзаменамъ и проповѣдямъ, сказаннымъ учителями,— проходили свое званіе съ желаемымъ успѣхомъ и своими трудами и прилежаніемъ заслужили похвалу. А такъ какъ учителя сверхъ обыкновенныхъ трудовъ въ исправленіи обязанностей другого проповѣдника чувствовали немалое затрудненіе, то Гавріилъ ходатайствовалъ опредѣлить вторымъ проповѣдникомъ учителя реторики іером. Сильвестра, на реторику же назначить учителя поэтики іерод. Ѳеофилакта, на поэтику—учителя синтаксимы іером. Антонія, на синтаксиму—учителя грамматики и инфимы Василія Петрова, на грамматику и инфиму—учителя аналогіи іерод. Гедеона, а на аналогію произвесть изъ слушателей богословія способнаго студента. Прочимъ Гавріилъ полагалъ остаться при прежнихъ должностяхъ, въ томъ числѣ учителю русской школы Алексѣю Дьячкову, который обучалъ читать и писать по-латыни не безъ успѣха. Учителя Василія Никитина, если кто произведенъ будетъ на аналогію учителемъ, ректоръ полагалъ постричь въ монахи. Св. Синодъ (2 августа) утвердилъ эти предположенія Гавріила, а о постриженіи обѣщалъ разсудить впредь [1]). По вѣдомости, составленной въ академіи въ декабрѣ 1762 г. и присланной въ Синодъ, видно, что для аналогіи былъ опредѣленъ учителемъ Иванъ Димитріевъ; въ русской школѣ учитель также перемѣнился: назначенъ Иванъ Аѳанасьевъ. Распредѣленіе учениковъ по классамъ и ихъ успѣхи по этой вѣдомости представляются въ такомъ видѣ. Въ классѣ богословія было слушающихъ 4-й годъ 16 чел., изъ нихъ 6 посредственныхъ; слушающихъ 2-й годъ 15 чел., изъ нихъ 10 посредственныхъ. Въ школѣ философіи—22 учен.: изъ нихъ 12 посредственныхъ. Въ школѣ риторики 29 уч.; изъ нихъ 10 посредственныхъ. Въ школѣ піитики 30 учениковъ; изъ нихъ 13 посредственныхъ. Въ школѣ синтаксимы 31 уч., посредственныхъ 13. Въ школѣ грамматики при 25 учен. 9 посредственныхъ, въ школѣ инфимы при 30 учен. 17 посредственныхъ и въ школѣ аналогіи изъ 99 учен. 41 посредственныхъ. Въ русской школѣ числилось 124 чел.; изъ нихъ 52 отмѣчены неизвѣстными по нехожденію и 32 посредственными [2]). Такимъ образомъ, не считая русской школы, въ академіи было 297 учениковъ и изъ нихъ 131 значилось посредственными. 44% малоуспѣшныхъ показы-

---

[1]) Дѣло А. С. 1762 г. № 243. [2]) Дѣло А. С. 1763 г. № 527.

ваютъ не слишкомъ блестящее положеніе учебнаго дѣла. Но этотъ дефектъ надо отнести не за счетъ школьнаго начальства, а приписать общимъ условіямъ постановки тогдашняго обученія. Въ частности, значительное количество показанныхъ малоуспѣшныхъ при Гавріилѣ, можетъ быть, объясняется установленною при немъ болѣе строгою оцѣнкою ученическихъ успѣховъ.

Съ матеріальной стороны академія была обезпечена гораздо хуже троицкой семинаріи. Наставники неоднократно жаловались на недостатокъ жалованья въ 40-хъ гг. [1]). По опредѣленію 1753 г., дѣйствовавшему и при Гавріилѣ, получали: ректоръ 300 р., учитель богословія 250 р., учитель философіи 225 р., проповѣдники и учитель риторики по 200 р., учителя: піитики—175 р., грамматики 160, русской школы 60 р. [2]). Само по себѣ жалованье было не больше и въ лаврской семинаріи; но въ академіи наставники не получали того содержанія отъ монастыря, какимъ они пользовались въ лаврѣ, а при жизни въ городѣ одного жалованья было мало. Впрочемъ, Гавріила лично эта сторона дѣла интересовать не могла. Какъ настоятель монастыря, онъ пользовался и монастырскимъ доходомъ; а при его образѣ жизни деньги ему были нужны развѣ только для дѣлъ благотворенія. Матеріальный вопросъ могъ быть для него интересенъ лишь по сочувствію къ сослуживцамъ. Особенно должны были его заботить ученики, которые получали жалованья всего: въ богословіи и философіи по 4 коп. на день, а въ прочихъ классахъ по 3 коп. [3]). По опыту долженъ былъ знать Гавріилъ, какъ трудно существовать бѣднымъ школьникамъ на казенное жалованье (онъ зналъ, конечно, жизнь своихъ товарищей, когда учился). И надо думать, что если онъ могъ чѣмъ-либо имъ помочь, то онъ это дѣлалъ [4]).

---

[1]) П. С. П. и Р. Царств. Елиз., т. III, №№ 1033 (26 окт. 1747 г.), 1142 (8 дек. 1749 г.). *Смирновъ*, Ист. ак., стр. 98.

[2]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1356.—Іером. Геннадій, назначенный учителемъ греческаго языка въ 1762 г., выслушавъ указъ о своемъ назначеніи, заявилъ, что опредѣленнаго ему жалованія 150 р. ему недостаточно, и отказался приступить къ занятіямъ. Тогда Синодъ, получивъ о томъ доношеніе отъ Гавріила, прибавилъ Геннадію 50 р. „въ разсужденіи его иностранства“ (Протоколы Синода 1762 г., декабрь. № 3).

[3]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз. т. IV, № 1366.

[4]) Что Гавріилъ близко принималъ къ сердцу нужды учениковъ, о томъ свидѣтельствуетъ и его послѣдующая память объ академіи. Въ

V.

Работа въ академіи была спокойною, хотя можетъ быть и трудною, работою. Но поле зрѣнія Гавріила, конечно, не могло ограничиваться узкими академическими горизонтами. Онъ, навѣрно, интересовался событіями своего времени и такъ или иначе внутренне на нихъ реагировалъ. Тѣмъ болѣе, онъ не могъ не думать о будущемъ, не могъ не предвидѣть, что его скоро ждетъ дальнѣйшая карьера, новыя ступени церковнаго служенія. Пусть онъ былъ не честолюбивъ. Пусть онъ, какъ говоритъ Антоній Знаменскій [1]), не желалъ даже ректуры въ академіи, а желалъ лишь Симонова монастыря, гдѣ хотѣлъ и умереть. Но разъ вступивъ на обычное поприще ученомонашеской службы, онъ долженъ былъ предусматривать возможность дальнѣйшаго движенія. Между тѣмъ время было тревожное, полное неожиданностей и случайностей, могущихъ быстро вознести человѣка на высоту, но могущихъ и низринуть его книзу. 25-го декабря 1761 г. скончалась благочестивая имп. Елизавета и на престолъ вступилъ Петръ III. Правительственный курсъ сразу рѣзко измѣнился и отъ дѣятельности новаго государя скоро встрепенулись всѣ сословія. Духовенство одно изъ первыхъ почувствовало въ воздухѣ грозу и имѣло случай задуматься о знаменіяхъ времени. Небывалые указы о раскольникахъ [2]), первыя мѣропріятія о церковныхъ имѣніяхъ [3]) должны были больно затронуть церковную среду. Но еще не предвидѣли, чѣмъ кончится дѣло, тревога была еще смутной и неопредѣленной, и русскіе витіи по обычаю воспѣвали панегирики новому императору.

Великолѣпно облекися,
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:

1775 г., будучи архіепископомъ с.-петербургскимъ, онъ внесъ въ сохранную казну 1000 р., съ тѣмъ, чтобы проценты шли на содержаніе бурсаковъ моск. академіи (*Смирновъ*, Ист. м. ак., стр. 273. Этого завѣщанія нѣтъ въ дѣлѣ синод. архива о смерти Гавріила). Въ 1783 г., внеся въ сохранную казну (25 іюля) 10 тыс. р., Гавріилъ проценты съ одной тысячи (60 р.) снова назначалъ на учениковъ моск. академіи, сверхъ прежде пожертвованной тысячи (Дѣло А. С. 1801 г. № 75).

[1]) Въ рукоп. новгор. сем. библ. № 6833, на л. 115.

[2]) П. С. П. и Р. Царств. Елиз. т. IV, №№ 1749, 1751.

[3]) Ibid. № 1755.

Самсонъ, Давидъ и Саломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ
И Голіаѳовъ презираютъ... [1]),

пѣлъ Ломоносовъ на новый 1761 г. и на воцареніе преемника Елизаветы. Другіе поэты вторили ему [2]). И духовнымъ ораторамъ пришлось отозваться на знаменательное событіе, въ томъ числѣ и Гавріилу. 10 февраля 1762 г., въ день рожденія новаго императора, ректоръ Гавріилъ говорилъ панегирическую проповѣдь въ Успенскомъ соборѣ. Онъ говорилъ такъ, какъ нужно было говорить, хотя и не сравнивалъ Петра съ Давидомъ и Соломономъ. «Посмотрите на нынѣшнее время, время преблагополучное! Нынѣ мы видимъ возведеннаго на всероссійскій престолъ великаго нашего государя императора Петра Ѳедоровича, возведеннаго Богомъ, по Его премудрому совѣту. Не признаемъ ли, какого мы имѣемъ монарха, видя настоящія обстоятельства? Не уразумѣемъ ли, къ какому нашему благополучію Богъ его возвелъ? Онъ достойныя великаго монарха имѣетъ добродѣтели: Богъ его толь великаго званія и удостоилъ. Богъ прежде всѣхъ предвидѣлъ, сколь добродѣтельный, сколь милостивый, сколь великодушный, сколь справедливый, сколь храбрый сей мужъ будетъ; какой по благочестію христіанскому ревнитель, что мы и сами, наслаждаясь его благодѣяніями, чувствительно дознаемъ: для того на толь великое дѣло его и призвалъ» [3]). Странными, пожалуй, кажутся эти похвалы, если мы вспомнимъ, что черезъ четыре съ половиной мѣсяца въ вступительномъ манифестѣ Екатерины ея «добродѣтельный» и «благочестивый» мужъ характеризовался, какъ человѣкъ, замыслившій «истребленіе церковныхъ преданій», «перемѣну древняго въ Россіи православія» на «законъ иновѣрный» [4]). Но помимо преувеличенія Петровой супруги, не нужно забывать, что если Гавріилу пришлось говорить слово въ высокоторжественный день, то онъ не могъ говорить въ иномъ тонѣ; да и Петръ III въ началѣ февраля 1762 г. еще лишь только начиналъ проявлять свои возможности. Когда Петра не стало, легко было произносить противъ

---

[1]) Ода Ломоносова на восшествіе на престолъ Петра III.

[2]) Барковъ, Сумароковъ и проч.

[3]) Эта проповѣдь Гавріила напечатана въ прибавленіи къ № 13 Московскихъ Вѣдомостей, отъ 12 февраля 1762 г.

[4]) П. С. П. и Р. Царств. Екатерины II, т. I, № 1.

него филиппики (какъ, напр., Димитрій Сѣченовъ). Но пока онъ царствовалъ, всѣ говорили только панегирики.

Какъ относился Гавріилъ въ дальнѣйшимъ событіямъ кратковременнаго Петровскаго правленія, мы не знаемъ. Указы 21 марта и 6 апрѣля [1]) о церковныхъ имѣніяхъ, такъ раздражившіе духовенство, конечно, поразили непріятно и Гавріила, не столько за свой Заиконоспасскій монастырь, сколько за всѣ вообще церковныя учрежденія. Собственно говоря, въ церковно-имущественныхъ мѣропріятіяхъ Петра III не было ничего особенно ужаснаго. Онъ привелъ въ исполненіе только тотъ проектъ, который не могъ осуществиться при Елизаветѣ, но который былъ выработанъ елизаветинскимъ правительствомъ. А если мы сравнимъ матеріальное обезпеченіе, какое предполагалъ для церковныхъ учрежденій Петръ III, съ тѣмъ, что черезъ два года дала его супруга по своему «матернему милосердію», то мы увидимъ, что столь злословимый императоръ былъ не скупѣе Екатерины и не замышлялъ худшаго, чѣмъ она [2]). Но худо было то, что Петръ принялъ рѣшительныя мѣры «по военному», безъ предварительной подготовки, и тѣмъ поставилъ въ наличный моментъ церковныя учрежденія въ критическое положеніе [3]). И несчастный защитникъ церковнаго вотчинно-владѣнія Арсеній Мацѣевичъ не болѣе пламенно протестовалъ противъ мѣропріятій Петра, чѣмъ противъ замысловъ Екатерины [4]). Какъ бы то ни было, а когда стали получаться рѣшительные петровскіе указы, Гавріилъ съ горечью долженъ былъ вспомнить свои хвалебныя слова неосторожному императору. Еще большей горечью должны были наполнить его душу извѣстія о мѣропріятіяхъ государя, затрогивавшихъ религіозное чувство православныхъ людей. Покушеніе на иконы [5]) выходило уже за предѣлы того, что касалось матеріальныхъ интересовъ государства, и не имѣло оправданія. Попытки репрессій противъ іерархіи [6]) лишь уси-

[1]) П. С. П. и Р. Царств. Елиз., т. IV, №№ 1758, 1762.

[2]) См. ibid. № 1758.

[3]) См. у *П. В. Верховскаго*, „Населенныя недвижимыя имѣнія“..., стр. 118—130.

[4]) Св. *М. Поповъ*, „Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло“, Спб. 1912 г., стр. 357, 397—404.

[5]) *Соловьевъ, С. М.* Исторія Россіи, т. XXIX, изд. 1875 г., стр. 81.

[6]) Ibid.

ливали волненіе духовенства и омрачали еще больше и безъ того мрачный горизонтъ.

Но церковное лихолѣтіе скоро миновало, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, что миновало. Вступила на престолъ Екатерина и не скупилась на щедрыя обѣщанія. Вступительный манифестъ, какъ будто, обѣщалъ особенно много церкви, угрожавшая которой опасность рисовалось въ немъ такъ картинно. На церковной струнѣ новое правительство играло съ особымъ напряженіемъ [1]), и косвеннымъ образомъ отсюда можно было заключить, что вертоградъ церковный наиболѣе расцвѣтетъ при новомъ правленіи. Всѣ этому вѣрили; на минуту повѣрилъ, кажется, и несчастный старецъ, надъ которымъ уже висѣлъ въ воздухѣ страдальческій вѣнецъ [2]). Вѣрилъ, надо полагать, и Гавріилъ. Тѣмъ болѣе, что за словами послѣдовали и нѣкоторыя дѣла: церковныя вотчины были возвращены церковнымъ владѣльцамъ, при чемъ возвращены безъ всякихъ «опредѣленій», лишь съ мягкимъ совѣтомъ экономіи, т. е. былъ достигнутъ результатъ, котораго духовные владѣльцы добивались съ самаго момента петровской церковно-имущественной реформы [3]). Правда, въ указѣ 12 августа 1762 г. говорилось о временности этой мѣры и будущихъ штатахъ, о комиссіи, учрежденной для обсужденія вопроса. Но въ увлеченіи надеждами и радостью небывалаго успѣха владѣльческое духовенство забывало объ этихъ оговоркахъ, конечно, надѣясь отклонить нежелательныя мѣропріятія и не предвидя, во что выльется проектируемое преобразованіе. Да и что было бояться, когда съ высоты престола торжественно завѣрялось, что власть «вовсе удаленныя мысли и сердце» имѣетъ «отъ собственной корысти въ строеніи дѣла Божія», что она далека отъ «намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія», но только хочетъ воспользоваться даннымъ отъ Бога правомъ «предписывать законы о лучшемъ оныхъ употребленіи на славу Божію и пользу отечества» [4]).

Въ радужномъ настроеніи готовились іерархи къ отъѣзду въ Москву, на предстоящія коронаціонныя торжества. Государыня выѣзжала 1 сентября. Синодъ собрался раньше [5]),

---

[1]) П. С. П. и Р. Царств. Екат. II, т. I, № 7.
[2]) Свящ. *М. Поповъ.* „Арсеній Мацѣевичъ", стр. 359.
[3]) П. С. П. и Р. Царств. Екат. II, т. I, № 37.
[4]) См. указъ 12 августа 1762 г. [5]) Дѣло А. С. 1762 г. № 27.

чтобы уже встрѣтить въ Москвѣ монархиню въ полномъ составѣ. Время пребыванія двора въ Москвѣ было временемъ знаменательнымъ для всѣхъ, кто былъ болѣе или менѣе на виду, кому впереди открывалась еще жизненная дорога. Тутъ всѣ имѣли случай выдвинуться, обратить на себя вниманіе, снискать расположеніе лицъ, близкихъ къ источнику всяческихъ земныхъ щедротъ. Платонъ Левшинъ въ этотъ именно моментъ началъ свою придворую карьеру. Этотъ же моментъ сдѣлался поворотнымъ и для Гавріила. Скромный архимандритъ, навѣрно, самъ не искалъ вниманія и почестей. Но положеніе ректора академіи неизбѣжно вводило его въ соприкосновеніе съ синодскими и придворными кругами и втягивало въ круговоротъ жизненныхъ отношеній. Тутъ прежде всего познакомился Гавріилъ ближе съ своимъ первымъ рукополагателемъ, митроп. Димитріемъ. Послѣдній едва ли могъ хорошо узнать молодого монаха, котораго онъ посвятилъ въ первыя священныя степени, за тотъ короткій промежутокъ времени, что прожилъ Гавріилъ въ Петербургѣ въ 1758 году. Потомъ судьба ихъ близко не сталкивала, хотя Димитрій, видимо, слѣдилъ за дѣятельностью талантливаго ректора. За долгое пребываніе въ Москвѣ въ 1762—1763 г.г. прежнее внѣшнее знакомство углубилось. Изъ словъ Антонія Знаменскаго можно заключить, что Димитрій съ Гавріиломъ видались часто. Антоній сообщаетъ два такихъ случая, конечно, два изъ многихъ. Однажды Димитрій случайно разсердился на Гавріила за то, что тотъ снялъ съ него омофоръ по случаю отлучившихся иподіаконовъ [1]). Дѣло было, очевидно, при служеніи и «сердце» митрополита въ данномъ случаѣ говоритъ скорѣе о дружескомъ покровительствѣ, какимъ пользовался у него Гавріилъ. Другой разъ Димитрій, приглашенный въ гости къ генералу Собакину, велѣлъ позвать туда обѣдать и Гавріила. Здѣсь, отозвавъ Гавріила въ сторону, митрополитъ съ нимъ бесѣдовалъ, говоря: «вы хорошо учите; Синодъ знаетъ и хочетъ сдѣлать васъ архіереемъ». Гавріилъ на это скромно возражалъ, что есть другіе старше и достойнѣе его и что онъ искренне проситъ оставить его при академіи, такъ какъ частыя перемѣны вредны для послѣдней [2]). Отсюда явствуетъ, что Гавріила знали въ Синодѣ и онъ былъ на хорошемъ счету. Но видно также, что Гавріилъ не особенно стремился къ

[1]) Рукоп. новгор. сем. библ. № 6833, л. 115 обор. [2]) Ibid.

архіерейству, считая пользу академіи выше соображеній своей карьеры.

Но для послѣдней важнѣе было другое обстоятельство. Во время пребыванія Двора въ Москвѣ личность Гавріила вошла въ сферу придворнаго вниманія и на него упали впервые лучи того солнца, безъ могучей силы котораго въ тѣ времена не создавалась никакая крупная карьера. Скромнаго, но талантливаго и умнаго, архимандрита замѣтили люди, окружавшіе императрицу, и прежде всего Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла Петровича. Въ то время какъ разъ подыскивали законоучителя для наслѣдника. Панинъ, видимо, высматривалъ подходящее лицо и его выборъ остановился на ректорѣ академій [1]). Онъ рекомендовалъ его государынѣ и, конечно, при этомъ ей представилъ, если она его еще не знала. Въ маѣ 1763 года Гавріилъ считался уже предназначеннымъ кандидатомъ въ законоучители и Димитрій сообщалъ о томъ Платону, думая порадовать его успѣхомъ друга [2]). Назначеніе это не состоялось, потому что въ бытность государыни въ Ростовѣ ее сумѣли разубѣдить на этотъ счетъ. Гр. Г. Орловъ [3]) въ противовѣсъ рекомендаціи Панина выставилъ другого кандидата—Платона, на которомъ въ концѣ концовъ и остановились [4]). Однако, это не понижало шансовъ Гавріила, такъ какъ онъ отстранялся подъ благовиднымъ предлогомъ, что его скоро надо производить въ архіереи, а Платонъ будетъ учить дольше [5]). А разъ попавъ въ сферу вниманія Екатерины, Гавріилъ уже могъ не безпокоиться о своей будущей судьбѣ.

Послѣдствія новыхъ знакомствъ и связей не заставили себя ждать. Уже въ маѣ 1763 года Гавріила ожидало немаловажное повышеніе. 7-го мая Синодъ подалъ докладъ государынѣ, которымъ между прочимъ просилъ ради случайныхъ церковныхъ нуждъ назначить въ Синодъ членами ректора московской академіи архимандрита Гавріила и архимандрита Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Симона [6]). Государыня утвердила это предположеніе (17 мая), и Гавріилъ сдѣлался синодальнымъ членомъ. Указомъ 27 мая ему велѣно было остаться,

[1]) Ibid. л. 115. [2]) Автобіографія Платона у Снегирева, стр. 218.
[3]) По *Антонію*, см. л. 115 обор. [4]) У *Снегирева*, стр. 218—219.
[5]) По *Ант. Знаменскому*.
[6]) А. С. Дѣло 1763 г. № 144. Книга именн. указовъ 1763 г. № 34.

по отъѣздѣ Синода въ Петербургъ, въ Москвѣ для присутствія въ московской конторѣ Св. Синода [1], вмѣстѣ съ архіеп. крутицкимъ Амвросіемъ (Зертисъ—Каменскимъ) и переяславскимъ епископомъ Сильвестромъ. Первенствующій членъ синодальной конторы митроп. московскій Тимофей указомъ 31 мая былъ уволенъ отъ присутствія въ конторѣ, за множествомъ дѣлъ, хотя указомъ 7-го іюня ему и было предоставлено присутствовать, когда онъ найдетъ время [2]. Предсѣдательство перешло къ Амвросію. Въ сотрудничествѣ съ этими лицами [3] и пришлось Гавріилу провести недолгое время своего пребыванія въ конторѣ. За краткій промежутокъ времени, около пяти мѣсяцевъ, таковаго пребыванія, Гавріилъ не могъ чѣмъ-либо особенно проявить свою дѣятельность. Но ему выпало на долю пережить одинъ довольно драматическій эпизодъ изъ жизни московскаго отдѣленія Синода, который какъ разъ совпалъ съ періодомъ его членства [4].

Гавріилъ долженъ былъ пережить всѣ перипетіи этого безпокойнаго конторскаго дѣла. Впрочемъ, онѣ не отразились на его карьерѣ. Гнѣвъ государыни падалъ развѣ лишь на руководителей конторы, а Гавріилъ занималъ въ ней второстепенное мѣсто. Главною его обязанностью оставалось ректорство, а присутствіе въ конторѣ было дѣломъ побочнымъ [5]. Гавріилу, тѣмъ болѣе, недолго пришлось быть членомъ конторы. Онъ выбылъ какъ разъ одновременно съ памятнымъ указомъ 29 октября, возвращавшимъ московское отдѣленіе Синода въ его прежнее состояніе. 23 октября Синодъ подалъ государынѣ докладъ о замѣщеніи праздныхъ каѳедръ—псковской и бѣлгородской. На псковскую каѳедру Синодъ предлагалъ перевести тверскаго епископа Иннокентія [6], на бѣлградскую—коло-

---

[1]) Ibid. № 35. [2]) Ibid. № 42.

[3]) Указомъ 6-го іюля къ нимъ былъ еще присоединенъ новоспасскій архим. Мисаилъ (Ibid., № 55).

[4]) Этотъ эпизодъ временнаго возвышенія синодальной конторы и новаго пониженія ея, въ связи съ указомъ 3-го іюня 1763 г., подробно описанъ мною въ статьѣ: „Эпизодъ изъ исторіи Св. Синода", въ „Христ. Чт." 1914 г., мартъ.

[5]) По званію члена Синода въ Конторѣ Гавріилъ получалъ добавочнаго содержанія 500 р. въ годъ (П. С. П. и Р. Цар. Ек. II, т. I, № 141).

[6]) Нечаева, о которомъ упоминалась выше. Иннокентій посвященъ въ епископа корельскаго и ладожскаго, викарія новгородской епархіи, изъ намѣстниковъ Троице-Сергіевской лавры, 23 февраля 1763 г. Резо-

менскаго еп. Порфирія; а въ Тверь представлялъ двухъ кандидатовъ: архимандрита казанскаго Спасскаго монастыря Ѳеофила (малоросса) и Заиконоспасскаго Гавріила (великоросса) [1]. Антоній знаменскій при этомъ передаетъ [2]) такія подробности. Въ Псковъ (по смерти Гедеона Криновскаго, неожиданно скончавшагося въ расцвѣтѣ силъ 22 іюня 1763 г.) [3]) въ Синодѣ кандидатами намѣтили Георгія (Конисскаго) и Симона [4]). Гавріилъ не былъ въ числѣ кандидатовъ, «по отзыву Димитрія», который помнилъ просьбу Гавріила не трогать его скоро съ ректорства. Но императрица вернула докладъ назадъ черезъ камеръ-юнкера Потемкина, сидѣвшаго въ Синодѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ [5]), съ такимъ замѣчаніемъ: «Георгій нуженъ въ Польшѣ, а Симонъ не нравится, пусть новыхъ представятъ». Димитрій затруднялся, кого избрать. Тогда Потемкинъ замѣтилъ, что онъ слышалъ отъ Собакина, что хвалятъ ректора московской академіи. Сѣченовъ на это замѣтилъ: Богъ устами вашими глаголетъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ судьбу Гавріила уже въ это время вмѣшивается знаменитый фаворитъ Екатерины, будущій князь Потемкинъ. Какимъ образомъ онъ могъ знать Гавріила? Отвѣтъ даетъ не только Антоній Знаменскій, а еще больше біографія самого Потемкина. Потемкинъ учился въ московскомъ университетѣ какъ разъ во времена молодости Гавріила, когда тотъ былъ справщикомъ типографіи. Въ юности будущій знаменитый государственный человѣкъ вращался въ духовныхъ кругахъ Москвы, дружилъ съ духовными лицами, бралъ уроки греческаго языка у архимандрита Дороѳея, бывалъ въ домѣ архіеп. крутицкаго Амвросія (Зертисъ-Каменскаго) и мечталъ сдѣлаться архіереемъ [6]). Неудивительно, что онъ встрѣчался съ Гавріиломъ, можетъ быть еще свѣтскимъ человѣкомъ, а потомъ ректоромъ, ученымъ архимандритомъ. Встрѣчи могли быть и у духовныхъ особъ и у такихъ лицъ, какъ Собакинъ, видимо

люціей Екатерины на докладѣ Синода отъ 7 мая 1763 г. онъ назначенъ епископомъ тверскимъ (А. С., кн. именн. указовъ 1763 г. № 34).

[1]) Дѣло А. С. 1763 г. № 145.

[2]) Въ рукоп. новгор. сем. библ. № 6833, л. 115 об.—116.

[3]) Дѣло А. С. 1763 г. № 155, л. 1. [4]) Тодорскій, еп. костромской.

[5]) Потемкинъ получилъ это назначеніе 19 августа 1763 г. (Дѣло А. С. 1763 г. № 16).

[6]) „Рус. Арх. 1867 г., стр. 592. Словарь Бантышъ-Каменскаго, т. IV. Подробная біографія Потемкина у Брикнера, „Потемкинъ“, Спб. 1891 г.

стоявшій близко къ духовенству. Авторъ примѣчанія къ «бумагамъ м. Гавріила», напечатаннымъ въ «Рус. Архивѣ» за 1869 г. [1]). называетъ Потемкина даже пріятелемъ молодости Гавріиловой. Такъ ли были близки ихъ отношенія въ ту пору, сказать положительно нельзя; но что связь была—это несомнѣнно. Связь эта была важна главнымъ образомъ для дальнѣйшей судьбы Гавріила. Что касается назначенія въ епископы, то рекомендація Потомкина въ ту пору еще не имѣла особаго значенія. Гавріила знали въ Синодѣ и, какъ мы видѣли, м. Димитрій самъ заговаривалъ о его архіерействѣ. Теперь Потемкинъ, можетъ быть, лишь разрѣшилъ сомнѣнія на счетъ просьбы самого Гавріила его не трогать. Однако, въ спискѣ кандидатовъ на тверскую каѳедру первымъ былъ поставленъ не Гавріилъ, а Ѳеофилъ, по настоянію, будто бы, члена Синода архим. Симона, протежировавшаго Ѳеофилу [2]). Но императрица резолюціей 29 октября повелѣла посвятить въ Тверь Гавріила [3]). Опять возможно, что государыня здѣсь дѣйствовала по рекомендаціи того же Потемкина. Но возможно и просто, что она остановилась на Гавріилѣ, какъ на извѣстномъ ей раньше человѣкѣ и какъ на великороссѣ. Екатерина съ самаго начала своего правленія повела политику предпочтенія духовныхъ великороссовъ малороссіянамъ [4]). Если представляли ей двухъ кандидатовъ, одного великоросса, а другого малоросса (а обычно, особенно въ 60—70-хъ г.г. XVIII в., представляли такъ), то она почти всегда выбирала великоросса, независимо отъ мѣста его кандидатуры. И по тому же синодскому докладу, которымъ представлялся Гавріилъ, на коломенскую каѳедру она то-же утвердила второго кандидата—великороссіянина. Впрочемъ, вниманіе императрицы именно къ Гавріилу видно и изъ другого обстоятельства. Того же 23 октября Синодъ представлялъ государынѣ докладъ о новомъ составѣ Синода и его конторы. Изъ числящихся въ конторѣ трехъ членовъ—архимандритовъ Екатерина не противъ кого

---

[1]) Ст. 1570. [2]) У Антонія Заменскаго, л. 116.

[3]) Дѣло А. С. 1763 г. № 145. Кн. именн. ук. 1763 г. № 80.

[4]) См. объ этомъ, напримѣръ у *К. В. Харламповича*, „Малороссійское вліяніе", т. I, стр. 488—490. О причинахъ предпочтенія малороссовъ ср. мой отзывъ о сочиненіи Харламповича въ Журналахъ совѣта спб. академіи за 1914 г. Въ моментъ вступленія Гавріила въ епископскую среду изъ наличныхъ архіереевъ великороссовъ было менѣе половины (Гос. Архивъ, разр. XVIII, № 47, ч. VI).

иного, а противъ имени Гавріила написала: (присутствовать) «сему, а понеже онъ по другому докладу представленъ въ архіереи, то представить другова для присутствія» [1]).

Такимъ образомъ для Гавріила день 29 октября 1763 г. былъ памятенъ совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ для конторы, членомъ которой онъ состоялъ. Мѣсяцъ спустя, 3-го декабря, Гавріилъ былъ нареченъ въ епископа въ Синодѣ [2]). 6-го декабря состоялась его хиротонія въ Петропавловскомъ соборѣ [3]). Въ хиротоніи участвовали: м. Димитрій, Гавріилъ (Кременскій), архіеп. спб., и Георгій (Конисскій) [4]). Гавріилъ получилъ епископство на 34 году жизни, что удавалось лишь выдающимся іерархамъ. Такъ, на 34 году сдѣлался епископомъ Платонъ; на 33 году Амвросій Подобѣдовъ, на 31 году Гедеонъ Криновскій (но послѣдній былъ исключеніемъ). Гавріилъ восходилъ на высшую степень священства полный силъ и въ то же время уже умудренный достаточнымъ административнымъ опытомъ. Впереди открывалась ему широкая дорога. Назначеніе въ Тверь было почетнымъ и знаменательнымъ назначеніемъ. Тверскіе архіереи въ то время были обычно и членами Синода, равно какъ псковскіе, по близости къ столицѣ. Въ Синодѣ засѣдалъ предшественникъ Гавріила въ Твери Аѳанасій (Вольховскій) и его преемникъ Платонъ (Левшинъ). Членство въ Синодѣ обѣщала тверская каѳедра и Гавріилу. Сюда и назначали людей, бывшихъ на виду у власти, привлекшихъ высочайшее вниманіе. Для Гавріила, правда, такое естественное назначеніе осуществилось не такъ скоро. Но тому причиной были особыя обстоятельства, для него не менѣе почетныя, а не желаніе отстранить его отъ дѣлъ высшаго церковнаго управленія, къ какимъ такъ часто призывались тверскіе владыки.

Б. Титлиновъ.

---

[1]) П. С. П, и Р. Цар. Екат. II, т. I, № 142.
[2]) Дѣло А. С. 1763 г. № 145, л. 29. [3]) Ibid., л. 49.
[4]) У *Антонія Знаменскаго*, л. 116.

Избраніе александрійскихъ патріарховъ въ XIX вѣкѣ.

Историческій очеркъ *).

Константинопольская церковь, получивши изъ Египта извѣщеніе о состоявшемся избраніи мѣстоблюстителя мѣстнаго патріаршаго престола, пожелала достовѣрно узнать, дѣйствительно ли патріархъ Никаноръ совершенно неспособенъ къ управленію, вслѣдствіе болѣзни и старости, и рѣшила отправить туда своего экзарха для непосредственнаго пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній, въ зависимости отъ которыхъ и должно было опредѣлиться ея отношеніе къ ходатайству христіанъ Александріи и Каира о признаніи избраннаго ими мѣстоблюстителя, архимандрита Евгенія. Патріаршимъ экзархомъ былъ избранъ великій архимандритъ Григорій, который 7 марта 1867 г. и отправился въ Александрію. И чрезъ посредство своего экзарха Великая церковь удостовѣрилась въ психическомъ недомоганіи патріарха Никанора и въ неспособности его къ управленію. Въ виду этого, вселенскій патріархъ Григорій VI и священный синодъ склонились на просьбу христіанъ Александріи и Каира и признали правильнымъ и законнымъ произведенное ими избраніе архимандрита Евгенія мѣстоблюстителемъ и діадохомъ александрійскаго патріаршаго престола. Въ мартѣ 1867 г. изъ Константинополя были посланы въ Египетъ двѣ патріаршія грамоты, одна изъ которыхъ была обращена къ клиру и народу александрійскаго патріаршаго престола, а другая—къ проедру и епитропамъ православнаго кинота въ Каирѣ.

Что касается перваго посланія—патріаршаго и синодальнаго, то въ документѣ, послѣ характеристики высшей церков-

*) Продолженіе. См. ноябрь.

ной власти, какъ совершенно необходимой для благоустройства и процвѣтанія церковнаго общества, говорится, что александрійскій патріархъ Никаноръ, недавно поставленный по общему избранію мѣстнаго клира и народа, пораженъ тяжкою болѣзнію и уже достаточное время страдаетъ не только физически, но и психически, такъ что оказывается совершенно неспособенъ къ исполненію патріаршихъ обязанностей и къ управленію патріаршимъ престоломъ, церковныя и духовныя дѣла котораго, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія его блаженства, пришли въ крайній упадокъ и разстройство, а въ связи съ этимъ нѣкоторые своекорыстные люди стали совершать противоканоническія злоупотребленія и другія душевредныя дѣла, прикрываясь психическимъ недомоганіемъ патріарха. Въ виду такого положенія, клирики и представители народа въ александрійскомъ патріархатѣ, воодушевленные истинною христіанской ревностію и искренно стремящіеся къ славѣ александрійскаго престола, обратились къ Великой Христовой церкви съ посланіемъ, въ которомъ съ глубокою печалью описали бѣдственное состояніе тамошнихъ церковныхъ дѣлъ, сообщили объ избраніи временного попечителя и мѣстоблюстителя страждущаго патріарха, въ лицѣ архимандрита Евгенія, извѣстнаго своимъ умомъ, добродѣтелью и способностью и прежде съ успѣхомъ исполнявшаго обязанности епитропа александрійскаго престола, и, съ цѣлью устраненія дальнѣйшаго упадка церковной жизни въ Египтѣ и для возможнаго ея уврачеванія, горячо просили высокаго покровительства общей матери благочестивыхъ, Великой Христовой церкви, ходатайствуя и о разрѣшеніи архимандриту Евгенію, находившемуся въ Константинополѣ, прибыть въ Египетъ и взять на себя обязанности попечителя и временное управленіе находившимся въ опасности духовнымъ александрійскимъ кораблемъ. Патріархъ Григорій VI и священный синодъ, не только побуждаясь неизбѣжнымъ долгомъ заботы о спасеніи повсюду находящагося православнаго общества, но и имѣя въ виду древнюю прономію вселенскаго престола содѣйствовать и помогать въ нуждахъ прочихъ Церквей и патріаршихъ престоловъ, приняли, по общему синодальному рѣшенію, это общее ходатайство и обращеніе,—тѣмъ болѣе, что дѣло касалось благоустройства и достоинства нуждавшагося александрійскаго престола, а спеціально отправленный въ Египетъ церковный экзархъ удостовѣрилъ опасное умственное состояніе блаженнѣйшаго Ника-

нора,—и синодально рѣшили назначить архимандрита Евгенія для указанной духовной миссіи, не только необходимой въ виду современнаго положенія церковныхъ дѣлъ въ Египтѣ, но и канонически оправдываемой и согласной съ священными законами, равно и утвержденной со стороны гражданской власти и признанной, по ходатайству египетскаго вице-короля, изданнымъ высокимъ указомъ державнаго турецкаго царства. Сообщая затѣмъ о предстоящемъ пріѣздѣ архимандрита Евгенія въ Египетъ, патріархъ Григорій и священный синодъ побуждали всѣхъ тамошнихъ христіанъ принять его съ должнымъ уваженіемъ и любовью, такъ какъ архимандритъ Евгеній, по званію попечителя и мѣстоблюстителя, долженъ принять на себя завѣдываніе и управленіе дѣлами александрійскаго патріаршаго престола, покровительство и руководство подчиненными ему церковными и духовными вопросами, неусыпно работая и ревностно стараясь обо всемъ, что относится къ славѣ престола, къ соблюденію его владѣній и установленій, къ исправленію нарушенныхъ древнихъ обычаевъ, прономій и чиновъ, согласно священнымъ канонамъ и преданіямъ православной Церкви, путеводя по спасительнымъ пажитямъ разумную свою паству посредствомъ отеческихъ наставленій и безукоризненной своей жизни. Наконецъ, всѣ христіане Египта должны оказывать архимандриту Евгенію надлежащую честь, послушаніе и расположеніе къ духовнымъ его совѣтамъ и съ готовностью содѣйствовать его полезнымъ предложеніямъ и дѣйствіямъ въ пользу общихъ духовныхъ и другихъ интересовъ православной паствы [280]).

Въ посланіи же, отправленномъ (19 марта) патріархомъ Григоріемъ предсѣдателю и епитропамъ каирскаго кинота, сообщалось, что Великая Христова Церковь, которую православныя общины Каира и Александріи горячо просили о помощи, не могла явиться безразличною созерцательницею печальнаго состоянія почтеннаго александрійскаго престола и, будучи глубоко поражена полученными извѣстіями какъ отъ тамошнихъ христіанъ, такъ и отъ спеціальнаго своего церковнаго экзарха, признала необходимымъ вновь, какъ и прежде, придти на помощь этому престолу, руководясь и каноническими основаніями. И вотъ, патріархъ и священный синодъ

[280]) В. Καλλίφρων, Ἐκκλησιαστικά, ἢ Ἐκκλησιαστικὸν Δελτίον, Α', τ. II, с. 84—87. К. 1869.

приступили къ исполненію общей просьбы египетскихъ христіанъ и нынѣ посылаютъ въ Александрію избраннаго ими архимандрита Евгенія, какъ попечителя и мѣстоблюстителя больного патріарха Никанора. Сообщивъ объ этомъ каирскому киноту и указавъ обязанности патріаршаго мѣстоблюстителя, святѣйшій Григорій въ заключеніи посланія обѣщалъ имъ и впредь свою помощь въ благословныхъ и законныхъ дѣлахъ и не сомнѣвался, что проедръ и епитропы каирскаго кинота облегчатъ совмѣстно съ архимандритомъ Евгеніемъ положеніе больного патріарха и обезпечатъ дальнѣйшую славу и блескъ святѣйшаго александрійскаго патріаршаго престола [281]).

Архимандритъ Евгеній прибылъ въ Александрію 28 марта 1867 г. и, по сообщенію одного греческаго источника, былъ торжественно встрѣченъ здѣсь вице-королемъ Египта и православнымъ греческимъ кинотомъ. Предсѣдатель съ членами епитропіи александрійскаго кинота прибыли на пароходъ для привѣтствія архимандрита Евгенія, который потомъ и былъ на присланной по распоряженію правительства лодкѣ перевезенъ на пристань, гдѣ его ожидалъ экипажъ отъ вице-короля. Въ сопровожденіи правительственныхъ чиновниковъ, архимандритъ Евгеній отправился съ визитомъ къ вице-королю и былъ принятъ имъ съ большою торжественностью, причемъ привѣтствовалъ его рѣчью на французскомъ языкѣ. Затѣмъ съ тою же свитою архимандритъ Евгеній отправился къ престарѣлому патріарху Никанору, котораго и завѣрялъ, что «будетъ утѣшать и охранять его, какъ сынъ отца» [282]).

Но не такъ происходило дѣло по сообщенію самого патріарха Никанора, изложившаго въ своемъ письмѣ къ А. Н. Муравьеву отъ 26 іюня 1867 г. всѣ «тѣ ужасы, озлобленія и мученія», которымъ патріархъ подвергся отъ Евгенія Данкоса, ксиропотамскаго архимандрита. Послѣдній, «подстрекаемый демономъ честолюбія и тщеславія», еще послѣ отреченія александрійскаго патріарха Каллиника пытался занять его престолъ, но «съ презрѣніемъ и негодованіемъ» былъ отвергнутъ клиромъ и всѣмъ народомъ Египта. Продолжая «мечтать о патріаршествѣ», онъ потомъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ «своекорыстныхъ и ищущихъ только своей пользы

[281]) Ibid., 87—89.
[282]) Ibid., 89.

лицъ», и «они-то съ помощью золота и обѣщаній успѣли увѣрить Великую церковь Константинополя», что у патріарха Никанора «нездоровъ мозгъ» и будто бы онъ неспособенъ къ управленію. «Великая церковь, безъ всякаго права и безъ справки съ канонами св. апостоловъ и священныхъ соборовъ, равно и съ нерушимыми и неоспоримыми преимуществами александрійскаго престола и съ султанскими фирманами, кои издавно признаны всѣми правительствами, посягнула на вмѣшательство, и безъ предварительнаго истребованія удостовѣреній, отправила въ Александрію великаго архимандрита своего Григорія, человѣка своекорыстнаго и сребролюбиваго» [283]). Но этотъ церковный экзархъ даже и не былъ у патріарха Никанора и представилъ свой докладъ Церкви на основаніи заявленій «малочисленныхъ сторонниковъ Евгенія». Однако, Великая церковь, «признавъ Евгенія, снабдила его предписаніями и приказала немедленно отправиться въ Александрію въ качествѣ попечителя и преемника» патріарха Никанора. Въ свою очередь, сторонники архимандрита Евгенія расположили въ его пользу египетское правительство и русскаго консула Лекса,—хотя клиръ и народъ усиливались разстроить ихъ планы и составили прошенія, съ многочисленными подписями, противъ архимандрита Евгенія и въ защиту патріарха. Но «мѣстная власть, ободряемая генеральнымъ консуломъ Россіи, вооруженною рукою разогнала все собраніе христіанъ, и даже выгнала ихъ изъ храма». Наконецъ, Евгеній пріѣхалъ въ Александрію и направился въ патріархію св. Саввы, «сопровождаемый стройнымъ отрядомъ конницы и множествомъ вооруженныхъ безумцевъ, среди негодующаго народа, и со всѣмъ безстыдствомъ и безстрашіемъ» явился къ патріарху. «Мы,—пишетъ блаженнѣйшій Никаноръ,—не ожидавшіе такого появленія, спросили его: кто призвалъ тебя? кто призвалъ тебя на престолъ нашъ, и какъ ты пришелъ? Дерзкій, онъ отвѣчалъ намъ не краснѣя, что онъ пришелъ съ тѣмъ же титуломъ, съ какимъ пришли и мы, и что пришелъ, какъ мѣстоблюститель и преемникъ нашъ, дабы сыновнимъ образомъ успокоить насъ въ старости». Патріархъ возразилъ, что не имѣетъ нужды въ такомъ сынѣ, или мѣстоблюстителѣ, или преемникѣ, такъ какъ его синодальные архіереи и клиръ по-

[283]) Архимандритъ Григорій 20 декабря 1867 г. былъ хиротонисанъ на митрополичью каѳедру Кассандріи (Καλλίφρων, Α', II, 83).

заботятся объ этомъ, «но только тогда, когда патріархъ сойдетъ въ могилу». Теперь же патріархъ, зная всѣ «продѣлки» архимандрита Евгенія и «антиканоническое избраніе и пришествіе его», не принимаетъ его, потому что «не продаетъ Церкви Христовой и правъ александрійскаго престола». «Къ сему присовокупили мы,—продолжаетъ писать патріархъ,—что тѣ, которые избрали его и привели, могутъ принять его въ свои домы, а *мы отлучаемъ его отъ церкви, проклинаемъ*, воспрещаемъ ему всякое священнодѣйствіе и объявляемъ достойнымъ низложенія отъ Отца, Сына и Св. Духа за то, что не дверью вошелъ во дворъ овчій, но отъинуду, какъ тать и разбойникъ». Послѣ этого архимандритъ Евгеній и его сторонники «со стыдомъ» ушли въ Благовѣщенскій храмъ, при которомъ первый потомъ и поселился и «воздвигъ оттуда брань на церковь и престолъ александрійскій, пользуясь всѣми сатанинскими средствами, пренебрегая и отлученіемъ отъ церкви и запрещеніемъ». Когда же блаженнѣйшій Никаноръ уѣхалъ въ Каиръ, то покровители архимандрита Евгенія распорядились отправить въ ссылку двухъ видныхъ сторонниковъ патріарха, митрополитовъ Аѳанасія ливійскаго и Мелетія ѳиваидскаго, а самъ Евгеній овладѣлъ патріархіей въ Александріи. 19 іюня онъ съ своими сторонниками пріѣхалъ и въ Каиръ и, при поддержкѣ правительства и въ сопровожденіи «многихъ злодѣевъ-головорѣзовъ», рѣшился и здѣсь захватить зданіе патріархіи и выгнать блаженнѣйшаго Никанора. Но послѣдній не хотѣлъ уступить, а собравшіеся на его защиту христіане рѣшились силою отстаивать свободу и независимость александрійскаго престола и готовы были умереть «за гонимую несправедливо вѣру и за патріарха своего». Въ патріархію явились градоначальникъ и полиціймейстеръ съ отрядомъ солдатъ до 400 человѣкъ. По приказу градоначальника—«*вуруну*», т. е. бейте, «солдаты съ бѣшеною яростью напали на безоружныхъ христіанъ съ палками, дубинами и оружіемъ». «И въ эту минуту, увы!—патріархія и дворъ храма стали театромъ достоплачевнаго побоища, жалкимъ зрѣлищемъ, трагическою и кровавою сценою, которая производила ужасъ и трепетъ во всякомъ чувствительномъ и богобоязненномъ человѣкѣ». Патріархъ Никаноръ, триполійскій митрополитъ Ѳеофанъ и два монаха-послушника «потерпѣли ужасные и нестерпимые палочные удары, постыдныя укоризны, обиды и мученія отъ фанатичныхъ и бѣшенныхъ солдатъ и головорѣзовъ». Во время дикой свалки нѣкоторые

христіане, бросившись въ средину побоища, успѣли вырвать патріарха изъ рукъ разъяренныхъ солдатъ, отнесли его въ сосѣднее зданіе школы и такимъ образомъ спасли ему жизнь. Но архимандритъ Евгеній торжествовалъ побѣду надъ беззащитнымъ своимъ «отцомъ», патріархомъ Никаноромъ, и послѣ кроваваго побоища спокойно водворился въ разоренной патріархіи. Патріархъ же на другой день уѣхалъ въ Александрію, гдѣ встрѣтилъ горячее сочувствіе со стороны христіанъ и консуловъ элладскаго, бельгійскаго, французскаго и итальянскаго, занялся леченіемъ израненнаго въ бѣшеной свалкѣ лѣваго своего плеча и заявилъ въ генеральныя консульства покровительствующихъ державъ свой горячій протестъ по поводу нанесеннаго ему оскорбленія и насилія. Блаженнѣйшій Никаноръ въ изложенномъ письмѣ просилъ и А. Н. Муравьева представить «изложенныя трагическія событія» вниманію Св. Синода и Императорскаго правительства, «требуя, во имя обиженнаго и злѣ пострадавшаго престарѣлаго патріарха, заступленія и удовлетворенія поруганной восточной православной Церкви и апостольскому и патріаршему автокефальному александрійскому престолу» [284]).

Нельзя безъ крайняго волненія и горькаго смущенія читать искреннее и правдивое письмо блаженнѣйшаго патріарха Никанора, подвергшагося незаслуженному и весьма грубому оскорбленію лишь за то, что онъ, избранный клиромъ и народомъ Египта на патріаршее предстоятельство, по принадлежащему ему праву защищалъ свободу и независимость александрійскаго патріаршаго престола отъ посторонняго вмѣшательства и внѣшнихъ притязаній. Архимандритъ Евгеній, выступившій «попечителемъ» якобы больного патріарха и «мѣстоблюстителемъ» замѣщеннаго александрійскаго патріаршаго престола, далеко не «сыновнимъ образомъ» старался «успокоить» блаженнѣйшаго Никанора въ старости и крайне грубо и безтактно стремился осуществить свои честолюбивыя и властолюбивыя притязанія—на счетъ автокефальнаго достоинства александрійскаго патріаршаго престола. Какъ первый его пріемъ со стороны патріарха Никанора, такъ и дальнѣйшія церковныя событія, связанныя съ его мѣстоблюстительствомъ и засвидѣтельствованныя другими оффиціальными документами, показываютъ, что архимандритъ Евгеній не стоялъ на высотѣ

[284]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 282—288.

назначенія и не сумѣлъ надлежащимъ образомъ учесть современныя обстоятельства, дабы съ достоинствомъ выдти изъ тѣхъ затрудненій, которыя возникли въ Египтѣ въ связи съ избраніемъ на мѣстный патріаршій престолъ блаженнѣйшаго Никанора.

Патріархъ Никаноръ, руководясь органическимъ закономъ Александрійской церкви отъ 1866 года, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ учредилъ священный синодъ, въ составъ котораго вошли, подъ его предсѣдательствомъ, митрополиты: Аѳанасій ливійскій, Мелетій ѳиваидскій, Спиридоній киринскій и Ѳеофанъ триполійскій. Объ этомъ патріархъ оффиціально извѣстилъ духовенство и народъ особымъ окружнымъ посланіемъ. Но египетское правительство, поддерживая избраніе мѣстоблюстителя архимандрита Евгенія, распорядилось удалить въ изгнаніе двухъ сильныхъ его противниковъ, митрополитовъ Аѳанасія и Мелетія, обвинивши ихъ въ возбужденіи мятежа среди народа,—тогда какъ, въ дѣйствительности, эти іерархи лишь поддерживали и защищали своего законнаго предстоятеля, патріарха Никанора. Что же касается патріарха Никанора, то онъ, опираясь на помощь своей паствы, совершенно игнорировалъ архимандрита Евгенія, не признавалъ его ни своимъ попечителемъ, ни мѣстоблюстителемъ престола и не входилъ съ нимъ ни въ какія сношенія. Мало того, 8 іюня 1867 г. патріархъ Никаноръ окружнымъ посланіемъ къ клирикамъ, епитропамъ православныхъ приходовъ и прочимъ христіанамъ александрійскаго престола объявилъ объ избраніи законнаго своего діодоха и мѣстоблюстителя въ лицѣ архимандрита Нила изъ Есфигменскаго монастыря на Аѳонѣ.

Въ этомъ посланіи патріархъ говоритъ, что вмѣшательство Великой Христовой церкви въ дѣло александрійскаго престола, «вопреки всякому закону и канону священной нашей вѣры», и противоканоническое вторженіе архимандрита Евгенія, въ связи съ изгнаніемъ двухъ синодальныхъ членовъ—архіереевъ, привели Александрійскую церковь въ большое неустройство, создали раздѣленіе среди мѣстнаго христіанскаго общества и нарушили духовный среди него миръ. Блаженнѣйшій Никаноръ, желая, какъ законный киріархъ престола, уврачевать внутреннія его нестроенія и заботясь о славѣ и благосостояніи церкви, рѣшилъ избрать каноническаго мѣстоблюстителя и діадоха александрійскаго патріаршаго престола, въ лицѣ мужа достойнаго уваженія и почтенія, отличающагося

безукоризненной жизнію и образованіемъ и способнаго управлять кораблемъ церкви. Выборъ патріарха, въ силу киріархальнаго его права, палъ на архимандрита Нила Есфигменита, какъ соотвѣтствующаго по своимъ моральнымъ качествамъ указанному назначенію и вполнѣ внушающаго блаженнѣйшему Никанору увѣренность въ томъ, что онъ прославитъ и возвеличитъ церковь и народъ своими дѣяніями. Сообщивъ всѣмъ христіанамъ о состоявшемся избраніи законнаго мѣстоблюстителя и діодоха престола, патріархъ Никаноръ выразилъ въ посланіи и увѣренность, что это избраніе встрѣтитъ всеобщее одобреніе [285]).

15 іюня 1867 г. патріархъ Никаноръ обратился изъ Каира съ посланіемъ къ клирикамъ, прокритамъ и прочимъ христіанамъ Александріи по поводу избранія своего антипросопа или намѣстника для этого города. И въ этомъ посланіи рѣчь идетъ о противоканоническомъ и незаконномъ вторженіи архимандрита Евгенія въ предѣлы александрійскаго патріаршаго престола, вызвавшемъ здѣсь соблазны и лишившемъ Александрію каноническаго патріаршаго епитропа, ко вреду мѣстныхъ христіанъ и къ упадку церковныхъ здѣсь дѣлъ. Какъ законный киріархъ престола, патріархъ Никаноръ, заботясь о благосостояніи своей паствы, рѣшилъ объявить ей, что всякое дѣяніе архимандрита Евгенія, какъ проникшаго въ патріархатъ вопреки желанію киріарха, является недѣйствительнымъ, непріемлемымъ и неимѣющимъ въ церковномъ отношеніи силы. Въ качествѣ же своего антипросопа въ Александріи патріархъ назначилъ архимандрита Григорія Агаѳовула, къ которому всѣ и должны обращаться въ случаѣ необходимости, какъ къ законному представителю церковной власти [286]).

Въ то время какъ патріархъ Никаноръ, путемъ законныхъ мѣропріятій, стремился утвердить за собою власть и фактически удержать іерархическое предстоятельство въ Александрійской церкви, архимандритъ Евгеній, въ свою очередь старался сохранить мѣсто рядомъ съ патріархомъ и, вопреки желанію послѣдняго, остаться его попечителемъ, а вмѣстѣ и мѣстоблюстителемъ патріаршаго александрійскаго престола. Подобно патріарху, и архимандритъ Евгеній, «мѣстоблюститель александрійскаго престола», 24 іюня 1867 г. обратился въ Каирѣ съ окружнымъ посланіемъ «ко всѣмъ православнымъ

285) Καλλίφρων, Α', ΙΙ, 90—91.
286) Καλλίφρων, Α', ΙΙ, 91—92.

въ Египтѣ», именно—къ митрополитамъ, іереямъ, іеромонахамъ, прокритамъ и всѣмъ остальнымъ благословеннымъ христіанамъ, именуя ихъ «чадами о Господѣ возлюбленными его божественнаго блаженства, отца и патріарха ихъ киръ Никанора». Въ этомъ любопытномъ посланіи заявляется, что патріархъ Никаноръ, какъ всѣмъ извѣстно изъ оффиціальныхъ церковныхъ и гражданскихъ документовъ и актовъ, впалъ въ состояніе, которое болѣе не позволяетъ ему непосредственно управлять александрійскимъ патріаршимъ престоломъ безъ значительнаго вреда для дѣлъ его и интересовъ, и поэтому возникла необходимость назначить попечителя для его блаженства и мѣстоблюстителя для престола; таковымъ и былъ назначенъ архимандритъ Евгеній, хотя и слабый для несенія указаннаго бремени, но уже вступившій въ отправленіе этого священнаго назначенія. Призвавши помощь свыше, дабы вести ввѣренную ему паству по пажитямъ прямымъ и путямъ гладкимъ, архимандритъ Евгеній призналъ своей обязанностью и увѣрить всѣхъ, что желаетъ уважать, почитать и успокоивать патріарха Никанора, какъ возлюбленный сынъ заботится и успокоиваетъ любимаго отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ всѣхъ и призываетъ, чтобы никто впредь не переставалъ уважать и почитать его блаженство, потому что патріархъ, хотя и освобожденъ по указанной причинѣ отъ заботъ и попеченій, въ которыхъ обыкновенно нуждается его патріаршій престолъ, особенно въ томъ случаѣ, когда находится въ безпорядочномъ и печальномъ состояніи, тѣмъ не менѣе санъ и положеніе патріарха остаются неприкосновенными, и слѣдовательно онъ имѣетъ право на пользованіе всецѣлою любовью и всякимъ уваженіемъ со стороны своей паствы. Затѣмъ, архимандритъ Евгеній извѣщалъ всѣхъ, что съ самоотреченіемъ посвящаетъ себя благоустройству и улучшенію состоянія нѣкогда знаменитаго александрійскаго престола, возлагая на клиръ точное исполненіе высокихъ его обязанностей, братолюбезно относясь къ нему и ожидая искренняго содѣйствія, а христоименному обществу онъ благовѣствовалъ любовь и миръ, надѣясь по возможности уврачевать человѣческія его слабости, признавая всѣхъ безъ исключенія возлюбленными своими чадами и имѣя въ виду лишь одну цѣль—возстановить миръ, согласіе и любовь, дабы потомъ онъ, какъ исполнившій свою миссію, могъ сказать: «вотъ я и дѣти, которыхъ мнѣ далъ Богъ». Въ заключеніи посланія архимандритъ Евгеній патетически

призывалъ всѣхъ, какъ истинныхъ христіанъ и полезныхъ гражданъ, сплотиться вокругъ него для блага церкви и престола, стать выше страстей, дать другъ другу сердечное лобзаніе истиннаго христіанина и протянуть руку добраго гражданина, дабы изъ ихъ среды совершенно исчезли разногласія и споры, вызвавшіе какъ внѣшнія столкновенія, такъ и внутреннія нестроенія [287]).

Обращаясь съ изложеннымъ посланіемъ къ митрополитамъ, клиру и народу Александрійской церкви, архимандритъ Евгеній, титуловавшій себя мѣстоблюстителемъ александрійскаго патріаршаго престола, забылъ объ одномъ, именно—о томъ, что его опека и мѣстоблюстительство были объявлены помимо всякаго желанія патріарха Никанора, санъ котораго и положеніе онъ и самъ признавалъ неприкосновенными. А затѣмъ, посланіе было опубликовано послѣ 19 іюня 1867 г., когда патріарху Никанору было нанесено грубое и дерзкое оскорбленіе, подорвавшее его авторитетъ среди паствы и доказавшее, что онъ не пользовался отъ архимандрита Евгенія ни уваженіемъ, ни любовью. И послѣ возмутительнаго нападенія на больного старца-патріарха, страннымъ представляется благовѣстіе любви и мира со стороны того, кто самъ былъ виновникомъ дикой свалки въ стѣнахъ каирской патріархіи и небывалаго въ новѣйшихъ лѣтописяхъ александрійскаго престола униженія патріаршаго достоинства.

Однако, у архимандрита Евгенія было и не мало сторонниковъ. Того же 24 іюня 1867 г. въ кодексѣ патріархіи въ Каирѣ былъ записанъ актъ мѣстнаго православнаго клира, съ заявленіемъ, что архимандритъ Евгеній признается попечителемъ патріарха Никанора и мѣстоблюстителемъ александрійскаго престола, назначеннымъ законно и канонически, пріемлемымъ какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи, поставленнымъ для управленія патріаршими дѣлами. «Къ этому и добавляется,—говорится въ актѣ,—что всѣ мы желаемъ почитать престарѣлаго нашего патріарха киръ Никанора и успокоивать, какъ общаго нашего отца, а мѣстоблюстителю съ готовностью и братолюбезно желаемъ помогать словомъ и дѣломъ въ успѣшномъ, насколько возможно, управленіи этимъ священнымъ патріаршимъ престоломъ» [288]).

Кромѣ этого акта, 30 іюня былъ составленъ и другой

[287]) Ibid., 93—94.

[288]) Καλλίῤῥων, Α', II, 94.

актъ—отъ имени каирскаго и александрійскаго клира, вмѣстѣ съ архимандритомъ Евгеніемъ. Въ этомъ документѣ было заявлено, что нѣтъ основанія безпокоиться по поводу отношеній архимандрита Евгенія къ патріарху Никанору, такъ какъ все говоритъ въ пользу заботы и попечительности о патріархѣ. Что же касается окружнаго посланія патріарха отъ 26 іюня, въ которомъ описывается грубое и дерзкое обращеніе архимандрита Евгенія и его приспѣшниковъ съ блаженнѣйшимъ Никаноромъ, происшедшее въ каирской патріархіи и выразительно описанное патріархомъ и въ извѣстномъ его письмѣ къ А. Н. Муравьеву, то это посланіе будто бы не соотвѣтствуетъ по своему содержанію дѣйствительности, не принадлежитъ непосредственно патріарху и составлено окружающими патріарха злонамѣренными лицами. Поэтому клиръ, стремясь къ порядку и миру, заявилъ свой протестъ по поводу отмѣченнаго окружнаго посланія блаженнѣйшаго Никанора. Протестъ подписали: архимандритъ Евгеній, митрополиты Амфилохій пилусійскій и Спиридоній киринскій, клирики въ Каирѣ—великій архимандритъ Мелетій, архимандритъ Митрофанъ, іеромонахъ Іеремія, священники Василій и Петръ, архидіаконъ Стефанъ и второй діаконъ Іоанникій, клирики въ Александріи—архимандриты Григорій и Н. Мораитаки, іеромонахи Савва, Софроній, Аверкій и Симеонъ, іереи Евстаѳій, Георгій и Христофоръ и іеродіаконъ Григорій [289]).—Таковъ былъ общій составъ сторонниковъ архимандрита Евгенія изъ среды египетскаго православнаго клира.

Между тѣмъ борьба партій въ Египтѣ усиливалась и раздѣленіе между духовенствомъ и народомъ возрастало. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ кинотовъ обращались съ посланіями къ константинопольскому патріарху Григорію VI и священному синоду и горячо просили ихъ взять на себя радикальное уврачеваніе церковныхъ нестроеній въ Египтѣ, въ виду полной неспособности блаженнѣйшаго Никанора къ управленію дѣлами Александрійской церкви, а другіе киноты, напротивъ, обвиняли Константинопольскую церковь въ томъ, что она своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія церковныя дѣла въ Египтѣ еще болѣе обострила отношенія между мѣстными двумя партіями, группировавшимися около патріарха Никанора и мѣстоблюстителя архимандрита Евгенія, и ходатайствовали предъ нею въ защиту автокефальныхъ правъ Александрійской церкви.

---

[289]) Ibid., 95—96.

22 іюля 1867 г. вселенскій патріархъ Григорій VI отправилъ нѣкоторымъ членамъ каирскаго кинота свое посланіе, проливающее свѣтъ на положеніе церковныхъ дѣлъ въ Египтѣ въ этотъ моментъ. Посланіе было отвѣтомъ на письмо изъ Каира отъ 10 іюля, въ которомъ описывалось ненормальное и бѣдственное положеніе церкви въ Египтѣ и указывалась вина въ этомъ со стороны Великой Христовой Церкви, которая будто бы (δῆθεν) нарушила автономію александрійскаго патріаршаго престола. Хотя и самыя дѣла свидѣтельствуютъ объ истинѣ, — заявляется въ посланіи патріарха, — тѣмъ не менѣе святѣйшій Григорій не нашелъ возможнымъ оставить безъ обличенія несправедливость обвиненій противъ Константинопольской церкви, которая совершенно и не помышляла о вмѣшательствѣ въ дѣла александрійскаго патріаршаго престола съ цѣлью нарушенія его автономіи. Обвинителямъ вселенскаго престола, повидимому, неизвѣстно, что когда въ Египтѣ возникли споры и неудовольствія изъ-за физическаго и умственнаго состоянія патріарха Никанора, Великая Христова Церковь, дабы не дать поводъ къ обвиненію во вмѣшательствѣ въ дѣла александрійскаго престола, совершенно воздерживалась отъ всякаго дѣйствія въ теченіе продолжительнаго времени, именно—въ послѣдніе мѣсяцы патріаршества Софронія III, въ трехмѣсячный періодъ междупатріаршества и въ начальные мѣсяцы патріаршества самаго Григорія VI,—хотя киноты въ Александріи и Египтѣ и другіе тамошніе христіане, клирики и міряне, въ своихъ непрерывно слѣдовавшихъ прошеніяхъ и горячихъ ходатайствахъ выражали горькое свое сожалѣніе по поводу того, что блаженнѣйшій Никаноръ, вслѣдствіе болѣзни, не можетъ управлять дѣлами престола къ духовной его пользѣ. Но и послѣ того какъ въ Константинополѣ было получено удостовѣреніе о болѣзненномъ состояніи блаженнѣйшаго Никанора и о неспособности его къ управленію, а дѣла александрійскаго престола продолжали ухудшаться, — о чемъ не переставали согласно заявлять мѣстные православные киноты, настойчиво прося Константинопольскую церковь о помощи и о разрѣшеніи архимандриту Евгенію, какъ ея клирику, прибыть въ Египетъ и взять на себя предстоятельство находившагося въ затруднительномъ положеніи престола и указывая при этомъ на гибельныя для спасенія мѣстныхъ христіанъ послѣдствія отъ такого отказа, — Великая Христова Церковь, однако, первоначально вовсе не желала дать архимандриту

Евгенію свое разрѣшеніе и согласилась на это лишь тогда, когда, во-первыхъ, она, въ виду протестовъ на ея безразличное отношеніе къ положенію александрійскаго престола, увидѣла въ своемъ отказѣ о помощи бѣдствующей церкви нарушеніе священной своей обязанности, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось разрѣшенія лишь для одного клирика, и во-вторыхъ, избранное лицо уже было признано правительственною властью—мѣстною и турецкою. Этимъ доказывается,—говорится въ анализируемомъ патріаршемъ посланіи,—насколько несправедливо и самое малое обвиненіе Константинопольской церкви въ указанномъ отношеніи. Оно тѣмъ болѣе странно, что члены египетскихъ православныхъ кинотовъ, съ одной стороны, обвиняютъ Константинопольскую церковь за разрѣшеніе архимандриту Евгенію, согласно просьбѣ тѣхъ же кинотовъ, прибыть въ Египетъ, а съ другой—просятъ вселенскую патріархію прислать другое лицо для упорядоченія мѣстныхъ церковныхъ дѣлъ: вѣдь если разрѣшеніе, данное архимандриту Евгенію, разсматривается какъ вмѣшательство Константинопольской церкви во внутреннія дѣла Александрійскаго патріаршаго престола, то какъ можетъ быть свободно отъ такого обвиненія отправленіе въ Египетъ другого лица, да притомъ не какъ мѣстоблюстителя, а какъ діадоха престола, вопреки священнымъ канонамъ?—И это указываетъ на неосновательность и несправедливость обвиненій противъ Великой Христовой Церкви. Что же касается настоящаго бѣдственнаго состоянія александрійскаго престола, то Константинопольская церковь, въ материнскомъ своемъ сочувствіи, скорбитъ по этому поводу и искренно желаетъ уврачеванія и исправленія внутреннихъ дѣлъ престола, а средствомъ для этого она признаетъ единомысліе во Христѣ всѣхъ тамошнихъ православныхъ христіанъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые близко стоятъ къ церковнымъ дѣламъ и имѣютъ первенство въ общественномъ отношеніи. Искреннее единодушіе всѣхъ, взаимная помощь, братская христіанская любовь, устраненіе соревнованія, раздоровъ и другихъ страстей—вотъ что можетъ обезпечить порядокъ въ александрійскомъ патріархатѣ, возвратить мѣстному престолу прежнюю славу и возстановить миръ среди духовной паствы Египта. Объ этомъ патріархъ Григорій и молился подателю мира Господу Іисусу Христу [290]).

---

[290]) Καλλίφρων, Α', ΙΙ, 96—99.

Однако, церковныя дѣла въ Египтѣ продолжали постепенно приходить въ худшее состояніе, миръ среди паствы не наступалъ, а сторонники патріарха Никанора и «мѣстоблюстителя» архимандрита Евгенія попрежнему находились въ самой ожесточенной взаимной борьбѣ. Около патріарха Никанора сгруппировались триполійскій митрополитъ Θеофанъ, дикей и иноки братства Синайскаго монастыря, клирики — оффикіалы александрійскаго престола. При ихъ участіи патріархъ Никаноръ устроилъ въ Александріи соборъ для суда и изверженія архимандрита Евгенія Данкоса. Соборъ происходилъ 24—27 іюля 1867 года и имѣлъ четыре засѣданія. Сохранились и протоколы (τὰ πρακτικά) этого собора, дающіе возможность въ точности установить порядокъ и результаты его засѣданій.

Первое засѣданіе помѣстнаго собора въ Египтѣ (τῆς ἐν Αἰγύπτῳ τοπικῆς συνόδου), состоявшагося въ 1867 г. при патріархѣ Никанорѣ, происходило 24 іюля въ храмѣ св. великомученика и архидіакона Стефана въ Рамліи въ Александріи. На засѣданіе, бывшее подъ предсѣдательствомъ папы и патріарха Никанора, прибыли члены собора: триполійскій митрополитъ Θеофанъ, дикей царскаго монастыря на Синаѣ Кириллъ съ находившимися вмѣстѣ съ нимъ отцами — протосинкелломъ Корниліемъ и іеромонахомъ Порфиріемъ, архимандритъ и каθигуменъ монастыря св. Георгія въ Мемфисѣ Мелетій, архимандритъ Хрисанθъ, великій экономъ Михаилъ, великій протосинкеллъ Θеодулъ (священникъ въ Мансурѣ), синкеллъ Агапій, экономъ Христодулъ и другой экономъ Христодулъ кипрянинъ (ефимеріи при патріархіи), сакелларій Анастасій, великій протопресвитеръ Іоаннъ, хартофилаксъ Петръ (ефимерій Танты), сакелліонъ Петръ (патріаршій ефимерій), іеромонахи Макарій, Іоаннъ, Авраамій (ефимерій Суэца), и Поликарпъ, великій архидіаконъ его блаженства Аθанасій и великій ипомниматографъ-анагностъ Георгій кипрянинъ, при чемъ обязанности секретаря были возложены на великаго архидіакона Аθанасія, а архимандритъ Агаθангелъ и священники Іаковъ и Абдала посредствомъ своихъ удостовѣрительныхъ грамотъ заявили о желаніи присутствовать на соборѣ.

Когда всѣ участники собора заняли по чину свои мѣста, блаженнѣйшій патріархъ Никаноръ, послѣ того какъ было воспѣто обычное славословіе, объявилъ засѣданіе собора открытымъ и прибавилъ, что задачею созваннаго помѣстнаго собора служатъ обезпеченіе поколебленныхъ автокефальныхъ

прономій и правъ патріаршаго александрійскаго престола, возстановленіе вожделѣннаго мира среди Александрійской церкви, нарушеннаго антиканоническимъ и противозаконнымъ вторженіемъ нѣкоего архимандрита Евгенія, и наказаніе виновниковъ этого согласно божественнымъ и священнымъ канонамъ.

Вслѣдъ затѣмъ слово было предоставлено великому архидіакону Аѳанасію. Ораторъ заявилъ, что обязанность участниковъ собора заключается въ разслѣдованіи причинъ, вызвавшихъ въ Александрійской церкви жестокую бурю, которая угрожаетъ потопить духовный ея корабль въ пучинѣ безпорядка и нечестія, и въ опредѣленіи мѣръ, при помощи которыхъ соборъ вмѣстѣ съ каноническимъ и законнымъ своимъ кормчимъ долженъ устранить надвинувшуюся опасность. Право соборнаго рѣшенія вопросовъ крупнаго церковнаго значенія даровано святыми отцами, по подражанію которымъ и блаженнѣйшій патріархъ Никаноръ, съ душевною скорбью увидѣвъ, что архимандритъ Евгеній, по наущенію діавола, давно уже и неудержимо стремится на александрійскій патріаршій престолъ, къ явному вреду для паствы, созвалъ помѣстный каноническій соборъ, пользуясь киріархальнымъ своимъ правомъ [291]), чтобы соборно разслѣдовать источникъ зла и соборно сдѣлать постановленіе объ устраненіи опасности. Кто такой Евгеній и какова была прошлая его жизнь,—объ этомъ нѣтъ необходимости разсуждать, а достаточно только имѣть въ виду, что онъ отвнѣ вторгся на престолъ Аѳанасіевъ и Кирилловъ и не дверью вошелъ, а какъ разбойникъ вознамѣрился лишить его всего духовнаго богатства, предсталъ какъ прелюбодѣй (μοιχὸς) и оскорбитель престола. Богатство же свое Александрійская церковь пріобрѣла отъ апостольскихъ временъ, когда она именемъ Господа была основана апостоломъ и евангелистомъ Маркомъ, дабы до скончанія вѣка пребывать автокефальной и самоуправляемой, имѣя своимъ началовождемъ патріарха, котораго отцы третьяго вселенскаго

[291]) Δοσίθεος, πατριαρχης Ἱεροσολύμων, Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων (ἐν Βουκουρεστίῳ 1715), βιβλίον ί, μέρος γ'. κεφάλαιον ς', σελ. 1014—1016: „Ότι ἡ σύνοδος λέγεται τετραχῶς, καὶ πρῶτον περὶ χωρικῆς. καὶ ποσαχῶς ὀνομάζεται ἁπλῶς πᾶσα ἐπισκοπὴ, καὶ ὅτι πᾶσα σύνοδος ἐπισκόπων, μητροπολιτῶν καὶ πατριαρχῶν μετὰ μόνου τῶν ἰδίων κληρικῶν ἐν τῇ ἑκάστου ἐνορίᾳ γινομένη, ἡ αὐτή ἐστι κτλ.

собора назвали и папою [292]). Но это богатство было украдено и сокровище—увы!—было расхищено по винѣ архимандрита Евгенія, который, пользуясь содѣйствіемъ свѣтскихъ правителей, обманулъ святую и великую Христову церковь и, получивши отъ нея утвержденіе, антиканонически вторгся на александрійскій престолъ и нарушилъ въ основаніяхъ вѣчныя и неизмѣнныя его прономіи. Поэтому совмѣстно и поднялись пастыреначальникъ и паства, взяли въ руки пращу Святаго Духа и преподобно и священноприлично вступили въ борьбу, какъ мужественные воины и защитники, противъ такого противозаконнаго вторженія, но архимандритъ Евгеній, воспользовавшись самыми постыдными средствами противъ защиты, вооруженно напалъ на церковь и, дерзко дѣйствуя вопреки всѣмъ канонамъ, направилъ свое копье противъ блаженнѣйшаго владыки и господина, поразилъ клиръ, разсѣялъ православныхъ и сдѣлался властителемъ святилища.

И такъ какъ отъ этого происходитъ великая опасность и предстоятъ многія религіозныя нестроенія, то члены помѣстнаго собора и явились на общее засѣданіе и, имѣя предъ собою свѣтъ Евангелія и свидѣтельство божественныхъ каноновъ, которыми руководится святая Церковь, этотъ духовный корабль Спасителя, должны при ихъ посредствѣ найти утерянное сокровище. Прежде всего, члены собора, основываясь на священномъ Пидаліонѣ, должны изслѣдовать, во-первыхъ, нарушаетъ ли автокефалію Александрійской церкви вторженіе Евгенія, утвержденное и Великою Христовою церковью, состоявшееся вопреки мнѣнію блаженнѣйшаго Никанора и безъ согласія клира и народа, и уничтожаетъ ли оно духовное богатство александрійскаго престола, и во-вторыхъ, въ случаѣ доказанности перваго положенія, какія мѣры долженъ принять соборъ для обезпеченія прономій и для утвержденія паствы, находящейся въ опасности. Этими двумя вопросами и должны предварительно заняться члены собора и, въ частности, дикей и отцы Синайскаго монастыря, которые также заинтересованы точнымъ соблюденіемъ священныхъ постановленій относительно александрійскаго патріаршаго престола. Въ заключеніи своей рѣчи великій архидіаконъ Аѳанасій горячо убѣждалъ всѣхъ вполнѣ свободно и откровенно высказать свои сужденія въ

---

[292]) Ораторъ при этомъ сослался на трактатъ *Θеодора Вальсамона* о патріаршихъ прономіяхъ (ср. Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς. Σύνταγμα, IV, σ. 552. Ἀθῆναι 1854).

пользу справедливости, безъ всякаго страха, предубѣжденія, лицепріятія и частнаго интереса обличить беззаконія, осудить насиліе и защитить священные каноны, такъ какъ всѣмъ придется отдать за это отвѣтъ въ день судный.

По окончаніи рѣчи великаго архидіакона, къ собору обратился съ краткимъ словомъ великій архимандритъ и каѳигуменъ монастыря св. Георгія въ Мемфисѣ киръ Мелетій и заявилъ, что соборъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса объ избраніи архимандрита Евгенія на мѣстоблюстительство въ Египтѣ и о «прискорбномъ вмѣшательствѣ» Великой Христовой церкви въ дѣла александрійскаго престола, долженъ разсмотрѣть другой вопросъ, предварительное рѣшеніе котораго сдѣлаетъ дальнѣйшія постановленія собора болѣе легкими и цѣлесообразными. Именно, однимъ изъ величайшихъ соблазновъ, которымъ многіе безсовѣстно воспользовались для достиженія своихъ честолюбивыхъ и своекорыстныхъ цѣлей, служитъ клевета на блаженнѣйшаго патріарха Никанора, будто онъ боленъ физически и умственно. Опираясь на это, враги Александрійской церкви и тщеславные нарушители порядка предприняли противъ нея борьбу, печальныя послѣдствія которой съ душевною скорбію видитъ все христіанское общество, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же противники александрійскаго престола, введя въ заблужденіе (ἐξαπατήσαντες) и Великую Христову церковь, исхлопотали отправленіе въ Египетъ архимандрита Евгенія. Соборъ компетентенъ разслѣдовать и это дѣло и долженъ раскрыть истину, для торжества Александрійской церкви и для посрамленія обвинителей.

Выслушавъ эту рѣчь, соборъ предложилъ блаженнѣйшему Никанору удалиться въ алтарь, затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ триполійскаго митрополита Ѳеофана, продолжалъ свои совѣщанія. На вопросъ же предсѣдательствующаго—«какое мнѣніе имѣетъ святой и священный соборъ по этому вопросу и что именно онъ постановляетъ, всѣ отцы, совмѣстно вставши, растерзали свои одежды (διεῤῥήγνυον τὰ ἱμάτια) и, упрекая хульныя, или лучше—нечестивыя оныя уста, единогласно повелѣли секретарю записать буквально слѣдующее:

«Мы, отцы созваннаго въ Египтѣ помѣстнаго собора, во имя единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицы и во священствѣ нашемъ удостовѣряемъ, что его блаженство, достопочтенный нашъ отецъ и владыка, киръ-киръ Никаноръ имѣетъ разсудокъ здравый и неповрежденный, и что въ его

блаженствѣ не замѣчается ничего указывающаго на неспособность его къ тому высокому положенію, которое онъ занимаетъ, и мы анаѳематствуемъ, предавая во огнь кромѣшній такія хулы, объявляя ихъ позорными, беззаконными и гнусными».

Когда всѣ единогласно заявили это, великій архидіаконъ, какъ членъ собора, доложилъ, что въ документахъ, которые были составлены въ пользу архимандрита Евгенія, имѣются подписи и нѣкоторыхъ отцовъ, присутствующихъ на настоящемъ соборѣ, но раньше удостовѣрившихъ мнѣніе, что блаженнѣйшій Никаноръ дѣйствительно боленъ: какъ же примирить это съ единогласнымъ постановленіемъ на соборѣ?

Тогда предсѣдательствующій предложилъ такимъ лицамъ оправдаться предъ соборомъ. Всѣ они, вставши, единогласно засвидѣтельствовали истину и заявили, что, «подчиняясь больше оружію, изгнаніямъ и террору, чѣмъ истинной природѣ дѣлъ, они были принуждены подписать противъ своей совѣсти упомянутыя удостовѣренія, но теперь раскаиваются, въ чемъ согрѣшили, и, исповѣдуясь въ своемъ заблужденіи на соборѣ предъ святыми иконами, просятъ прощенія и, анаѳематствуя названныя удостовѣренія, предаютъ ихъ огню геенны, соглашаются со всѣмъ соборомъ, съ радостью принимаютъ и подписываютъ единогласное дѣяніе собора и рѣшеніе».

Соборъ, выслушавши такое заявленіе, удовлетворился исповѣдью раскаявшихся его членовъ и этимъ завершилъ первое свое засѣданіе. А затѣмъ, всѣ изложенныя рѣчи и постановленія были записаны въ особомъ соборномъ дѣяніи, которое и подписали всѣ его члены [293]).

Такимъ образомъ, помѣстный соборъ Александрійской церкви 1867 г. поставилъ на очередь вопросъ объ автокефальномъ ея достоинствѣ, въ связи съ избраніемъ блаженнѣйшаго патріарха Никанора, и въ первомъ своемъ засѣданіи намѣтилъ путь для каноническаго рѣшенія этого важнаго вопроса.

И. Соколовъ.

---

[293]) Καλλίφρων Α', II, 99—105.

Учено-литературная дѣятельность Григорія (Постникова), митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго.

Лекціи Григорія. Докторская диссертація. „Житіе свв. святителей и чудотворцевъ Гурія, архіепископа Казанскаго, и Варсонофія, епископа Тверского“. Лекціи по исторіи и обличенію раскола. „Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь“. Слова и бесѣды. „День святой жизни“. „Свѣчка въ тьму и сумракъ“ и „Свѣтъ въ тьму и сумракъ“. „Христіанскія изысканія въ Азіи“. „Вечернія мысли“. Письма митрополита Григорія. Духовные журналы, связанные съ именемъ митрополита Григорія.

Литературная дѣятельность митрополита Григорія началась сейчасъ же по окончаніи академическаго курса. 13 августа 1814 года на 1-мъ торжественномъ собраніи Конференціи С.-Петербургской духовной академіи онъ благодарилъ высокихъ посѣтителей отъ лица студентовъ за ихъ просвѣщенное вниманіе къ академіи особою рѣчью, которая потомъ была напечатана въ брошюрѣ „Журналъ 1-го собранія Конференціи спб. д. академіи 13 авг. 1814 года“. СПБ. 1814 г.

Этотъ первый литературный опытъ Григорія отличается многими недостатками эпохи перехода отъ схоластики къ новому времени. Длинное краснорѣчіе звучитъ искусственною торжественностью, которая, повидимому, стоила автору большого труда—вдохновлять себя стилемъ. Но эта рѣчь была только началомъ, только порогомъ, который необходимо долженъ былъ встрѣтиться на дорогѣ начинающаго ученаго. Григорій долженъ былъ угодить на вкусы своихъ учителей, на тѣ вкусы, которые были тогда всеобщи. Послѣ, достигнувъ сравнительно независимаго положенія, онъ смѣло перешагнулъ этотъ порогъ. Будучи профессоромъ и ректо-

ромъ академіи, онъ нещадно гналъ изъ нея всякую витіеватость изложенія и напыщенность тона. Онъ искренно привѣтствовалъ простоту, ясность и краткость литературнаго слова [1]), и только имъ слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Простота формы и ясность мысли—отличительный признакъ всѣхъ литературныхъ трудовъ преосвященнаго Григорія. Послѣднихъ у преосвященнаго митрополита было достаточно, чтобы не сказать много. „Всѣмъ извѣстны, пишетъ проф. Чистовичъ: многочисленные и разнообразные—разумѣемъ только письменные—труды сего архипастыря (Григорія), измѣнявшіеся съ перемѣною мѣста его служенія и обстоятельствъ его пастырской дѣятельности, но неизмѣнно проникнутые духомъ высокой ревности о благѣ церкви, непоколебимою твердостью и силою христіанскаго убѣжденія, простотою и какъ бы осязательностью мысли и искренностью слова, и являющіе намъ въ лицѣ его великаго пастыря отечественной церкви“ [2]).

Учено-литературную дѣятельность митрополита Григорія можно раздѣлить на три періода: академическій, казанскій и с.-петербургскій.

Первый—академическій періодъ обнимаетъ годы академической службы преосвященнаго митрополита (1814—1826 г.) и потому состоитъ по преимуществу изъ лекцій и докторской диссертаціи. Большая часть первыхъ и послѣдняя не изданы и были извѣстны въ рукописяхъ. Сохранились ли эти рукописи до настоящаго времени и, если сохранились, то гдѣ,—намъ не удалось установить за отсутствіемъ ихъ въ доступныхъ для насъ книгохранилищахъ. Разумѣемъ Императорскую Публичную Библіотеку, Библіотеку С.-Петербургской духовной академіи и Св. Синода. Поэтому свои сужденія объ ученыхъ трудахъ преосвященнаго митрополита этого періода мы будемъ дѣлать на основаніи напечатанной части его лекцій [3]) и архивныхъ документовъ.

Въ свое время лекціи митрополита Григорія являлись послѣднимъ словомъ богословской науки на русской территоріи. Онѣ разошлись чуть не по всей Россіи [4]). Онѣ были не только оригинальны въ силу либеральной манеры Гри-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій „Воспоминанія“, стр. 204.

[2]) Проф. Чистовичъ, „Исторія СПБ. дух. академіи“, стр. 366.

[3]) Христ. Чт. 1822 г. ч. VI, стр. 50—128; 166—244.

[4]) Проф. Чистовичъ, „Исторія СПБ. дух. академіи“, стр. 280.

горія цитировать Свящ. Писаніе на русскомъ языкѣ, но и достаточно богаты по содержанію. Ихъ авторъ въ своихъ доказательствахъ не ограничивался Свящ. Писаніемъ и отцами Церкви, какъ это долго было и послѣ него, но считался съ западно-европейскими авторитетами не только прежними [1]), но и новѣйшими [2]). Пользованіе этими авторитетами велось у него на широкихъ началахъ: онъ приводилъ и критиковалъ мнѣнія англійскихъ [3]), шведскихъ [4]) и особенно нѣмецкихъ [5]) ученыхъ. Самый способъ пользованія этими авторитетами таковъ, что Григорій не полемизируетъ съ ними на богатой для полемики вѣроисповѣдной почвѣ, какъ то бывало прежде [6]), но приводитъ ихъ мнѣнія вполнѣ спокойно, хотя въ критикѣ нерѣдко ограничивается нѣсколькими словами, считая ихъ за очевидное заблужденіе [7]). Кромѣ того, лекціи Григорія имѣютъ на себѣ печать знакомства его съ классической литературой [8]) и критической философіей Канта [9]).

О лекціяхъ Григорія, оставшихся въ рукописяхъ, мы имѣемъ возможность судить на основаніи мнѣнія о нихъ самого Григорія и ревизорскаго отзыва Филарета (1819 г.). Въ письмѣ къ Филарету, который сѣтовалъ на то, что у него мало сочиненій, Григорій писалъ: „а у меня и совсѣмъ нѣтъ сочиненій. Есть рукописи, но онѣ наполнены глупостями. Вы сами давали о нихъ мнѣнія, вы сами весьма многое въ нихъ исправляли и исправляли весьма справедливо, исправляли то, чего точно, можетъ быть, и по пяти или де-

---

[1]) См. Христ. Чт. 1822 г. ч. VI. стр. 76, 230, 232, 235, 237.

[2]) ibid стр. 76, 189—190, 198, 203—205, 216, 218, 225, 230, 231, 232, 235, 237 и др.

[3]) ibid., напр., Кларкъ, стр. 232; Bidell, Emlyn, Pristley, стр. 235 Whitby, Bensonus, Haldy, Guil. Jones и др. стр. 237.

[4]) ibid., напр., Vernet, Purgold, Oertel, стр. 237.

[5]) ibid., напр., Eichhorn, стр. 189, Teller, Loefler, Jerusalem, Paulus, Lindemann, Bauer, стр. 190; Heinrich, стр. 198; Wegscheider, стр. 204; Schlegel, Daub, Fessler, Belger, Meyer, Töllner, Silberschlag, и др. стр. 230; de-Wette, стр. 231, и др.

[6]) Прот. Смирновъ, „Исторія Московской дух. академіи до ея преобразованія", Москва, 1879 г. стр. 20.

[7]) См. Христ. Чт. 1822 г. ч. VI, стр. 76, 189, 190—191, 198, 198, 199 231 и др.

[8]) ibid., стр. 82. Cicero „De Divinit. lib. I, 2.

[9]) ibid., стр. 85. Терминологія Канта: „вещь въ себѣ" и „вещь въ явленіи".

сяти пересмотрахъ, мнѣ не замѣтить бы. Я по чистой совѣсти писалъ вамъ прежде, что я глупъ" [1]). Конечно, здѣсь сплошная гипербола, явившаяся слѣдствіемъ аскетической настроенности Григорія и высокаго благоговѣнія его передъ своимъ великимъ учителемъ. Но намъ важны не сильныя слова Григорія, а его скромное мнѣніе о своихъ научныхъ силахъ вопреки признанію Филарета. Послѣдній признавалъ за Григоріемъ и ученый авторитъ и профессорскія способности, давая имъ „свидѣтельство полнаго одобренія" [2]). Кто изъ нихъ правъ, это показываетъ такое простое соображеніе. Если Григорій унижалъ свои научныя достоинства, благоговѣя предъ высокимъ авторитетомъ Филарета, то мнѣніе послѣдняго является тѣмъ болѣе компетентнымъ, что онъ былъ дѣйствительно великанъ въ исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Конечно, все это не исключаетъ возможности нѣкоторой снисходительности по личной симпатіи къ Григорію, но за мнѣніе Филарета мы имѣемъ и совершенно объективныя данныя: популярность лекцій Григорія [3]).

Въ своемъ отзывѣ о Григоріи Филаретъ пишетъ: „Въ теченіе пяти лѣтъ, въ которыя онъ (Григорій) былъ сперва помощникомъ, а потомъ главнымъ руководителемъ въ классѣ богословскихъ наукъ, онъ обработалъ частью первоначально а частью уже окончательно, слѣдующія сочиненія: 1) Введеніе въ чтеніе книгъ Свящ. Писанія. Сочиненіе тщательными изысканіями предварительныхъ свѣдѣній соотвѣтствуетъ своему назначенію; впрочемъ, въ отношеніи къ составу богословскихъ наукъ оно составляетъ болѣе матеріалы, нежели произведеніе оконченное. 2) Сокращеніе Герменевтики. Сіе сочиненіе также не назначается къ изданію въ настоящемъ его видѣ. 3) Богословія догматическая. Писана во второй академическій курсъ, а въ третій пересмотрѣна, и потому съ пользой можетъ быть напечатана для училища въ нынѣшнемъ видѣ; впрочемъ, сочинитель, сколько мнѣ извѣстно, болѣе расположенъ отложить сіе до дальнѣйшаго обработанія другихъ частей богословскихъ наукъ и болѣе желалъ бы сдѣлать оную извѣстною на русскомъ языкѣ, нежели на латинскомъ, на которомъ она написана. 4) Богословское ученіе о должностяхъ. Сочиненіе сіе не есть цѣ-

---

[1]) Львовъ, „Письма къ Филарету", стр. 60—61.
[2]) Конф. 1819 г. № 227; К. Д. У. № 2541.
[3]) Проф. Чистовичъ, „Исторія СПБ. духовной академіи", стр. 280.

лое, но продолженіе Нравственной богословіи, начатой прежнимъ преподавателемъ. 5) Богословія Полемическая. Можетъ быть издана съ пользою, но, можетъ быть, требуетъ еще пересмотра. 6) Основанія христіанства. Сочиненіе, написанное ва русскомъ языкѣ, находящееся въ первоначальной еще обработкѣ и не оконченное. Но судя по тому, что много въ немъ читано, весьма желательно, чтобы сочинитель имѣлъ удобство привести оное къ концу; оно было бы полезнымъ руководствомъ для людей не только духовнаго званія, но и всякаго другого, получившихъ нѣкоторое образованіе ума. 7) Истолкованіе нѣкоторыхъ чтеній Свящ. Писанія, какъ-то начала евангелія Іоаннова, нѣкоторыхъ главъ пророка Исаіи, и проч.—отрывки, но работа основательная" [1]). Общее впечатлѣніе, которое получается отъ этого отзыва, говоритъ за то, что лекціи Григорія дѣйствительно были основательны по содержанію, но недостаточно обработаны по изложенію. По всей вѣроятности, Григорію, занятому кромѣ профессорства множествомъ административныхъ должностей по академіи и на сторонѣ, просто некогда было заняться литературной стороной своихъ лекцій; самыя рукописи его были частичными и случайными записями, которыя дополнялись и исправлялись устно, при чтеніи въ аудиторіи.

Немного больше мы имѣемъ возможность сказать о докторской диссертаціи Григорія „Commentatio de prophetis in genere". У Родосскаго [2]) она относится къ печатнымъ сочиненіямъ Григорія. Но, во-первыхъ, мы нигдѣ не могли найти ее, а во-вторыхъ, есть полная возможность къ заключенію о томъ, что она совсѣмъ не была напечатана. Изъ четырехъ рецензентовъ [3]), выступавшихъ по поводу присужденія Григорію докторской степени, лишь одинъ архіепископъ Серафимъ (Глаголевскій) высказался прямо за напечатаніе ея; а остальные три или совсѣмъ молчали объ этомъ, или рекомендовали къ напечатанію по пересмотрѣ ея авторомъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ высказалась Конферен-

[1]) Конф. 1819 г. № 227; К. Д. У. № 2541.

[2]) Біографич. словарь студентовъ первыхъ XXIII выпусковъ СПБ. дух. академіи", СПБ. 1907, стр. 120.

[3]) См. Конф. 1817 г. № 97; К. Д. У. № 1972. Оффиціальные: архіепископы—Серафимъ (Глаголевскій) и Михаилъ (Десницкій); неоффиціальные: архимандриты—Филаретъ (Дроздовъ) и Иннокентій (Смирновъ).

ція [1]) и К. Д. У.. [2]). Однако, въ слѣдующіе годы мы не видимъ, чтобы она была исправлена и напечатана. Очевидно, послѣдняго не случилось. За это говоритъ и самъ Григорій въ письмѣ къ Филарету отъ 27 апрѣля 1824 г., когда пишетъ, что у него „совсѣмъ нѣтъ сочиненій, а есть только рукописи“ [3]). По завѣщанію Григорія рукопись его диссертаціи вмѣстѣ съ другими должна была бы перейти въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи [4]). Но здѣсь ея не оказалось, какъ не оказалось въ Императорской Публичной библіотекѣ и библіотекѣ Св. Синода. Такимъ образомъ, мы здѣсь лишаемся возможности говорить о содержаніи и достоинствѣ сочиненія преосвященнаго Григорія непосредственно, по необходимости довольствуясь архивными о ней свѣдѣніями и отзывами современниковъ. Оффиціальный рецензентъ Григорія, архіепископъ Черниговскій Михаилъ (Десницкій) писалъ о его диссертаціи: „Избранный предметъ для духовнаго испытанія любопытенъ. Изслѣдованіе статей обстоятельно. Доказательства на разныя статьи удовлеторительны. И приведенныя въ оныхъ статьяхъ изъ Свящ. Писанія мѣста соотвѣтственны“ [5]). Почти то же самое писалъ и другой оффиціальный рецензентъ, архіепископъ Тверской Серафимъ (Глаголевскій): „Богословскій трактатъ подъ названіемъ „Commentatio de prophetis in genere“ прочиталъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, находя въ расположеніи онаго строгій порядокъ, въ слогѣ краткость и ясность, а въ доказательствахъ основательность удовлетворительную. По моему мнѣнію, трактатъ сей заслуживаетъ быть напечатаннымъ“ [6]). Извѣстенъ также еще отзывъ двухъ неоффиціальныхъ рецензентовъ: Филарета (Дроздова) и Иннокентія (Смирнова), которые объявили, что „означенное сочиненіе по важности предмета и по основательности, съ какою онъ изложенъ, находятъ они довольнымъ опытомъ богословскихъ знаній..., присовокупивъ къ тому, что къ напечатанію сего сочиненія нужнымъ признаютъ, чтобы сочинитель вновь пересмотрѣлъ оное для усовершенствованія въ чистотѣ латинскаго языка и въ легкости выраженія, облегчительной для читающихъ“ [7]). Этотъ послѣдній отзывъ значи-

[1]) Конф. 1817 г. № 97. [2]) К. Д. У. № 1972.
[3]) Львовъ, „Письма къ Филарету“, стр. 60—61.
[4]) АСС. 1861 г. № 1001. [5]) Конф. 1817 г. № 97.
[6]) Конф. 1817 г. № 97. [7]) Конф. 1817 г. № 97.

тельно ослабляетъ положительность заявленій архіепископовъ Михаила и Серафима, хотя касается не существа дѣла, а его технической стороны. По словамъ профессора академіи Е. И. Ловягина, это разсужденіе Григорія о пророкахъ было „не болѣе какъ лекціи, читаемыя Григоріемъ студентамъ и ходившія во многихъ экземплярахъ рукописныхъ, но никогда оно не было напечатано [1]).

Несомнѣнно, что кромѣ указанныхъ сочиненій Григорій имѣлъ въ этотъ періодъ и другія, такъ какъ извѣстно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ наполненіи статьями „Христіанскаго Чтенія". Но о нихъ намъ ничего неизвѣстно Что же касается вышеназванныхъ сочиненій Григорія, то ясно, что они были естественнымъ продуктомъ его профессорскихъ занятій. Потому самая общность документальныхъ свѣдѣній не мѣшаетъ намъ имѣть болѣе или менѣе достовѣрное представленіе о нихъ, достовѣрность котораго усиливается тѣмъ, что мы имѣемъ печатный отрывокъ изъ лекцій Григорія. Не думаемъ, чтобы рукописи Григорія были лучше печатнаго отрывка. А если такъ, то всѣ учено-литературные труды Григорія этого періода можно назвать лишь попытками сообщить русской богословской наукѣ самостоятельность, попытками первыми и потому несовершенными. Говорить о какой-либо научной цѣнности или оригинальности здѣсь не приходится, и эти произведенія Григорія, такимъ образомъ, оставляютъ за собою право лишь на историческое значеніе. Теперь ихъ никто не знаетъ и никто ими не пользуется.

Если первый періодъ литературной дѣятельности Григорія полонъ сочиненіями богословско-экзегетическаго характера, то второй, казанскій, пріобрѣлъ уклонъ церковно-историческій, со спеціализаціей въ исторіи и разборѣ русскаго раскола. Эта новая ученая спеціальность Григорія создалась не сразу, а постепенно, условіями его послѣ-академической службы и дѣятельности. Разумѣемъ епархіальную службу и дѣятельность Григорія въ Калугѣ, Рязани, Твери, гдѣ ему неоднократно приходилось сталкиваться съ раскольниками и сектантами. Это была опытная подготовка Григорія къ новымъ учено-литературнымъ трудамъ. Конечно, и въ это время Григорій писалъ, напримѣръ, проповѣди. Но дѣла

[1]) Родосскій, „Біографическій словарь", стр. 120, прим. 1-е.

службы въ епархіи, въ К. Д. У. и Синодѣ мѣшали ему сосредоточиться на чемъ-либо основательно, чтобы довести его ко конца.

Что же касается матеріаловъ и разныхъ плановъ, то въ нихъ не было недостатка. Еще въ Калугѣ Григоріемъ было задумано, затѣмъ въ Твери и Казани было выполнено главное его сочиненіе „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь", которое составляетъ центръ казанскаго періода литературной дѣятельности митрополита. Однако первымъ произведеніемъ Григорія въ казанскій періодъ (до 1856 г.) было изданное въ 1853 г.—„Житіе свв. святителей и чудотворцевъ Гурія, архіепископа казанскаго, и Варсонофія, епископа тверскаго". Есть основанія предполагать, что оно было написано еще раньше 1856 г., ибо Григорій заинтересовался жизнью этихъ чудотворцевъ сейчасъ же по переводѣ его въ Казань, избравъ ихъ примѣромъ своей архипастырской дѣятельности [1]). Это житіе написано Григоріемъ частію на основаніи рукописнаго житія, составленнаго патріархомъ Гермогеномъ, а частію на основаніи пролога и Четьи-Минеи подъ 4 октября, свѣдѣнія которыхъ, за весьма немногими исключеніями, заимствованы изъ того же житія патріарха Гермогена. Послѣднимъ обстоятельствомъ подчеркивается несомнѣнная достовѣрность исторической части житія, написаннаго Григоріемъ, такъ какъ патріархъ Гермогенъ былъ современникомъ обоихъ святителей, Гурія и Варсонофія. Въ послѣдніе дни жизни святителя Варсонофія онъ былъ священникомъ въ Гостинно-дворской церкви г. Казани, а потомъ онъ былъ преемникомъ его по настоятельству въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, и, наконецъ, преемникомъ Гурія на казанской каѳедрѣ. По заявленію самого Гермогена въ предисловіи къ его рукописи для него были неизвѣстны лишь юношескіе годы жизни святителей. Въ этомъ отношеніи Григорію пришлось заимствовать свѣдѣнія изъ жизнеописанія Гурія и Варсонофія баккалавра Казанской духовной академіи Елисеева, напечатаннаго въ 1847 г., а нѣкоторыя и самому собирать. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія фактической полноты и исторической достовѣрности, это житіе вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ

[1]) Архіеп. Григорій, „Слова и бесѣды". Спб. 1853 г. т. III, стр. 385; ср. Церк. Лѣт. 1860 г., стр. 414; Истор.-ст. свѣдѣнія о Спб. епархіи, т. VIII, стр. 66 и 70.

исторической науки. Но какъ житіе, оно удовлетворяетъ и требованіямъ назиданія, заключая въ себѣ описаніе чудесъ и сопровождаясь нравоучительными замѣтками [1]). Самъ Григорій въ „предувѣдомленіи“ отъ автора къ первому изданію говоритъ: „Трудъ мой состоялъ наипаче въ возможномъ проявленіи характера сихъ святителей и причинъ образа ихъ дѣйствованія. Монашескія правила, помѣщенныя въ семъ житіи, прямо не принадлежатъ къ житію святителей Гурія и Варсонофія; они помѣщались въ ихъ житіи для того, чтобы дать казанскому монашеству свѣдѣніе о правилахъ, коихъ держались ихъ первые наставники и коихъ весьма полезно держаться ему и нынѣ“ [2]).

Въ 1853 году Григорію пришлось чуть ли не снова вернуться къ профессорскимъ занятіямъ. Извѣстно, что въ это время онъ устроилъ миссіонерскіе курсы для священниковъ въ С.-Петербургской духовной академіи. Преосвященный Григорій самъ руководилъ занятіями курсистовъ, читая имъ исторію раскола и уясняя способы борьбы съ расколомъ. Результатомъ этихъ занятій Григорія явились лекціи его, которыя по закрытіи курсовъ онъ роздалъ въ рукописяхъ новообразованнымъ миссіонерамъ. Разумѣемъ „Исторію раскола“ преосвященнаго Григорія и „Практическія наставленія миссіонерамъ“. Первая осталась ненапечатанною и доселѣ. Можно думать, что преосвященный Григорій не напечаталъ ее въ свое время потому, что въ 1855 г. появилась въ печати обстоятельная и содержательная „Исторія русскаго раскола“ преосвященнаго Макарія (Булгакова). Неизвѣстно, гдѣ и какъ сохранилась теперь рукопись преосвященнаго Григорія. Что же касается „Практическихъ наставленій“, то нѣкоторыя статьи изъ нихъ Григорій внесъ въ „Истинно-древнюю и истинно православную Христову Церковь“ [3]), многія положенія съ бо́льшимъ или меньшимъ раскрытіемъ обнародовалъ въ „Бесѣдахъ съ духовенствомъ Казанской епархіи“ [4]), и, наконецъ, въ 1879 г. они были напечатаны г. Можаровскимъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ [5]).

---

[1]) „Филаретъ, „Обзоръ духовной литературы“, ч. 2, стр. 298.

[2]) „Житіе свв. Гурія, Варсонофія и Германа“. Каз. 1871 г. стр. 3.

[3]) См. изд. 4-е. СПб. 1859 г., стр. 262 и др.

[4]) См. „Бесѣды съ дух. Каз. епархіи“, стр. 7—68.

[5]) См. „Руководство для сельск. паст.“ 1879 г. № 48, 50; 1880 г. № 1, 14, 15, 19, 21, 24 и 25.

Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ они изданы не всѣ; издателю не удалось отыскать полнаго экземпляра ихъ. Изданіе г. Можаровскаго начинается вторымъ отдѣленіемъ второй части „Наставленій", главою объ обращеніи раскольниковъ въ православіе. Взамѣнъ утраченной первой части г. Можаровскій внесъ въ свое изданіе „Свѣдѣнія необходимыя миссіонеру священнику" и „Правила пастырскаго благоразумія въ отношеніи къ раскольникамъ", приложенныя Григоріемъ къ его „Исторіи русскаго раскола" и дополненныя, гдѣ нужно, г. Можаровскимъ изъ „Бесѣдъ съ духовенствомъ Казанской епархіи" [1]).

Гуманностью и миролюбіемъ вѣетъ отъ этихъ практическихъ совѣтовъ преосвященнаго Григорія будущимъ миссіонерамъ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать на раскольниковъ такъ, какъ дѣйствовали свв. апостолы при своей проповѣди, т. е. „духомъ и истиною", и тому же училъ своихъ слушателей. „Всѣ полицейскія мѣры, говорилъ онъ, не наши мѣры. Намъ, какъ слугамъ Божимъ, должно дѣйствовать по примѣру свв. апостоловъ. Свв. апостолы дѣйствовали словомъ истины и силами Божіими. Гражданское правительство не пособляло имъ ни въ чемъ, а напротивъ, еще вездѣ ихъ гнало, мучило и, наконецъ, почти всѣхъ ихъ предало смерти. Да и обращеніе прочно и спасительно только то, которое произведено силою истины" [2]). Эта высокая точка зрѣнія на дѣло миссіонерства преосвященнаго архипастыря можетъ быть поучительною для многихъ миссіонеровъ и нашего времени. Возможно, что эти „Наставленія", а равно и „Исторія" были первымъ шагомъ къ тожественному съ ними по предмету и содержанію сочиненію Григорія объ „Истинно-древней и истинно-православной Христовой церкви" [3]), которое уже въ 1854 году въ печатныхъ листахъ было роздано преосвященнымъ Григоріемъ новообразованнымъ миссіонерамъ [4]). Въ пятидесятые годы эти записи Григорія пріобрѣли почти всеобщую извѣстность, какъ единственное (до 1855 г.) руководство по исторіи и обличенію раскола не только въ семинаріяхъ, но и въ академіяхъ [5]).

---

[1]) „Руковод. для сельск. паст." 1879 г. № 47, стр. 318—319.

[2]) „Руков. для сельск. паст.", 1880 г. № 1, стр. 15.

[3]) Родосскій, „Біогр. словарь", стр. 120, прим. 2-е.

[4]) А. С. С. 1853 г. № 889.

[5]) Благовѣщенскій, „Исторія Казанской дух. семинаріи", Каз. 1881 г., стр. 401—402.

Въ 1854 году Григорій настолько оріентировался въ своей новой спеціальности, что выпустилъ въ свѣтъ большое сочиненіе въ 2-хъ частяхъ: „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь. Изложеніе въ отношеніи къ глаголемому старообрядству“. Это догматико-полемическое сочиненіе задумано еще въ Калугѣ и начато въ Твери, гдѣ Григорій имѣлъ большую миссіонерскую практику [1]). Шавровъ утверждаетъ, что въ Твери оно было и кончено [2]). Если же оно не издавалось до 1854 года, то это объясняется авторскимъ сознаніемъ важности и трудности избраннаго предмета. „Съ теченіемъ времени ознакомляясь больше и больше съ расколомъ путемъ сношеній съ раскольниками, больше и больше постигая исторію его черезъ изученіе историческихъ памятниковъ, преосвященный Григорій много и долго пересматривалъ свое произведеніе, исправлялъ и восполнялъ. Такъ дѣлалъ онъ въ Твери, такъ дѣлалъ и въ Казани до 1854 г.“ [3]). При жизни Григорія, за шесть послѣднихъ лѣтъ ея (1854—1860 гг.), „Истинно-древняя церковь“ имѣла четыре изданія; причемъ послѣднее изданіе, въ знакъ уваженія къ содержанію книги, было напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ (1859 г.). Каждое изъ новыхъ изданій носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды исправленій и дополненій автора, который хотѣлъ быть возможно болѣе миролюбивымъ по отношенію къ раскольникамъ, яснымъ и основательнымъ. И Григорій въ достаточной степени достигъ этого. „Сочиненіе его отличаются особенною ясностью и основательностью и имѣетъ еще ту особенность, что доказательства берутся здѣсь изъ тѣхъ сочиненій и источниковъ, которые принимаются и уважаются какъ православными, такъ и старообрядцами“ [4]). „Оно написано покойно и съ терпѣливымъ вниманіемъ къ самымъ мелочнымъ струнамъ раскола“ [5]).

Содержаніе „Истинно-древней церкви“ состоитъ изъ введенія, двухъ частей, заключенія и приложенія.

---

[1]) „Истор.-стат. свѣд. о СПб. епархіи“, т. VIII, стр. 70.

[2]) Церк. Лѣтоп., 1860 г. стр. 413—414.

[3]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. Шавровъ. „Преосвящ. Григорій, м. Новг. и СПб., стр. 414.

[4]) Истор.-стат. свѣд. о СПб. епархіи, т. VIII, стр. 70.

[5]) Филаретъ, „Обзоръ духовной литературы“, ч. 2, стр. 289.

Во введеніи (ч. I, стр. 1—14) [1]) авторъ говоритъ о причинѣ раздѣленія русской церкви и о средствѣ узнать истинную церковь, указываетъ свои источники и молитвенно взываетъ къ Богу о разрушеніи „средостѣнія" между раскольниками и православными. Въ нашей жизни миръ считается самымъ нормальнымъ и полезнымъ явленіемъ, и, наоборотъ, вражда—самымъ нежелательнымъ и вреднымъ. Если первый сопровождается единствомъ вѣры и духа, то второй влечетъ за собою разногласіе и борьбу, будитъ злые инстинкты человѣка, ведетъ къ необдуманнымъ поступкамъ и нерѣдко оканчивается гибелью одной, а то и двухъ враждующихъ сторонъ. „Горячность и сила, соединенная съ неблагоразуміемъ, съ невѣжествомъ и злымъ порожденіемъ невѣжества—дерзостью, горячность безъ разума и вѣдѣнія, ничѣмъ неудержимая, и плаваніе вѣры безъ кормчаго" [2]),—вотъ причины продолжающагося и доселѣ дѣленія русской церкви. Соотвѣтственно указаннымъ причинамъ преосвященный авторъ видитъ единственное средство противъ дѣленія въ просвѣщеніи неблагоразумныхъ и невѣжливыхъ свѣтомъ истины Христовой, неотъемлемо пребывающей въ Его церкви. „Должно дать, говоритъ преосвященный Григорій, о церкви такое свѣдѣніе, которое было бы для всѣхъ праводушныхъ совершенно ясно и вполнѣ удовлетворительно", которое мы „надежно пріобрѣтаемъ, ежели совершенно основательно и обстоятельно разсмотримъ обѣтованіе Господа о своей церкви: На камени созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей (Мѳ. XVI, 18), т. е. ежели при разсмотрѣніи сего Господня обѣтованія не упустимъ безъ вниманія ничего, что въ разныхъ отношеніяхъ сказано о семъ обѣтованіи въ болѣе или менѣе важныхъ источникахъ, изъ которыхъ доставляются намъ христіанскія истины, или ихъ проявленія, опредѣленія и доказательства [3]). Далѣе авторъ указываетъ источники своего сочиненія: Библія, правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ Церкви, древне-славянскіе переводы сочиненій отцевъ и учителей Церкви, сочиненія церковныхъ учителей русской церкви, жившихъ до Никона, сочиненія старообрядческихъ учителей и апологе-

[1]) Цитируется по второму изданію. СПб. 1855.

[2]) „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь". СПб. 1855, стр. 5.

[3]) Ibid., стр. 6—7.

товъ и, въ концѣ всего, сочиненія учителей настоящей православной церкви. Цѣнность и цѣлесообразность этого произведенія увеличивается тѣмъ, что авторъ пользовался изданіями и рукописями по преимуществу до-никоновскаго происхожденія [1]).

Заканчивается введеніе молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу: „Господи, Создатель св. Церкви! Безъ Тебя не можемъ мы ничего. Ты самъ, какъ просвѣщающее солнце истины..., уничтожь тьму неправды во всѣхъ заблуждающихъ нашихъ братіяхъ,—какъ Всесильный, разрушь отдѣляющее ихъ отъ насъ средостѣніе и, какъ Всеблагій и Всемилостивый, обрати ихъ къ единой, святой, соборной, Апостольской церкви, дабы всѣ мы, къ Твоему всесильному для насъ хотѣнію, были совершени во едино“ [2]).

Первая часть (ч. I, стр. 14—390) представляетъ собою рѣшеніе многихъ принципіальныхъ вопросовъ, устанавливающихъ, во-1-хъ, какою должна быть истинная Христова Церковь, и, во-2-хъ, что эта истинная Христова Церковь можетъ быть лишь едина, и есть церковь православная. Для этого преосвященный авторъ разсматриваетъ подробно, на основаніи старопечатной литературы, вопросы: о церкви, о неодолѣнности ея, о богоучрежденности іерархіи, объ обязанностяхъ ея и о необходимости іерархіи для церкви и таинствъ. Преосвященный авторъ повторяетъ общеизвѣстныя положенія. Основатель истинной церкви есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ [3]). Церковь есть собраніе „всѣхъ вѣрующихъ, не исключая ни ихъ пола, ни возраста, ни званія, ни времени ихъ жительства, или существованія“ [4]). Необходимою принадлежностью Церкви являются богоустановленная іерархія [5]), состоящая изъ трехъ ступеней: епископъ, пресвитеръ и діаконъ [6]). Назначеніе первыхъ „твердо соблюдать церковный миръ, рукополагать для ввѣреннаго ему стада потребное число пресвитеровъ, діаконовъ и другихъ клириковъ; наблюдать, како пребываютъ вѣрніи въ вѣрѣ и въ исполненіи дѣлъ благихъ, усердно учить ихъ христіанскимъ истинамъ, не мудрствуя противно истолкованію тѣхъ истинъ у св. отцевъ и великихъ учителей церкви, и охра-

[1]) „Истинно-древняя церковь“, стр. 7—12.

[2]) „Истинно-древняя церковь“, стр. 264.

[3]) „Истинно-древняя церковь“, стр. 25. [4]) ibid., стр. 30.

[5]) ibid., стр. 69. [6]) ibid., стр. 75.

нять вѣрныхъ отъ всѣхъ ересей"[1]). Обязанности вторыхъ: священнодѣйствовать слово истины, т.-е. учить ввѣренныхъ имъ людей благовѣрію, заповѣдямъ Божіимъ и всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ; и „тайнами святыми совершати человѣка въ жизнь христіанскую духовную: крещати, мѵропомазати, исповѣдывати, литургисати, вѣнчати, елеосвящаніе надъ болѣзнями совершати и вся церковная послѣдованія и чины дѣйствовати, яко служители Христовы и строители таинъ Божіихъ"[2]). Обязанности третьихъ: „служити іерею или архіерею" при таинствахъ и службахъ[3]). Всѣ эти три степени различаются не только по служебнымъ обязанностямъ, но и по благодати, даруемой имъ при хиротоніи. Причемъ, священники и епископы такъ необходимы церкви, что безъ нихъ нѣтъ церкви, нѣтъ вѣрующихъ во Христа[4]) и не можетъ быть спасительныхъ для человѣка таинствъ[5]). Истинная церковь Хрисова „будетъ продолжаться до самого второго и славнаго пришествія Христова во всемъ ея устройствѣ"[6]).

Какъ истина можетъ быть только одна, такъ и истинная церковь всегда есть одна[7]). И эта единая истинная церковь есть церковь православная: „Созданная Господомъ церковь, церковь соборная и апостольская, по сказанію Большого Катихизиса, и проповѣдуетъ и содержитъ наипаче, еже писано есть во исповѣданіи православныя вѣры, еже есть: „Вѣрую во единаго Бога"[8]). А православная церковь неуклонно и вѣрно держится сего святаго исповѣданія... Больше сего ничего не должна имѣть созданная Господомъ Церковь, и Большой Катихизисъ ничего больше отъ нея не требуетъ. Посему православная церковь подлинно есть церковь, созданная Господомъ, церковь истинно-древняя и православная"[9]). Естественный выводъ отсюда, что всѣ остальныя церкви и религіозныя общины антиправославны, каковы именно и есть поповщина и безпоповщина. Первая не имѣетъ ни епископовъ[10]), ни законныхъ священ-

---

[1]) ibid., стр. 80. [2]) „Истинннo-древняя церковь", стр. 83.
[3]) Ibid., стр. 112—113. [4]) Ibid., стр. 121, 161—162, 166—167.
[5]) Ibid., стр. 179, 181, 214, 222. [6]) Ibid., стр. 244.
[7]) „Истинно-древняя церковь", стр. 262.
[8]) Большой Катехизисъ, лл. 30—31.
[9]) „Истинно-древняя церковь", стр. 273—273--274.
[10]) „Истинно-древняя церковь", стр. 289—290.

никовъ [1]), ни таинствъ [2]), ни храмовъ [3]), ни монастырей [4]). А вторая—тѣмъ болѣе, ибо не имѣетъ ни одного изъ спасительныхъ таинствъ [5]), ни даже обыкновеннаго совершенія церковныхъ обрядовъ и службъ [6]). Молитва заканчиваетъ первую часть: „Господь да вразумитъ всѣхъ васъ, поповцевъ и безпоповцевъ, и да расположитъ къ ней (церкви православной), какъ истинно созданной Господомъ и спасительной" [7]).

Вторая часть (ч. II, стр. 1—328) содержитъ въ себѣ апологію православія, построенную на подробномъ разборѣ прямыхъ и побочныхъ обвиненій, предъявляемыхъ старообрядцами православію. Преосвященный авторъ терпѣливо разбираетъ и опровергаетъ самыя гнусныя и самыя мелочныя обвиненія, несмотря на ихъ многочисленность и разнообразіе. Такъ, напримѣръ, старообрядцы утверждаютъ, что православная церковь „креститъ уже не въ Св. Троицу, но въ сатану", что „всѣ нынѣ совершаемыя ею таинства не есть таинства, но скверны", что „всѣ ея пастыри—еретики, привлекающіе и ведущіе людей къ антихристу и погибели [8]), что, православная церковь повелѣваетъ ходить по-татарски безъ крестовъ" [9]), „безгрѣшнаго сына Божія именуетъ грѣшнымъ [10]), проповѣдуетъ, что Христосъ не пришелъ [11]), не именуетъ его Сыномъ Божіимъ [12]), св. Духа — истиннымъ [13]), не проповѣдуетъ воскресенія Христова [14]), и т. д. Всѣ эти и множество другихъ обвиненій опровергнуты преосвященнымъ авторомъ въ самыхъ основаніяхъ ихъ „добросовѣстно и для всякаго смыслящаго человѣка совершенно ясно" [15]). Далѣе авторъ уклоняется какъ бы въ сторону и объясняетъ, что виновникъ старообрядчества—діаволъ [16]), а орудіями его были: протопопъ Аввакумъ, попъ Никита Пустосвятъ, попъ Лазарь, діаконъ Θеодоръ и другіе [17]). Причину закрѣпленія раскола на Руси и распространенія авторъ

---

1) Ibid., 309. 2) Ibid., стр. 310. 3) Ibid., стр. 313.
4) Ibid., стр. 318.
5) Ibid., стр. 326, 341, 344, 370, 377, 384, 385—386.
6) Ibid., стр. 386, 387—389. 7) Ibid., стр. 390.
8) „Истинно-древняя церковь", ч. II, стр. 3—4.
9) Ibid., стр. 6. 10) Ibid., стр. 10. 11) Ibid., стр. 12.
12) Ibid., стр. 151. 13) Ibid., стр. 159. 14) Ibid., стр. 14.
15) Странникъ, 1860 г. стр 3.
16) „Истинно-древнях церковь", ч. II, стр. 290.
17) „Истинно-древняя церковь", ч. II, стр. 298.

видитъ въ усиленной пропагандѣ расколоучителей о спасительности старыхъ книгъ [1]) и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни, какъ раскольниковъ [2]), такъ и православныхъ [3]).

Въ заключеніе (ч. II стр. 328 — 334) преосвященный авторъ обращается къ старообрядцамъ съ приглашеніемъ разсмотрѣть то, что собственно отдѣляетъ ихъ отъ православной церкви, что православная церковь чтитъ и принимаетъ многое изъ того, что считаютъ самымъ важнымъ и раскольники, и т. д. „Вникните во все это праводушно и будьте съ нами“! восклицаетъ архипастырь въ самомъ концѣ [4]).

Приложеніе (ч. II стр. 337—381) заключаетъ въ себѣ чинъ оглашенія по Іосифовскому потребнику [5]), чинъ крещенія по всѣмъ потребникамъ [6]) и послѣдованіе омовенія въ восьмой день по всѣмъ потребникамъ [7]),—которые предлагаются авторамъ съ тою цѣлью, чтобы убѣдить читателей въ необходимости пересмотра и исправленія потребниковъ, напечатанныхъ до патріарха Никона [8]).

Въ цѣломъ эта книга преосвященнаго Григорія отличается многими совершенствами со стороны плана, содержанія, аргументаціи, полноты изложенія и миролюбиваго тона, оттѣняющаго братскія намѣренія быть „единымъ сердцемъ“. Планъ сочиненія самый естественный и убѣдительный. Установивъ, какою должна быть истинно-Христова церковь, преосвященный авторъ разсматриваетъ внутреннюю жизнь раскольниковъ и церкви православной и приходитъ къ несомнѣнному заключенію, что истинно-Христова церковь есть только православная. Его доказательства становятся тѣмъ сильнѣе, что основываются на уважаемыхъ раскольниками книгахъ, которыя авторъ выписываетъ цѣлыми страницами. По каждому разбираемому вопросу онъ приводитъ нужныя выписки и справки изъ всѣхъ старопечатныхъ книгъ, въ которыхъ этотъ вопросъ затрогивается. Въ свое время это сочиненіе являлось какъ бы противораскольническою энциклопедіей: все, что было раньше сказано по частямъ, что было только намѣчено, то у пре-

[1]) Ibid., стр. 309—310. [2]) Ibid., стр. 311—322.
[3]) Ibid., стр. 322—327. [4]) Ibid., стр., 334.
[5]) Ibid., стр. 337—350. [6]) Ibid., стр. 350—376.
[7]) „Истинно-древняя церковь“, ч. II, стр. 376—381.
[8]) Ibid., стр. 381.

освященнаго Григорія вновь тщательно пересмотрѣно и представлено въ нужной связи, являясь, такимъ образомъ, самымъ полнымъ и систематическимъ опроверженіемъ положительной доктрины старообдцевъ. Авторъ много выигрываетъ самымъ тономъ книги, написанной вполнѣ спокойно, съ сознаніемъ истинности православія и съ чувствомъ отеческаго сожалѣнія о заблуждающихся чадахъ нѣкогда единой православной русской церкви. Онъ обнаруживаетъ не желаніе полемизировать съ раскольниками, а идейную мечту — убѣдить заблудившихъ и достигнуть братскаго единенія въ вѣрѣ и таинствахъ.

Въ самомъ концѣ казанскаго періода, уже послѣ появленія „Православнаго Собесѣдника", Григорій помѣстилъ въ немъ свое назидательное сочиненіе: „День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято". Послѣ это сочиненіе преосвященнаго Григорія было издано особо (1857 г.). Преосвященный авторъ рекомендуетъ въ немъ, какъ вести себя утромъ [1]), по отношенію къ Богу [2]) и къ ближнимъ [3]), какъ вести себя въ счастьѣ [4]), въ несчастьѣ [5]), въ болѣзни [6]), во время обѣда [7]), вечеромъ передъ сномъ [8]), ночью во время безсонницы [9]), и т. д.

Въ общемъ книга написана простымъ языкомъ и проникнута благодушнымъ настроеніемъ, вызывающимъ у читателя полную симпатію къ доброму старику и заботливому пастырю. Житейскимъ опытомъ и тепломъ вѣетъ отъ нея. Она говоритъ о глубокой вѣрѣ автора, о сердцѣ, согрѣтомъ христіанскими переживаніями и объ умѣ, всецѣло устремленномъ къ Богу, источнику всего. Какъ первая помощь, она можетъ быть употреблена во многихъ случаяхъ обыденной жизни.

Съ переводомъ въ С.-Петербургъ начинается послѣдній періодъ учено-литературной дѣятельности митрополита Григорія. Сложная общественная жизнь столицы, интенсивныя умственныя движенія интеллигенціи, нерѣдко переходящей въ увлеченіи границы не только православной вѣры, но и здраваго смысла, вынуждали Григорія слѣдить за всѣми общественными движеніями. По необходимости приходилось

[1]) „День святой жизни", Спб. 1857 г., стр. 7.
[2]) Ibid., стр. 29. [3]) Ibid., стр. 46. [4]) Ibid., стр. 63.
[5]) Ibid., стр. 68. [6]) Ibid., стр. 96. [7]) Ibid., стр. 147.
[8]) Ibid., стр. 171. [9]) Ibid., стр. 177.

забросить расколъ, которымъ можно было заниматься въ тиши провинціальной жизни, и всецѣло отдаться дѣламъ, которыя нарождала новая жизнь. Историческія обстоятельства русской жизни конца пятидесятыхъ годовъ требовали того тѣмъ болѣе. Зарождалась эпоха великихъ реформъ, духъ которыхъ нерѣдко утрировался. Въ обществѣ и литературѣ онъ обнаруживался въ такихъ явленіяхъ, которыя сильно безпокоили благочестиваго архипастыря. Привѣтствуя свободу духа, преосвященный Григорій хотѣлъ, чтобы она проводилась въ жизнь съ христіанскимъ настроеніемъ, чтобы вся жизнь его пасомыхъ была христіанскою. И когда петербургское общество, увлекаясь полетомъ современности и мечтая о великихъ культурныхъ усовершенствованіяхъ, нерѣдко забывало религію или относилось къ ней безразлично, Григорій выступалъ въ качествѣ блюстителя христіанства, его нравственности и вѣроученія. Послѣднее онъ защищалъ и въ своихъ произведеніяхъ, и въ духовныхъ журналахъ.

Въ концѣ 1858 г. и въ началѣ 1859 г. въ Петербургѣ появился католическій проповѣдникъ Сойаръ. Своими проповѣдями въ католическомъ соборѣ св. Екатерины онъ привлекалъ массы православныхъ. Періодическая печать была въ восторгѣ отъ Сойара. Печалился лишь преосвященный митрополитъ да его духовенство, поставленное на стражѣ православія. Видя въ увлеченіи Сойаромъ одно легкомысліе общества, Григорій выступилъ съ цѣлымъ рядомъ обличительныхъ статей въ любимомъ журналѣ „Духовная Бесѣда" подъ общимъ заглавіемъ „Свѣчка въ тьму и сумракъ" (1859 г.) и „Свѣтъ въ тьму и сумракъ" (1860 г.). Въ нихъ владыка—митрополитъ кратко, но сильно опровергаетъ всѣ антихристіанскія и антиправославныя мысли, начиная съ атеизма и матеріализма, которыми увлекались когда-либо люди. Тономъ нѣжно любящаго и скорбящаго друга и отца, съ энтузіазмомъ древнихъ ревнителей вѣры и благочестія, старается онъ вразумить и просвѣтить заблуждающихся, а вѣрныхъ чадъ церкви, убѣждаетъ и умоляетъ быть твердыми въ вѣрѣ и дорожить спасительнымъ пребываніемъ въ православной церкви [1]).

Самчевскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ" приписываетъ

---

[1]) См. Дух. Бесѣда, 1859 и 1860 гг.

Григорію хорошее знаніе англійскаго языка и переводъ съ этого языка на русскій извѣстной книги: „Христіанскія изысканія въ Азіи“. А Языковъ, въ „Библіографѣ“, считать его авторомъ стихотворенія „Вечернія мысли“ [1]). О первомъ изъ этихъ сочиненій съ достовѣрностью можно сказать, что если оно было его, то относится къ первому періоду литературной дѣятельности Григорія, когда онъ стоялъ на высотѣ западно-европейской богословской науки и имѣлъ дѣло съ иностранными языками. Что же касается второго, то его съ полнымъ правомъ можно относить ко всѣмъ періодамъ и съ достовѣрностью ни къ одному. Впрочемъ, если взять во вниманіе настроеніе автора, то оно болѣе всего будетъ подходить къ послѣднему періоду, когда преосвященный митрополитъ любилъ предаваться мечтамъ, вѣря въ осуществленіе христіанскаго идеала.

Если подъ учено литературною дѣятельностью понимать все то, что было написано преосвященнымъ митрополитомъ, то слѣдуетъ упомянуть еще о письмахъ Григорія. Григорій былъ не мастеръ пера, а потому и въ отношеніи писемъ его литературное наслѣдіе не поражаетъ обиліемъ. Намъ извѣстны письма его къ Филарету, митрополиту Московскому, къ епископу Іереміи (Соловьеву) и къ А. С. Хомякову.

Письма къ Филарету собраны и напечатаны Львовымъ и представляютъ собою разнообразный матеріалъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ своего времени, нерѣдко недостаточно еще освѣщеннымъ исторіей [3]). Эти вопросы касаются личности знаменитыхъ дѣятелей первой половины XIX вѣка, увѣковѣчившихъ свои имена въ области духовнаго просвѣщенія. Тѣмъ цѣннѣе сообщенія преосвященнаго Григорія, что они направляются къ другу его, митрополиту Филарету, которому онъ былъ преданъ душой. Здѣсь рельефно выясняется, напр., личность митрополита Серафима въ отношеніи къ Библейскому обществу и дѣлу перевода Свящ. Писанія на русскій языкъ [4]) и къ духовно-учебному дѣлу времени реакціи (1825 г.) [5]). Здѣсь типично изображены

---

[1]) Кіев. Стар. 1893 г. № 11, стр. 204.

[2]) Библіографъ, 1885 г. № 3, стр. 51.

[3]) Львовъ, „Письма къ Филарету“, стр. 59—115; 661—667.

[4]) ibid., стр. 63—65; 74—77.

[5]) Львовъ. „Письма къ Филарету“, стр. 81—83.

м. Евгеній и оберъ-священникъ Державинъ [1]). Отчетливо вырисовывается и личность Григорія въ его отношеніяхъ къ дѣлу перевода свящ. книгъ на русскій языкъ [2]), въ его благодѣтельномъ вліяніи на нерѣшительнаго митрополита Серафима [3]) и въ его прямо либеральной по тому времени защитѣ свободы высшей богословской науки [4]). Здѣсь мы узнаемъ взглядъ Григорія на проповѣди Филарета [5]), на личность Магницкаго [6]), на оберъ-прокуроровъ—Толстого [7]) и Пратасова [8]), на пастырское служеніе во время общественныхъ бѣдствій [9]), на значеніе проповѣди [10]), на отношеніе къ раскольникамъ [11]) и т. д. Все это проливаетъ нерѣдко обильный и оригинальный свѣтъ на разныя событія того времени, на взаимноотношеніе дѣйствующихъ лицъ, а главное, на отношеніе ко многимъ важнымъ вопросамъ тогдашней жизни самого Григорія. Цѣнность этихъ писемъ, какъ историческаго источника, увеличивается тою рѣзкостью, съ которою Григорій нерѣдко справедливо выступалъ противъ ретроградныхъ членовъ іерархіи и тою искренностью, съ которою онъ обычно относился къ своему высокому другу и уважаемому учителю, м. Филарету.

Письма преосвященнаго Григорія къ Іереміи, еп. Нижегородскому, хранятся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки С.-Петербургской духовной академіи [12]). Числомъ ихъ всего шесть, изъ которыхъ пять не имѣютъ никакого для насъ значенія, такъ какъ содержатъ въ себѣ поздравленія Григоріемъ Іереміи съ праздниками Пасхи, Рождества Христова и Новаго Года и отвѣты на таковыя поздравленія Іереміи. Лишь одно письмо имѣетъ обще-историческое значеніе: это письмо отъ 28 января 1854 г. изъ Петербурга, которое касается курсовъ для священниковъ, устроенныхъ Григоріемъ въ 1853 г. Но и здѣсь мы узнаемъ то, что уже извѣстно изъ дѣлъ. Такъ какъ Іеремія долго не высылалъ на эти курсы священниковъ изъ своей епархіи, то Григорій предупреждалъ его, что въ Синодѣ это могутъ отнести или къ капризу, или къ неумѣнію Іереміи выбрать необходи-

---

[1]) ibid., стр. 81—83. [2]) ibid., стр. 67—69; 76.
[3]) ibid., стр. 64—66; 68; 76. [4]) ibid., стр. 81—83.
[5]) ibid., стр. 60. [6]) ibid., стр. 66. [7]) ibid., стр. 105, 112—115.
[8]) ibid., стр. 112—115. [9]) ibid., стр. 88—91. [10]) ibid., стр. 90.
[11]) ibid., стр. 106. [12]) Рукоп. СПб. дух. акад. № А II/323.

мыхъ священниковъ, говоря съ своей стороны, что „дурно и то, и другое“ [1]).

Наконецъ, два письма Григорія къ А. С. Хомякову, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ [2]), касаются дѣла англичанина Пальмера, который тяготѣлъ къ православію, но которому мѣшали принять его разныя мелкія формальности. Это дѣло пріобрѣтаетъ широкій интересъ, потому что съ нимъ былъ связанъ вопросъ о соединеніи церквей—англійской и русской. На сердечное письмо Хомякова, написанное въ февралѣ 1852 г. [3]), гдѣ онъ взываетъ о помощи Пальмеру въ его душевныхъ мукахъ, Григорій сравнительно холодно отвѣтилъ, что онъ не можетъ помочь Пальмеру даже совѣтомъ, что онъ не можетъ написать ему, такъ какъ „не знаетъ его лично и не имѣетъ отъ него письма“, что въ своихъ мукахъ виноватъ самъ Пальмеръ и что дѣло о соединеніи нужно вести осторожно „дабы, сближаясь съ единовѣрцами новыми, не удалиться отъ старыхъ“ [4]).

Такимъ образомъ, учено-литературная дѣятельность Григорія была не обширна, но довольно разнообразна. Обладая даромъ иниціативы и занимая высокое положеніе первосвятителя русской церкви, Григорій естественно долженъ былъ касаться всѣхъ, по возможности, сторонъ разнообразныхъ интересовъ современной ему церкви и общества. И мы видимъ его не только ученымъ профессоромъ, но и ученымъ миссіонеромъ и неутомимымъ проповѣдникомъ христіанской нравственности, который заботился о повседневныхъ нуждахъ пасомыхъ, давая имъ высоконазидательныя наставленія. Послѣднія пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что увѣнчиваются личностью самого Григорія, этого аскета, безсребренника и апостола.

Въ тѣсной связи съ собственно-литературной дѣятельностью Григорія стоитъ, можно сказать, литературно-административная его дѣятельность. Разумѣемъ участливое отношеніе Григорія къ духовнымъ журналамъ. Съ его именемъ связано три журнала: „Христіанское Чтеніе“, „Православный Собесѣдникъ“ и „Духовная Бесѣда“.

1820 г. 10 ноября въ частномъ собраніи профессоровъ академіи, ректоръ ея, архим. Григорій, предположилъ съ бу-

---

[1]) Рукоп. СПб. дух. акад. № А II/323.

[2]) Русск. Архивъ. 1881 г. ч. II, стр. 35—38.

[3]) ibid., стр. 32—35.

[4]) Русск. Арх. 1881 г. ч. II, стр. 35—38.

дущаго года начать при академіи повременное христіанское изданіе. Предложеніе это было единодушно и привѣтливо принято и здѣсь же составился первый кружокъ сотрудниковъ-издателей [1]). Цѣлью новаго изданія поставлено было христіанское просвѣщеніе и христіанская жизнь (§ 2), соотвѣтственно которымъ дано и наименованіе новому журналу—„Христіанское Чтеніе“ (§ 1). Въ началѣ каждаго мѣсяца должна была выходить одна книжка не менѣе семи печатныхъ листовъ (§ 1). Вскорѣ же (17 и 24 ноября) была составлена первая программа „Христіанскаго Чтенія“ (§ 3). Было намѣчено семь частей [2]), хотя не вмѣнялось въ обязанность всѣ ихъ представлять въ каждомъ номерѣ (§ 4). Лишь началомъ каждаго номера обязательно должна была быть статья изъ писаній свв. Отцевъ (§ 4). Главнымъ редакторомъ былъ ректоръ (§ 7), который составлялъ книжку изъ представленныхъ ему сотрудниками статей, а общее собраніе издателей лишь утверждало эту книжку (§ 8). Къ сотрудничеству въ Христіанскомъ Чтеніи приглашались и посторонніе—„любители христіанства, и наипаче люди духовнаго званія“ (§ 10 и 11). Каждая третья книжка Христіанскаго Чтенія должна сопровождаться указателемъ для всѣхъ трехъ номеровъ (§ 5). Годовая подписная цѣна была опредѣлена въ 25 руб. въ С.-Петербургѣ и 30 р. съ пересылкою въ другіе города (§ 14). Въ такомъ видѣ проектъ Христіанскаго Чтенія былъ представленъ въ К. Д. У. 26 ноября К. Д. У. утвердила этотъ проектъ, понизивъ подписную цѣну для С.-Петербурга до 20 р., „дабы изданіе сіе, яко полезное и назидательное для любителей духовнаго просвѣщенія, удобнѣе могло быть приведено въ употребленіе между людьми недостаточнаго состоянія“ [3]). Что касается подписчиковъ, то контингентъ ихъ твердо опредѣлился духовно-учебными заведеніями, въ которыя прямо посылали подписные билеты. Такъ въ 1820 г. они были отправлены въ Московскую и Кіевскую академію, въ Харьковскій коллегіумъ и въ 34 семинаріи [4]). Тоже повторялось и во всѣ послѣдующіе годы въ видѣ предупрежденія о продолжающемся изданіи Христіанскаго Чтенія [5]). Кромѣ того, Хри-

---

[1]) См. Конф. 1820 г. № 262. [2]) ibid.
[3]) Конф. 1820 г. № 262. [4]) Конф. 1820 г. № 141.
[5]) См. Внутр. Правл. 1823 г. № 85; 1824 г. № 79, и др.

стіанское Чтеніе выписывалось и другими учрежденіями [1]), а иногда давалось въ обмѣнъ на свѣтскіе журналы [2]).

Такъ началъ и продолжалъ свою жизнь въ недалекомъ будущемъ (1920 г.) столѣтній юбиляръ, журналъ „Христіанское Чтеніе". Появленіе его на свѣтъ было тѣмъ знаменательнѣе, что это былъ первый духовный журналъ въ Россіи. Явившись въ началѣ 20-хъ годовъ, Христіанское Чтеніе было дѣтищемъ своего времени и подверглось сильному, хотя, по всей вѣроятности, невольному вліянію мистицизма. Года два или три своимъ направленіемъ оно напоминало „Сіонскій Вѣстникъ". Подобно послѣднему, оно очень много говорило о чудесныхъ дѣйствіяхъ Слова Божія, о чудесныхъ исцѣленіяхъ разныхъ лицъ, объ обращеніяхъ къ жизни во Христѣ, и т. под. [3]). Большая часть его статей была занята разрѣшеніемъ вопросовъ о возрожденіи, о степеняхъ и о плодахъ его, о молитвѣ, чистой любви, отношеніи возрожденнаго къ внѣшнему закону и о другихъ предметахъ, занимавшихъ тогдашнихъ мистиковъ [4]). Въ статьѣ „Древность христіанства" (1821 г.) мы встрѣчаемъ мысли, выражающія прямо религіозно-мистическій универсализмъ [5]). Вліяніе мистицизма можно замѣтить даже въ выборѣ статей переводнаго святоотеческаго отдѣла Христіанскаго Чтенія [6]). Къ 1825 г. мистицизмъ былъ изгнанъ со страницъ Христіанскаго Чтенія, и далѣе оно повело безукоризненную жизнь, служа интересамъ богословской науки.

Въ 1855 г., при дѣятельномъ участіи преосвященнаго Григорія, началъ издаваться при Казанской духовной академіи „Православный Собесѣдникъ" [7]). Иниціатива этого изданія принадлежитъ Св. Синоду, который желалъ имѣть спеціальный журналъ, направленный противъ раскола въ разныхъ его видахъ [8]). Съ своей стороны Григорій сдѣлалъ все, что требовалось распоряженіемъ Св. Синода по поводу новаго журнала. Онъ выработалъ и представилъ въ Св. Синодъ программу новаго жур-

---

[1]) См. Внутр. Правл. 1820 г. № 146.

[2]) См. Внутр. Правл. 1820 г. № 147.

[3]) См. Христ. Чт. 1821 и 1822 гг.; ср. Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 241.

[4]) См. Христ. Чт. 1821 и 1822 гг.; ср. Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 241.

[5]) См. Христ. Чт. 1821 г.; ср. Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 242.

[6]) См. Христ. Чт. 1821 и 1822 гг.; ср. Прав. Соб. 1885 г., ч. III, стр. 241—242.

[7]) А. С. С. 1856 г. № 1529.

[8]) Прав. Соб. 1885 г., ч. III, стр. 460.

нала [1]), котораго предполагалось въ годъ выпускать четыре книжки: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, съ тѣмъ, чтобы каждая книжка была не менѣе 12—15 печатныхъ листовъ. Въ журналѣ было намѣчено семь отдѣловъ. Григорій предложилъ самое содержаніе первой книжки [2]) и отчасти заполнилъ своимъ сочиненіемъ „День святой жизни“ [3]). Послѣ преосвященный Григорій заботился объ упроченіи новаго журнала, который будучи спеціальнымъ, не отличался ходкостью. Преосвященный Григорій отказывался отъ гонорара, который причитался ему за сотрудничество въ Православномъ Собесѣдникѣ и такимъ образомъ положилъ основаніе фондовому капиталу для обезпеченія существованія журнала на будущее время [4]). Важную услугу Православному Собесѣднику Григорій оказалъ перевозомъ въ Казанскую духовную академію рукописныхъ и старопечатныхъ богатствъ Соловецкаго монастыря и Нильской пустыни, которыя давали новый и обильный матеріалъ для научной разработки [5]). Православный Собесѣдникъ былъ новымъ спеціальнымъ источникомъ духовнаго просвѣщенія на Руси, который съ тою перемѣною, что съ 1857 г., по распоряженію Св. Синода отъ 30 сентября, началъ выходить ежемѣсячно [6]), благополучно существуетъ и понынѣ, принося плоды, достойные высокихъ заботъ своего преосвященнаго основателя.

Въ 1857 г. митрополитъ Григорій положилъ основаніе новому журналу „Духовная Бесѣда“. Новымъ изданіемъ онъ хотѣлъ привлечь къ литературному труду столичное духовенство и преподавателей семинаріи. Григорія не удовлетворяло теперь Христіанское Чтеніе, которое преслѣдовало по преимуществу ученыя цѣли. И потому онъ предложилъ Св. Синоду (1 ноября 1851 г.) разрѣшить изданіе при С.-Петербургской духовной семинаріи журнала „Духовная Бесѣда“ [7]). Здѣсь же при представленіи Григорій предло-

[1]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 16; ср. Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 261—262.

[2]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 16; ср. Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 467—469.

[3]) Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 469—470.

[4]) Прав. Соб. 1885 г. ч. III, стр. 470.

[5]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 16—17; 23, 28 и др.

[6]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 101.

[7]) А. С. С. 1857 г. № 2446а, л. 1.

жилъ программу новаго журнала, сочиненную имъ самимъ [1]). Разрѣшеніе немедленно было дано, и программа полностью утверждена [2]). Отличительною особенностью новаго журнала было то, что въ немъ помѣщались свѣдѣнія о перемѣнахъ въ іерархіи и различныя духовно-начальственныя распоряженія [3]). „Духовная Бесѣда" была любимымъ журналомъ преосвященнаго митрополита и пользовалась его особеннымъ вниманіемъ. Она была органомъ проповѣднической и вообще литературной дѣятельности Григорія [3]). Въ ней онъ помѣстилъ рядъ своихъ полемическихъ статей, направленныхъ противъ атеизма и матеріализма подъ общимъ заглавіемъ „Свѣчка въ тьму и сумракъ" и „Свѣтъ въ тьму и сумракъ" [4]). Особенно часто онъ помѣщалъ въ ней свои проповѣди. Направленіе журнала было строго назидательное, удовлетворяющее повседневнымъ запросамъ духовной жизни. Основатель разсчитывалъ на широкіе круги подписчиковъ и не ошибся: первые годы „Духовная Бесѣда" имѣла крупный успѣхъ, такъ что ее пришлось выпустить вторымъ изданіемъ (1859 г.) [5]). Но со смертью Григорія интересъ къ ней сразу упалъ, и она совсѣмъ прекратила свое существованіе въ 1876 г. Между прочимъ, внѣшнимъ поводомъ къ закрытію „Духовной Бесѣды" было основаніе въ 1875 г. „Церковнаго Вѣстника", оффиціальная часть котораго была органомъ Св. Синода [6]).

Съ 1858 г. при С.-Петербургской духовной академіи по мысли митрополита Григорія начался переводъ Византійскихъ историковъ [7]). Этотъ переводъ сдѣлалъ доступными для русскихъ цѣлый рядъ славныхъ греческихъ именъ и разныхъ историческихъ повѣствованій съ VIII вѣка до половины XV; слѣдовательно, далъ интереснѣйшій періодъ исторіи Византіи до ея паденія [8]). Цѣнность этихъ пере-

[1]) А. С. С. 1857 г. № 2446а, л. 1—2.

[2]) А. С. С. 1857 г. № 2446а, л. 2.

[3]) А. С. С. 1857 г. № 2446а, л. 1—2.

[4]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. стр. 415.

[5]) Дух. Бесѣда за 1859 и 1860 гг.

[6]) Богослов. Энциклоп. т. V, Спб. 1904 г. стр. 127.

[7]) Богосл. Энц. т. V, Спб. 1904 г. стр. 127.

[8]) Внутр. Правл. 1859 г. № 8.

[9]) См. проф. Чистовичъ „Спб. дух. академія за послѣднія 30 лѣтъ", Спб. 1889 г. стр. 67; Душ. Чт. 1893 г., стр. 585—586, статья Доброклон-

водовъ увеличивается тѣмъ, что источники византійской исторіи этого времени, по рѣдкости въ Россіи изданій подлинника, были почти совершенно недоступны даже для ученыхъ, знающихъ греческій языкъ.

Дѣятельность митрополита Григорія въ отношеніи журналовъ достопримѣчательна тѣмъ, что онъ положилъ начало духовной журналистикѣ въ Россіи. Это начало было благое, такъ какъ оно не только побуждало къ разработкѣ ученыхъ вопросовъ, но и способствовало удобнѣйшему обмѣну мнѣній по этимъ вопросамъ. Для каждаго открывалась возможность выступить съ своими мыслями, съ своимъ пониманіемъ сложной и высокой богословской доктрины; причемъ каждый могъ быть увѣренъ, что онъ будетъ извѣстенъ не только тѣмъ, съ кѣмъ полемизируетъ, но и всему читающему обществу. Богословская наука, такимъ образомъ, выходила изъ своего тѣснаго круга. Благодарная, она несла свои первые и, быть можетъ, лучшіе плоды въ общество, въ то общество, которое еще не такъ давно удѣлило столько вниманія ея высшей школѣ. И не только учить она собиралась, не только свѣтить свѣтомъ своихъ юныхъ знаній она желала, она тѣмъ самымъ отдавала себя на судъ тому же обществу. Замкнутая жизнь церковнаго общества оживлялась притокомъ новыхъ силъ. Православная церковь пріобрѣтала постоянный и вѣрный голосъ, учащій и воспитающій вѣрныхъ чадъ ея и зовущій къ ней и заблудившихъ. Она открывала свою душу, и сокровенные тайники ея переставали пугать своею таинственностью. Высокій идеалъ христіанства пріобрѣталъ новые лучи, привлекая къ себѣ новые взоры, „алчущихъ и жаждущихъ правды“, обращая къ Богу холодные умы скептиковъ и наполняя свѣтлой радостью трепетныя сердца вѣрующихъ.

Въ настоящее время духовные журналы можно считать десятками, и всѣ они въ нѣкоторомъ смыслѣ суть дѣти м. Григорія. Такъ легка оказалась рука преосвященнаго Григорія и такъ почтенна его иниціатива.

В. Никифоровъ.

скаго; Дух. Бесѣд. 1858 г. № 1, стр. 27—28; Церк. лѣтоп. 1860 г. стр. 85—86; проф.-прот. Соллертинскій, „Историческая записка о Спб. дух. академіи“, стр. 25.

Новыя задачи по изученію древняго памятника византійской исторіографіи—лѣтописи преподобнаго Ѳеофана Сигріанскаго.

(Рѣчь, произнесенная 26-го октября въ залѣ Императорской Петроградской Духовной Академіи священникомъ П. Г. Преображенскимъ предъ защитой магистерской диссертаціи: „Лѣтописное повѣствованіе Св. Ѳеофана Исповѣдника". Вѣна 1912).

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивые Архипастыри и высокопочтенное собраніе!

Чудная сила вѣры, полная добродѣтельной чистоты иноческая жизнь, даръ прозрѣнія и чудотворенія еще при жизни, мученическая кончина, наконецъ слава чудесъ у нетлѣнныхъ мощей, — все это уже въ самое краткое время по смерти игумена Велико-Польскаго (τοῦ Μεγάλου 'Αγροῦ) монастыря Сигріанскихъ горъ, Преподобнаго Ѳеофана Исповѣдника, подвигло боголюбивыхъ мужей къ составленію житій святаго. Благодаря цѣнной, по древности происхожденія,—обширной, по количеству отдѣльныхъ житій,—агіографической литературѣ о святомъ Ѳеофанѣ Сигріанскомъ, ни испытующій историкъ, ни любомудрый христіанинъ не остаются въ невѣдѣніи относительно жизни великаго лѣтописца византійскаго.

Вопросъ о возможности сочетать историко-научное обслѣдованіе агіографическихъ источниковъ о жизни лѣтописца во единое цѣлое съ изслѣдованіемъ о самомъ лѣтописномъ повѣствованіи представлялъ для автора затрудненіе въ отношеніи методологическомъ. Среди источниковъ для біографіи Ѳеофана слѣдуетъ поставить житіе, написанное святымъ

патріархомъ Царьграда Меѳодіемъ. Оно свидѣтельствуетъ о кончинѣ исторіографа Ѳеофана въ началѣ 818 года. Между тѣмъ въ лѣтописи Ѳеофана упоминается (см. Theophanis chronographia, ed. de-Boor, p. 362, 30) еще предшественникъ св. Меѳодія на патріаршей каѳедрѣ Іоаннъ VII—съ датой патріаршествованія въ 6 лѣтъ 1 мѣсяцъ,—каковое указаніе приводитъ къ началу 842 года, когда на каѳедру вступилъ св. Меѳодій. Въ силу таковыхъ отношеній мы неизбѣжно встрѣтились бы съ необходимостью по вопросу о житіи Преподобнаго Ѳеофана выдѣлять вопросъ о первоначальномъ составѣ его хронологіи (указаніе на патріарха Константинопольскаго Іоанна VII не принадлежитъ Ѳеофану), т. е. именно то, что представляетъ предметъ самаго изслѣдованія о лѣтописномъ повѣствованіи. — Въ отдѣлѣ лѣтописи — къ 23-му году царствованія Константина Копронима исторіографъ подробно описываетъ рѣдкое для Константинополя явленіе, когда вслѣдствіе сильнаго холода въ октябрѣ этого года море у Царьграда покрылось толстымъ слоемъ льда, и приводитъ здѣсь (Theoph. Chr. p. 434, 22—24) воспоминанія своего дѣтскаго возраста,—какъ онъ, лѣтописецъ, самъ былъ свидѣтелемъ удивительнаго явленія, устраивая съ 30-ю сверстниками игры на льду. Показаніе это—не безъ значенія для соотношенія съ годомъ рожденія Ѳеофана, устанавливаемымъ изъ житій (760-й г.). Но снова (23-й годъ Константина Копронима въ лѣтописи) истолкованіе хронологическихъ указаній лѣтописнаго произведенія предполагаетъ предварительное рѣшеніе сложнаго вопроса о хронологической Ѳеофановой системѣ κατὰ Ἀλεξανδρεῖς, который входитъ въ задачу изслѣдованія о самомъ лѣтописномъ повѣствованіи.

Въ виду указанныхъ методологическихъ препятствій предпослать изслѣдованію о лѣтописномъ повѣствованіи Ѳеофана, какъ предметѣ изученія, изслѣдованіе агіографической литературы о немъ самомъ—послѣднее намъ представимо какъ отдѣльный видъ научнаго труда, такъ сказать—монографическаго.

Лѣтописный трудъ былъ законченъ св. Ѳеофаномъ въ промежутокъ времени 813 года—815-го. Вопросъ о судьбахъ этого дара потомству, о сохраненіи текста и состава, отъ появленія лѣтописи, т. е. отъ начала IX-го вѣка, до XI-го столѣтія,—начиная отъ котораго рукописи съ произведеніемъ Преподобнаго Ѳеофана согласно передаютъ лѣтописный со-

ставъ его,—не составлялъ еще задачу научныхъ изысканій въ той мѣрѣ, какъ это надлежало бы быть соотвѣтственно важности историческаго памятника.

Въ житіяхъ Ѳеофана не упомянуто о лѣтописномъ трудѣ святого,—тамъ сказано лишь, что Ѳеофанъ занимался каллиграфіей, что по тогдашнему укладу жизни въ монастырѣ означало и переписку книгъ и занятіе самостоятельными литературными работами. Очень возможно, что такому произведенію, какъ лѣтопись автора—Исповѣдника, съ заключающейся въ ней ярко-правдивой картиной дѣяній императоровъ-иконоборцевъ, легко было получить извѣстность лишь по наступленіи торжества Православія, слѣд. спустя 30 лѣтъ.— Въ теченіи слѣдующихъ 40 лѣтъ литературный трудъ св. Ѳеофана сталъ настолько замѣтнымъ вкладомъ въ церковно-историческую письменность византійцевъ, что прибывшій (во второй половинѣ IX-го вѣка) изъ Рима въ Константинополь ученый библіотекарь папы Римскаго, Анастасій, по просьбѣ своего друга, собиравшагося писать церковную исторію, изготовилъ (ок. 875 года) переводъ лѣтописи Ѳеофана на латинскій языкъ. Ставшая очень скоро популярной на Западѣ переводная хронографія, — заключавшая, кромѣ Ѳеофановой лѣтописи, извлеченія изъ двухъ другихъ греческихъ хроникъ и называвшаяся потому трехъ-частной (Chronographia tripertita),—сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ и до новѣйшаго времени. Это первый, по времени и ясной датѣ происхожденія, документъ опредѣленной традиціи текста и состава лѣтописи Ѳеофановой,—но на латинскомъ языкѣ. Анастасій—переводчикъ предупреждаетъ, правда, что имъ переводится не все, находившееся въ его подлинникѣ.

Отъ X вѣка сохранился до нашего времени лишь одинъ греческій списокъ съ лѣтописью Ѳеофана,—именно греческая рукопись библіотеки Парижской за № 1710, — но онъ не представляетъ полной копіи произведенія, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ историческаго повѣствованія свидѣтельствуетъ уже о редакціонной переработкѣ текста, который отражается въ латинскомъ переводѣ Анастасія. Отъ XI вѣка начиная и продолжая до XVI в.—всѣ немалочисленныя греческія рукописи съ хронографіей Ѳеофана почти въ унисонъ передаютъ уже однородный составъ ея.

Издатели византійской лѣтописи, — сначала Гоаръ, а въ поздѣйшее время де-Бооръ,—останавливаются при выборѣ,

для своего печатнаго изданія хронографіи Өеофана, основоположительнаго греческаго списка — на этой, послѣдней, группѣ рукописей. При семъ, consensus рукописей данной группы въ традиціи однороднаго состава повѣствованія считается высшимъ критеріемъ подлинности и изначальности этого повѣствованія, хотя бы оно и не согласовалось съ болѣе древнимъ преданіемъ текста въ переводѣ Анастасія: отъ IX вѣка и въ спискѣ греческомъ: отъ X вѣка. Въ силу такого принципа изданія предлагается читать въ произведеніи святого историографа, какъ его историческое свидѣтельство, цѣлый рядъ сообщеній, взаимно себя исключающихъ, или унижающихъ автора. Для примѣра указываемъ здѣсь хотя бы на слѣдующія свойства печатнаго текста. Изъ принятой де-Бооромъ, для изданія Theophanis chronographiae, рукописи слѣдуетъ, что историографъ Өеофанъ (ср. Theophanis chronogr. ed. de Boor p. 83, 7, 32—89, 28) на протяженіи 15-ти лѣтъ хронографическихъ — въ рубрикѣ-столбцѣ патріархата *Іерусалимскаго* записалъ 15 разъ епископа *Праилія*, а въ текстѣ при разсказѣ о 3-мъ соборѣ вселенскомъ участникомъ собора записалъ *епископа Іерусалимскаго Ювеналія* (Theoph. chronogr. ed. de Boor p. 90, 5) и затѣмъ снова 5 разъ, на протяженіи слѣдующихъ за сообщеніемъ о вселенскомъ соборѣ пяти хронографическихъ лѣтъ, отмѣчалъ на Іерусалимской каѳедрѣ *Праилія* (ср. Theoph. chronogr. ed. de Boor, p. 92, 13; 93, 26—28), пока наконецъ въ рубрикѣ Іерусалимскаго епископа не помѣстилъ Ювеналія. Въ латинскомъ переводѣ Анастасія и въ спискѣ лѣтописи отъ X вѣка нѣтъ совсѣмъ подобнаго каталога епископовъ, а участникомъ собора (in spatio historico) правильно,—какъ и повѣствовалъ, конечно сознательно, самъ Өеофанъ, — названъ Ювеналій Іерусалимскій. Весьма ясно какъ будто, что къ разсказу подлинника, не справляясь съ содержаніемъ повѣствованія in spatio historico, кто-то посторонній прибавилъ *свои* рубрики епископовъ. Однако съ этимъ, столь естественнымъ заключеніемъ—предъ критическимъ аппаратомъ изданія де-Бооровскаго приходится держаться въ почтительномъ отдаленіи; оттуда слышится одинъ отвѣтъ: codex est optimus, и къ тому же рѣшаетъ дѣло consensus большинства рукописей. Въ семъ аппаратѣ де-Боора—оригиналу, отражающемуся въ латинскомъ переводномъ текстѣ, усвоено лишь второстепенное значеніе; этотъ оригиналъ въ своихъ отличіяхъ отъ

группы позднѣйшихъ списковъ лѣтописи Θеофана разсматривается здѣсь какъ отраженіе испорченнаго текста произведенія.

Лѣтописному труду Θеофана Исповѣдника—и имя самого автора—и богатство содержанія историческаго создали у послѣдующихъ хронистовъ византійскихъ большую извѣстность. Заимствованія изъ него составляли для позднѣйшей хроники какъ бы особую дань благоговѣйнаго почитанія къ памяти автора. Появились отдѣльныя произведенія съ изложеніемъ исторіи отъ сотворенія міра, въ которыхъ основной планъ повѣствованія отъ времени Діоклитіана до Льва V Армянина покоился на лѣтописномъ составѣ Θеофана. Мало того: въ одной греческой рукописи сохранилась хроника анонимнаго автора, въ которой вся обширная лѣтопись Θеофана воспринята почти текстуально—до такой мѣры, что авторъ ея, писавшій въ X-мъ вѣкѣ, включилъ въ свою хронику даже то, что могло быть приложимо только къ Θеофану самому (ранѣе указанныя воспоминанія Θеофана о своемъ дѣтствѣ). Это именно та хроника, заключительную часть которой, подъ именемъ Симеона Магистра—по недоразумѣнію, какъ выяснилось въ самое послѣднее время,—издалъ Комбефисъ (въ 1685 году). Данное произведеніе написано около половины X-го вѣка, хотя греческій списокъ съ него, хранящійся въ Парижской Національной библіотекѣ за № 1712-мъ, изготовленъ въ XII-мъ вѣкѣ.

И по плану и по однородности источниковъ самое близкое отношеніе къ этой хроникѣ Парижскаго списка имѣетъ лѣтописное произведеніе „σύνοψις ἱστοριῶν“ Кедрина, хрониста второй половина XI-го вѣка. Изученіе этихъ двухъ произведеній, въ ихъ взаимоотношеніи на всемъ протяженіи однороднаго повѣствованія, приводитъ къ тому выводу, что Кедринъ дословно переписывалъ въ свой „синопсисъ“ хронику, которая значительно ранѣе предъ Кедриномъ—въ половинѣ X-го столѣтія—служила источникомъ уже и автору вышеупомянутаго анонимнаго произведенія Парижской рукописи № 1712.

Въ той и другой лѣтописи, т. е. какъ въ переписанной у Кедрина, такъ и въ передаваемой Парижской рукописью, или—какъ мы ихъ условно обозначаемъ—въ P *primum* и въ P *secundum* (P^1 и P^2), содержится текстъ, заимствованный изъ лѣтописи Θеофана на всемъ протяженіи хронографическаго

повѣствованія послѣдняго. Этотъ текстъ—со стороны тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ редакцію латинскаго перевода отъ традиціи рукописей Өеофана, отмѣчаемыхъ позднѣйшимъ, отъ XI-го вѣка начиная, происхожденіемъ,—совпадаетъ съ оригиналомъ, служившимъ Анастасію Библіотекарю для его латинскаго перевода. И это совпаденіе характеризуетъ P[1], какъ болѣе древній текстъ Өеофана, полнѣе, чѣмъ P[2].

При таковой наличности отношеній у насъ устанавливается *историческая* оцѣнка вспомогательно-критическихъ средствъ для изученія подлиннаго повѣствованія Өеофана Исповѣдника: по степени древности документовъ, изъ коихъ эти средства извлекаются.

Изъ сопостановленія текстовъ Өеофана—разновременнаго со стороны традиціи происхожденія—съ прямыми источниками его мы выносимъ неоспоримое убѣжденіе въ томъ, что греческіе списки съ произведеніемъ исторіографа отдаляютъ насъ отъ первоначальнаго текста лѣтописи, который представленъ оригиналомъ, служившимъ Анастасію для латинскаго перевода. *Новыя* средства провѣрки текстовъ въ подлинникѣ и рукописяхъ—хроники P[1] и P[2] — уясняютъ, кромѣ того, и самый процессъ образованія отклоненій отъ первооригинала въ рукописяхъ: значительная доля измѣненій привходитъ въ послѣднія подъ вліяніемъ упомянутыхъ хроникъ.

Наиболѣе сложный аппаратъ византійской лѣтописи — система лѣтосчисленія и датированія событій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь заключается и главная задача изслѣдованія о лѣтописи, ибо опредѣленное значеніе послѣдней, какъ первоисточника исторіи, составляетъ *хронографическій* распорядокъ историческихъ свѣдѣній. Лѣтопись Өеофана занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди источниковъ по изученію исторической хронологіи въ Византіи даннаго времени. *Эра* лѣтосчисленія и ко времени святого исторіографа и долгое время послѣ него не представляла для разныхъ авторовъ хронографическаго повѣствованія однороднаго типа. Вопросъ о томъ, какъ вести счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра,—гдѣ въ данной системѣ лѣтъ помѣстить величайшее на землѣ событіе: воплощеніе Сына Божія,—и какъ продолжить перечень лѣтъ до своего времени, былъ предметомъ особенно усердныхъ изысканій византійскаго лѣтописца. Өеофаномъ

Исповѣдникомъ унаслѣдована была отъ Георгія Синкела хронологическая система—съ годомъ міробытія и годомъ Божественнаго воплощенія (κόσμου ἔτος — τῆς θείας σαρκώσεως ἔτος),—которую онъ, Ѳеофанъ, опредѣляетъ какъ лѣтосчисленіе κατ᾽ Ἀλεξανδρεῖς, отличая это „александрійское“ лѣтосчисленіе отъ другого, ему извѣстнаго, лѣтосчисленія: κατὰ Ῥωμαίους.

Опытъ изслѣдованія *подлинной* хронологіи Ѳеофана, на основаніи всѣхъ доступныхъ средствъ, и уясненіе послѣдовательныхъ изданій первоначальнаго хронографическаго текста составляютъ наиболѣе существенную часть нашего труда. Конечно, и доселѣ всѣ, пользовавшіеся хронологическимъ богатствомъ лѣтописи, не останавливались въ полномъ невѣдѣніи предъ той или другой датой ея, когда требовалось таковую дату перевести на понятный языкъ общепринятой хронологіи. Но обстоятельное изученіе хронографической системы Ѳеофана на основаніи методовъ лѣтосчисленія въ двухъ, столь важныхъ для пониманія изначальнаго плана Ѳеофановой лѣтописи, произведеніяхъ: въ хронографіи Георгія Синкела, съ ея эрой κατ᾽ Ἀλεξανδρεῖς,—и въ хроникѣ Пасхальной, съ ея эрой κατὰ Ῥωμαίους,—составляло пробѣлъ въ научномъ изслѣдованіи о Ѳеофанѣ исторіографѣ.

Необходимость научнаго изученія лѣтописи Ѳеофана со стороны образованія состава,—первоначальнаго, лишь самому исторіографу принадлежащаго, хронографическаго плана,—вытекаетъ не только изъ давно сознаваемаго представленія о высокой цѣнности даннаго историческаго памятника, какъ первоисточника историческихъ свѣдѣній, но и изъ глубокой потребности очистить этотъ источникъ отъ позднѣйшей надстройки, унижающей трудъ славнаго византійскаго лѣтописца. Какъ великій представитель церковно-христіанскаго духа, Ѳеофанъ Исповѣдникъ не могъ допустить вопіющей небрежности *въ своемъ* изложеніи о церковныхъ лицахъ; мирясь съ подобной небрежностью (если бы ее ставить на счетъ самому автору) въ одномъ мѣстѣ труда, легко уронить свидѣтельство исторіографа въ другомъ мѣстѣ—тамъ, напримѣръ, гдѣ онъ столь обстоятельно записываетъ иконоборческія дѣянія императоровъ Византіи и ихъ совѣтниковъ; между тѣмъ извѣстно, что мученическою смертію запечатлѣлъ онъ свою правдивость въ сообщеніяхъ объ иконоборцахъ. *Объявить*, безъ изслѣдованія дѣла по существу, все,—въ силу *чего-либо* сомнительныя, или даже въ силу того

только, что ихъ нѣтъ въ латинскомъ переводѣ Анастасія,—свѣдѣнія рукописей Ѳеофана непринадлежащими перу исторіографа было бы рѣшеніемъ вопроса неполнымъ. На основаніи древняго свидѣтельства о лѣтописномъ повѣствованіи св. Ѳеофана мы находимъ возможнымъ констатировать планомѣрную переработку первичнаго состава и распространеніе его вставками—со стороны позднѣйшихъ справщиковъ, или редакторовъ лѣтописи. Мы косвенно ниспровергаемъ и то,—столь часто представляемое противъ возможнаго предположенія о позднѣйшемъ пополненіи лѣтописи новыми свѣдѣніями,—соображеніе, будто неоткуда было для подобной работы черпать матеріалъ позднѣйшему сотруднику: этотъ матеріалъ историческій *легко* заимствовался изъ другихъ хроникъ, и редактору оставалось лишь *приложить* чужое къ первоначальному составу древней хронографіи.

Послѣдній результатъ нашего изслѣдованія въ этой области вопроса формулируемъ такъ: изъ общаго состава рукописнаго преданія—a) подлинно повѣствованіе св. Ѳеофана въ границахъ содержанія, которое передано Анастасіемъ изъ греческаго оригинала, бывшаго въ его рукахъ (преданіе текста и состава отъ IX-го вѣка),—b) въ качествѣ dubia, принадлежность чего Ѳеофану во всемъ объемѣ—требуетъ еще провѣрки, признается все, что сверхъ Анастасіева состава *согласно* передается въ хроникѣ Парижскаго списка № 1712 и въ греческой рукописи парижской за № 1710 (преданіе текста и состава отъ X-го вѣка),—c) рѣшительно непринадлежащимъ къ подлинному повѣствованію признается остающійся, по выключеніи вышеозначеннаго (a, b) историческаго матеріала, излишекъ лѣтописной наличности греческихъ списковъ Ѳеофана, начиная отъ XI-го вѣка.

Съ внѣшней стороны работа по возстановленію древнихъ текстовъ греческой лѣтописи напоминаетъ въ значительной части нашей книги сличеніе безчисленнаго количества кусковъ руды, въ коихъ замѣтно присутствіе крупинокъ золота. Обширная область византійской лѣтописной письменности представляетъ столь связное цѣлое, что показать сходство или различіе въ пріемахъ двухъ хронистовъ,—сходство или различіе двухъ рецензій одного и того же текста,—не представляетъ той легкости, какъ доказать сходство или различіе внѣшнихъ предметовъ или понятій о нихъ. Это особенно нужно признать, когда составляется правильно

провѣренное сужденіе о взаимоотношеніи византійскихъ лѣтописей на всемъ протяженіи ихъ состава. Поэтому и выраженіе мысли нашей о разновидностяхъ текстуальнаго состава хроникъ или рукописей, указующихъ первоначальный видъ сообщеній св. Өеофана, не отдѣлимо отъ цитатъ и ссылокъ на тексты—какъ на печатные,—такъ и на приводимое для каждаго отдѣльнаго случая изъ рукописей. Такой методъ доказательства главныхъ положеній книги обличаетъ конечно изслѣдованіе *о первоисточникѣ* исторіи, въ отличіе отъ изслѣдованія *на основаніи* первоисточника.

Идейные плоды предлагаемаго труда нашего о лѣтописи св. Өеофана, для ближайшаго времени, удовлетворили бы насъ, если книга наша въ изслѣдователяхъ историческихъ текстовъ, греческихъ и славянскихъ, пробудитъ готовность останавливать вниманіе на каждомъ, хотя бы случайно встрѣтившемся, отрывкѣ лѣтописномъ—съ вопросомъ: не изъ Өеофана ли текстъ и не Анастасіевой ли редакціи (признакъ послѣдней—начало рубрикъ: „въ *такомъ-то* году царствованія *того-то*), они дали бы намъ счастіе, если среди факторовъ, кои могутъ побудить къ переизданію лѣтописнаго произведенія св. Өеофана, на послѣднемъ хотя бы мѣстѣ считалось и наше настоящее изслѣдованіе.

Доселѣ лѣтопись византійская находила себѣ издателей на Западѣ. Въ качествѣ литературнаго произведенія обычно она разсматривается здѣсь какъ показатель упадка греческой образованности,—удовлетворявшейся вмѣсто историческаго изслѣдованія простымъ перечнемъ лѣтъ и событій. Лѣтописная письменность византійцевъ изъ времени иконоборчества и ближайшаго не находитъ здѣсь кромѣ того—и это особенно слѣдуетъ подчеркнуть о нѣмецкомъ изслѣдованіи—большого сочувствія за ревностную группировку со стороны авторовъ-лѣтописцевъ, въ большинствѣ случаевъ иноковъ, иконоборческихъ дѣяній императоровъ-иконоборцевъ.

И если тѣмъ не менѣе хроника византійская доселѣ приковываетъ къ себѣ вниманіе западныхъ изслѣдователей и издателей, то объясняется это конечно—какъ обиліемъ памятниковъ этого рода,—значительнымъ количествомъ греческихъ рукописей, находящихся въ западно-европейскихъ книгохранилищахъ,—такъ и богатствомъ записанныхъ византійской лѣтописью свѣдѣній, прямые источники которыхъ утеряны.

Но если для исторической науки общей значеніе греческой лѣтописи—изъ времени Өеофана Исповѣдника и позднѣйшаго—признается всѣми историками, то въ исторіи духовной жизни Россіи значеніе хронографической литературы византійцевъ усиливается тѣмъ особымъ положеніемъ, по которому и началомъ христіанскаго просвѣщенія и первыми произведеніями исторической письменности мы стоимъ въ самой тѣсной связи съ Византіей даннаго времени. Изданіе и историко-критическій разборъ византійской лѣтописи изъ періода, когда началось историческое бытіе Руси,—не только задача русской науки, но и ея преимущество: духовное наслѣдіе Византіи ближе къ разумѣнію изслѣдователя русскаго, потому что нами пройденъ значительный путь усвоенія и переработки письменности византійской. И намъ пора убѣдиться, что—какъ studia byzantina не пріобрѣтаютъ безспорно-научныхъ качествъ отъ одного лишь изложенія на важномъ, по церковнымъ традиціямъ запада, языкѣ латинскомъ, — такъ, наоборотъ, памятники лѣтописи греческой, издаваемые на Западѣ безъ предварительнаго изученія *славянскихъ* (переводныхъ) текстовъ, теряютъ eo ipso въ своей научной цѣнности.

Самый широкій планъ изученія и переизданія греческихъ хроникъ долженъ былъ бы встрѣтить сочувствіе на русской почвѣ, привлечь къ себѣ обильную матеріальную поддержку здѣсь же.

12-го марта 1918 года исполняется 1100 лѣтъ со времени мученической кончины Преподобнаго Отца православно-восточной церкви, славнаго исторіографа византійскаго, Өеофана Исповѣдника,—1100 лѣтъ отъ того дня, когда отошелъ ко Господу, какъ писалъ св. Өеодоръ Студитъ въ письмѣ къ Мегало и Маріи, „исповѣдникъ Христовъ, вторый Іовъ, украшеніе монаховъ, устроитель любви, всѣми любимый мужъ, человѣкъ Божій, много плакавшее око, любознательный умъ, обогащенный божественнымъ вѣдѣніемъ, постоянный въ смиренномудріи и отличный по мудрости, прежде образа (монашескаго) знаменитый и послѣ монашескаго совершенства превосходный“!

Если бы среди представителей церковно-исторической науки русской было сочтено за благословную вину ознаменовать окончаніе сего (юбилейнаго) періода особымъ вниманіемъ къ лѣтописному повѣствованію святого мужа, то

переизданіе этого произведенія на началахъ новаго распорядка текстовъ было бы, можетъ быть, ученымъ предпріятіемъ, наиболѣе отвѣчающимъ юбилейному воспоминанію о св. Өеофанѣ. И внималъ бы міръ послѣ сего научнаго подвига русскаго подлинной „повѣсти временныхъ лѣтъ“ великаго подвижника Сигріанскихъ горъ, — столь близкихъ къ другой, дорогой нашему славянскому сознанію, горѣ—Олимпу.

Свящ. **П. Преображенскій.**

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года [1]).

III.

У ЕВСЕВІЯ документъ находится въ X книгѣ его исторіи, и за нимъ слѣдуютъ еще пять документовъ, которые всѣ западнаго происхожденія и имѣютъ, въ частности, отношеніе къ африканской церкви (хотя два изъ нихъ адресованы итальянскимъ епископамъ). Все это собраніе документовъ, написанныхъ первоначально на латинскомъ языкѣ и переведенныхъ кѣмъ-то для Евсевія, если не имъ самимъ, на греческій, имѣется только въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (ATERM) исторіи Евсевія, въ другихъ (BDΣΛ) его нѣтъ [2]).

---

[1]) Продолженіе. См. ноябрь 1914 г.

[2]) X, 5—7 (въ ATERM): 1) Ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων ἐκ ῥωμαϊκῆς γλώττης μεταληφθεισῶν—разсматриваемый документъ. 2) Ἀντίγραφον ἑτέρας βασιλικῆς διατάξεως ἣν αὖθις πεποίηται, μόνῃ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ τὴν δωρεὰν δεδόσθαι ὑποσημηνάμενος—постановленіе, обращенное къ проконсулу Африки Анулину, о возвращеніи церквамъ конфискованныхъ имуществъ. 3) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς σύνοδον ἐπισκόπων ἐπὶ Ῥώμης κελεύει γενέσθαι ὑπὲρ τῆς τῶν ἐκκλησιῶν ἑνώσεως τε καὶ ὁμονοίας—письмо Μιλτιάδῃ ἐπισκόπῳ Ῥωμαίων καὶ Μαρκῳ о назначаемомъ въ Римѣ соборѣ по дѣлу донатистовъ. 4) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς προστάττει δευτέραν γενέσθαι σύνοδον ὑπὲρ τοῦ πᾶσαν τῶν ἐπισκόπων περιελεῖν διχοστασίαν—письмо Χρήστῳ ἐπισκόπῳ Συρακουσίων съ приглашеніемъ на соборъ въ Арль къ 1 августа 314 г. по тому же дѣлу. 5) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς χρήματα ταῖς ἐκκλησίαις δωρεῖται—письмо Καικιλιανῷ ἐπισκόπῳ Χαρταγένης съ увѣдомленіемъ о предоставленіи африканскимъ церквамъ денежныхъ средствъ и съ разрѣшеніемъ Кекиліану обращаться къ свѣтскимъ властямъ для противодѣйствія пропагандѣ донатистовъ. 6) Ἀντίγραφον βασιλικῆς ἐπιστολῆς δι' ἧς τοὺς προεστῶτας τῶν ἐκκλησιῶν πάσης ἀπολελῦσθαι τῆς περὶ τὰ πολιτικὰ λειτουργίας προστάττει—письмо Анулину объ освобожденіи клира каѳолической церкви отъ повинностей. Для 1 и 2 документа употре-

Возникаютъ вопросы: когда эти латинскіе документы сдѣлались извѣстны Евсевію и откуда получены имъ? Почему въ однѣхъ рукописяхъ они имѣются, въ другихъ ихъ не оказывается? Отвѣтъ на эти вопросы связанъ съ выясненіемъ исторіи «литературнаго преданія» труда Евсевія, именно—вопроса о разныхъ изданіяхъ его, сдѣланныхъ еще самимъ авторомъ. Возможность поставить на болѣе или менѣе твердую почву ихъ обсужденіе открылась лишь со времени выхода въ свѣтъ изданія исторіи Евсевія Швартца. Самъ Швартцъ во введеніи къ изданію предложилъ опытъ уясненія данныхъ, какія представляетъ собранный имъ весьма обширный и сложный рукописный матеріалъ.

По мнѣнію Швартца [1]), всѣ шесть документовъ, нынѣ находящіеся въ X книгѣ, составляли первоначально прибавленіе къ IX книгѣ во второмъ изданіи исторіи, которое состояло только изъ девяти книгъ (первое — изъ восьми). Упоминаемое въ концѣ IX книги, въ первоначальномъ ея видѣ, «законодательство» (νομοθεσία) Константина и Ликинія въ пользу христіанъ [2]) должно было относиться именно къ этому со-

бляется названіе διάταξις, для 3—5—ἐπιστολή, какъ бы въ соотвѣтствіе намѣчаемымъ въ X, 2, 2 νομοθεσίαι и ἐπισκόποις γράμματα; но и 6 называется тоже ἐπιστολή, между тѣмъ онъ адресованъ Анулину и по формѣ ничѣмъ не отличается отъ 2. Предшествующее всему собранію документовъ замѣчаніе: Φέρε δή, λοιπὸν καὶ τῶν βασιλικῶν διατάξεων Κωνσταντίνου καὶ Λικιννίου τὰς ἐκ τῆς Ῥωμαίων φωνῆς μεταληφθείσας ἑρμηνείας παραθώμεθα, очевидно, относится собственно лишь къ первому документу, который одинъ только принадлежитъ вмѣстѣ Константину и Ликинію и въ дальнѣйшемъ заглавіи котораго употреблено также множественное число διατάξεων, но можетъ частію относиться и къ 2, также и къ 6. Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе при заглавіи перваго документа, въ отличіе отъ всѣхъ дальнѣйшихъ, указанія на его содержаніе. Возможно, что это заглавіе и фраза Φέρε — — παραθώμεθα взяты Евсевіемъ въ X книгу изъ предыдущаго изданія исторіи, изъ IX книги, безъ особыхъ измѣненій, какъ онъ имѣетъ обыкновеніе это дѣлать. Въ заглавіи второго документа, открывающаго рядъ принадлежащихъ одному Константину памятниковъ, какъ бы намѣренно отмѣчается (ἑτέρας — — ἣν αὖθις πεποίηται), что и первый главнымъ виновникомъ имѣетъ Константина (если читать и не ἑτέρας AM, а ἕτερον TER). Нужно, однако, замѣтить, что въ R читается здѣсь πεποίηνται въ ATER—ὑποσημηνάμενοι.

[1]) *E. Schwartz*, Eusebius Kirchengeschichte. III (Einleitungen). Lpz. 1909, S. XLVIII, LIII—LIV, LVI—LIX.

[2]) Въ первоначальной редакціи, сохраненной въ ATERM, IX книга, содержавшая разсказъ о торжествѣ Константина и Ликинія надъ Максентіемъ и Максиминомъ, имѣла такое заключеніе (IX, 11, 8, *Schwartz* 852): οὕτω δῆτα τῶν δυσσεβῶν ἐκκαθαρθέντων, μόνοις ἐφυλάττετο τὰ τῆς προσηκούσης

бранію документовъ, которое являлось такимъ же завершеніемъ исторіи, какимъ былъ ранѣе, въ первомъ ея изданіи (312—313 г.), заключающій VIII книгу эдиктъ Галерія о вѣротерпимости. Это второе изданіе Швартцъ относитъ къ 315 г., между прочимъ, именно потому, что одинъ изъ документовъ собранія, письмо къ епископу сиракузскому Христу, былъ написанъ уже въ 314 г., и въ то же время Константинъ и Ликиній въ этой книгѣ представляются находящимися въ мирѣ между собою, тогда какъ осенью 314 г. возникла война между ними и миръ установился лишь къ 315 г. [1]). Вскорѣ, въ 317 г., Евсевій снова издалъ исторію, прибавивъ къ девяти книгамъ еще X-ю, куда вошла его рѣчь Павлину тирскому, и послѣ этой рѣчи уже теперь помѣщены были указанные документы. Послѣ пораженія Ликинія въ 323 г., въ дальнѣйшемъ новомъ изданіи, присоединенъ былъ къ X книгѣ еще разсказъ о Ликиніи и его низверженіи (X, 8—9), но damnatio memoriae Ликинія въ то же время заставило Евсевія устранить изъ нее документы, во главѣ которыхъ стоялъ документъ съ именемъ и Ликинія, равно какъ сдѣланы были разныя измѣненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго текста исторіи, касавшихся Ликинія. Это послѣднее изданіе мы имѣемъ въ тѣхъ рукописяхъ, гдѣ нѣтъ этихъ документовъ (BDΣ[Λ], но измѣненія текста сдѣланы и въ M, гдѣ эти документы имѣются). Предыдущаго изданія, гдѣ находились документы, мы не имѣемъ (во всѣхъ рукописяхъ есть, напр., и разсказъ о пораженіи Ликинія), но кто-то уже послѣ Евсевія внесъ изъ него дополненія въ указанное послѣднее изданіе, и эту редакцію представляютъ рукописи (ATER) съ документами и нѣкоторыми особенностями въ текстѣ, въ частности, въ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Ликиніи, отличающими ее отъ послѣдняго изданія самого Евсевія.

Критическія замѣчанія на эти выводы Швартца сдѣлалъ англійскій ученый Лоулоръ [2]). Онъ отвергаетъ гипотезу о

βασιλείας βέβαιά τε καὶ ἀνεπίφθονα Κονσταντίνῳ καὶ Λικιννίῳ· οἱ τῶν πρόσθεν ἁπάντων ἐκκαθάραντες τοῦ βίου τὴν θεοεχθρίαν, τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ᾐσθημένως τὸ φιλάρετον καὶ θεοφιλὲς τό τε πρὸς τὸ θεῖον εὐσεβὲς καὶ εὐχάριστον διὰ τῆς ὑπὲρ Χριστιανῶν ἐνεδείξαντο νομοθεσίας.

[1]) LVIII.

[2]) *H. J. Lawlor*, Eusebiana. Essays on the Ecclesiastical History of Eusebius bishop of Caesarea. Oxford 1912, p. 243—291: The earlier forms of the Ecclesiastical History.

двухъ изданіяхъ X книги самого Евсевія: было лишь одно изданіе ея, 324 или 325 г. Указаніе на damnatio memoriae Ликинія вовсе не объясняетъ, напр., почему выброшенъ не первый лишь изъ шести документовъ, въ которомъ только и находится имя Ликинія, но и другіе пять, принадлежащіе одному Константину. Евсевій и не могъ самъ опустить всѣ эти документы, потому что во всѣхъ рукописяхъ читается мѣсто съ указаніемъ на эти документы, какъ прямо входившіе въ самый планъ X книги [1]). Похвалы Ликинію, наконецъ, все-таки остались въ тирской рѣчи Евсевія. Лоулоръ самъ думаетъ, что нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ и опущеніе документовъ (BDΣ[Λ]) сдѣланы были уже послѣ Евсевія, хотя еще въ IV в. [2]). Предшествовавшимъ изданію 324 или 325 г. было, такимъ образомъ, изданіе изъ 9 книгъ, и его Лоулоръ относитъ къ концу 313 или началу 314 г. Въ вопросѣ о времени и способѣ происхожденія IX и X книги исторіи Евсевія Лоулоръ возвращается въ сущности къ тому мнѣнію, которое было высказываемо и раньше [3]). Но онъ соглашается съ Швартцемъ, что уже къ изданію, состоявшему изъ девяти книгъ, Евсевіемъ въ свое время былъ присоединенъ и находящійся нынѣ въ X книгѣ документъ съ именемъ Константина и Ликинія—миланскій эдиктъ, но только именно одинъ этотъ документъ, а не всѣ 6, помѣщенные потомъ въ X книгѣ, какъ думаетъ Шварцъ. Единственное число νομοθεσία у Евсевія и указываетъ, по Лоулору, на одинъ лишь законъ, такъ какъ множественное νομοθεσίαι прилагается у него къ ряду законовъ (X, 2, 2); νομοθεσία, далѣе, усвояется Константину и Ликинію вмѣстѣ, а это приложимо къ одному только первому документу въ собраніи X книги; наконецъ, νομοθεσία дважды употреблено въ самомъ же миланскомъ законѣ (X, 5, 14). Опе-

---

[1]) X, 2, 2, *Schwartz* 860: ἀλλὰ καὶ βασιλεῖς οἱ ἀνωτάτω συνεχέσι ταῖς ὑπὲρ Χριστιανῶν νομοθεσίαις τὰ τῆς ἐκ θεοῦ μεγαλοδωρεᾶς ἡμῖν εἰς μακρὸν ἔτι καὶ μεῖζον ἐκράτυνον, ἐφοίτα δὲ καὶ εἰς πρόσωπον ἐπισκόποις βασιλέως γράμματα καὶ τιμαὶ καὶ χρημάτων δόσεις· ὧν οὐκ ἀπὸ τρόπου γένοιτ' ἂν κατὰ τὸν προσήκοντα καιρὸν τοῦ λόγου, ὥσπερ ἐν ἱερᾷ στήλῃ, τῇδε τῇ βίβλῳ τὰς φωνὰς ἐκ τῆς 'Ρωμαίων ἐπὶ τὴν 'Ελλάδα γλῶσσαν μεταληφθείσας ἐγχαράξαι, ὡς ἂν καὶ τοῖς μεθ' ἡμᾶς ἅπασιν φέροιντο διὰ μνήμης.

[2]) 243—255.

[3]) Лоулоръ указываетъ (255) на Westcott'a и Lightfoot'a. То же въ данномъ случаѣ мнѣніе проводитъ и *A. Harnack*, Die Chronologie der altchristlicher Litteratur bis Eusebius. B. II. Lpz. 1904, S. 114—5.

видно, такъ какъ одинъ изъ дальнѣйшихъ документовъ, письмо Христу, могъ явиться уже только около половины 314 г., то при предположеніи, что IX книга написана была еще въ 313 или въ началѣ 314 г., и нельзя допустить, что въ ней было собраніе всѣхъ дальнѣйшихъ документовъ [1]).

Въ общемъ, замѣчанія Лоулора нельзя не признать вполнѣ убѣдительными. Нѣтъ въ дѣйствительности никакихъ препятствій думать, что IX книга была написана уже вскорѣ послѣ пораженія Максимина, въ 313 или въ началѣ 314 г. [2]), и именно законодательный актъ о полной религіозной свободѣ для христіанъ, исходилъ ли онъ непосредственно отъ Константина и Ликинія вмѣстѣ, или только отъ Ликинія, былъ вполнѣ естественнымъ завершеніемъ ея, подобно тому, какъ эдиктъ Галерія завершалъ VIII книгу. Такъ какъ Ликиній въ то время былъ покровителемъ христіанъ и ничто не предвѣщало его будущаго отпаденія, то если бы находящійся у Евсевія и у Лактанція документъ былъ даже не болѣе какъ его письмомъ, основаннымъ на предварительномъ соглашеніи съ Константиномъ въ Миланѣ, и Евсевій зналъ это, онъ и тогда могъ бы помѣстить этотъ документъ въ концѣ IX книги своей исторіи въ виду его особо важнаго значенія. Прямыхъ документальныхъ доказательствъ, что онъ и былъ помѣщенъ здѣсь, собственно не имѣется. Но нужно признать весьма мало вѣроятнымъ, чтобы Евсевій, зная столь важный документъ и имѣя его у себя (онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ знать его послѣ обнародованія его Ликиніемъ), не воспользовался имъ тогда же въ своей исторіи. Упоминаніе о νομοθεσία въ концѣ IX книги даетъ основаніе думать, что это νομοθεσία и слѣдовало затѣмъ въ буквальной передачѣ. Степень вѣроятности тезиса о помѣщеніи Евсевіемъ даннаго документа въ концѣ

---

[1]) 251–252, 256.

[2]) Для Швартца основаніемъ относить происхожденіе IX книги къ 315 г. является, прежде всего, помѣщенное въ ряду документовъ приглашеніе Христа, епископа сиракузскаго, на арльскій соборъ къ 1 августа 314 г., но это основаніе устраняется при предположеніи, что на дѣлѣ былъ въ концѣ IX книги только одинъ первый документъ. Въ самой IX книгѣ указаніе на terminus a quo ея написанія можно находить лишь въ сообщеніи о прибытіи Ликинія въ Антіохію, послѣ побѣды надъ Максиминомъ, и о расправѣ тамъ съ Өеотекномъ и языческими жрецами и прорицателями и съ дѣтьми и родственниками Максимина (IX, 11, 6—7); это могло быть въ концѣ 313 или въ началѣ 314 г.

IX книги уже при ея изданіи, нужно, повидимому, считать приближающейся къ достовѣрности.

Болѣе или менѣе понятнымъ, далѣе, слѣдуетъ признать и включеніе впослѣдствіи документа, бывшаго сначала въ концѣ IX книги, въ средину книги X: въ эту послѣднюю, по намѣренію автора, и должны были входить, въ цѣляхъ характеристики наступившихъ, начиная съ 313 г., временъ мира и благополучія для церкви, кромѣ тирской рѣчи самого Евсевія, именно законы и письма правителей, свидѣтельствующіе о покровительственномъ отношеніи ихъ къ церкви, и затѣмъ въ концѣ книги присоединенъ былъ сравнительно лишь краткій разсказъ объ измѣненіи этихъ отношеній къ христіанамъ со стороны Ликинія и объ окончательномъ торжествѣ христіанства [1]). Собраніе документовъ должно было, такимъ образомъ, составлять существенную часть книги, и Евсевій могъ включить въ него и стоявшій сначала въ концѣ IX книги документъ, такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ указаннымъ цѣлямъ и имъ открывался описываемый въ этой книгѣ періодъ. Къ нему теперь присоединялись полученные Евсевіемъ какимъ-то образомъ съ запада уже въ дальнѣйшее время другіе пять документовъ.

Кѣмъ и когда все это собраніе было удалено изъ X книги въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, остается не совсѣмъ яснымъ. Но можно думать, не соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Лоулоромъ, что это было сдѣлано самимъ же Евсевіемъ, уже вскорѣ послѣ написанія книги и врученія ея Павлину, но сдѣлано не вслѣдствіе damnatio memoriae Ликинія, какъ полагаетъ Швартцъ, а только потому, что Евсевій нашелъ болѣе удобнымъ перенести это собраніе изъ средины книги въ особое приложеніе къ ней. На это указываетъ, повидимому, заявленіе о такомъ приложеніи въ концѣ X книги, находящееся именно въ редакціи B [D?], гдѣ изъ средины этой книги документы и оказываются исключенными (хотя это же заявленіе внесено было и въ E, не смотря на присутствіе здѣсь документовъ) [2]).

---

[1]) Вслѣдъ за небольшимъ введеніемъ (X, 1, 1—4, 1, около 3 страницъ въ маломъ изданіи Швартца), главное содержаніе X книги и составляютъ тирскій панегирикъ (X, 4, 2—4, 72, около 17 страницъ) и собраніе документовъ (X, 5—7, около 7 стр.); разсказъ о Ликиніи занимаетъ сравнительно немного мѣста (X. 8—9, около 5 стр.).

[2]) Во всѣхъ рукописяхъ конецъ X книги представляетъ собственно лишь немного видоизмѣненное повтореніе первоначальнаго заключенія

Въ данномъ случаѣ вопросъ о времени и мотивахъ исключенія изъ X книги разсматриваемаго документа вмѣстѣ съ

къ IX книгѣ. X, 9, 9, *Schwartz* 902: οὕτω δῆτα πάσης τυραννίδος ἐκκαθαρθείσης, μόνοις ἐφυλάττετο τὰ τῆς προσηκούσης βασιλείας βέβαιά τε καὶ ἀνεπίφθονα Κωνσταντίνῳ καὶ τοῖς αὐτοῦ παισίν, οἳ τῶν πρόσθεν ἁπάντων ἀποσμήξαντες τοῦ βίου τὴν θεοστυγίαν, τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ἠσθημένως τὸ φιλάρετον καὶ θεοφιλὲς τό τε πρὸς τὸ θεῖον εὐσεβὲς καὶ εὐχάριστον δι᾽ ὧν εἰς προὖπτον ἅπασιν ἀνθρώποις παρέσχον ὁρᾶν ἐπεδείξαντο. Такъ въ общемъ читается въ ATERΣ. Но въ BD вмѣсто δι᾽ ὧν — — ἐπεδείξαντο стоитъ: διὰ τῆς ὑπὲρ Χριστιανῶν ἐνεδείξαντο νομοθεσίας. Въ EBD (въ E послѣ замѣтки: τέλος τοῦ ἱ τόμου) далѣе слѣдуетъ еще (*Schwartz* 904) подъ заглавіемъ: 'Αντίγραφον διατάξεως τοῦ θεοφιλοῦς βασιλέως ἣν τοὺς τυράννους καθελὼν τοῖς ὑπ᾽ αὐτὸν ἔθνεσιν Ἑλληνικῇ συντάξας φωνῇ διεπέμψατο. эдиктъ, изданный Константиномъ для востока послѣ побѣды надъ Ликиніемъ въ 324 (323) году и соотвѣтствующій закону 313 г.: „Νικητὴς Κωνσταντῖνος Μέγιστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις Παλαιστινοῖς. Ἦν μὲν ἄνωθεν — — προτεθήτω ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατολικοῖς μέρεσιν". Этотъ документъ приведенъ былъ потомъ Евсевіемъ въ V. C. II, 24—42, какъ τὸ δόγμα τὸ τοῖς ἐκτὸς κατὰ πόλιν δήμοις διαπεμφθὲν, или (по заглавію въ одной лишь рукописи Vat. 149) 'Επιστολὴ Κωνσταντίνου Κωνσταντίου 'Ρωμαίων αὐτοκράτορος, τὸ πρῶτον καταπεμφθὲν τοῖς ἐπὶ γῆς ἑῴας γράμμα μετὰ τὴν κατὰ τῶν τυράννων νίκην, съ подлиннаго хранившагося у него, какъ онъ сообщаетъ, экземпляра за подписью самого Константина (II, 23, *Heikel* 50: εἴληπται δ᾽ ἐξ αὐθεντικοῦ τοῦ παρ᾽ ἡμῖν φυλαττομένου βασιλικοῦ νόμου, ᾧ καὶ τῆς αὐτοῦ δεξιᾶς ἔγγραφος ὑποσημείωσις τῆς τοῦ λόγου πιστώσεως οἷά τινι σφραγῖδι κατασημαίνει τὴν μαρτυρίαν). Въ EBD (= LHF *Heikel*) текстъ, по Гейкелю (S. xx — xxiv, ср. xxiii, xxiv), сохранился лучше, чѣмъ въ многочисленныхъ рукописяхъ „Жизни Константина", хотя вообще текстъ и этихъ рукописей является весьма древнимъ и близкимъ къ временамъ Евсевія. Но вслѣдъ за этимъ документомъ въ EB (въ D имѣется лишь документъ до слова προτεθήτω, дальнѣйшій листъ рукописи утраченъ) стоятъ еще слова: ταῦτα μὲν οὖν ᾧδέ μοι κείσθω· φέρε δὲ λοιπὸν τοὺς νόμους καὶ τὰς ὑπὲρ τῆς ἀληθοῦς εὐσεβείας τοῦ θεοφιλοῦς ἡμῶν καὶ πραοτάτου βασιλέως ἐπιστολάς, ἀφ᾽ ἑτέρας ἀρχῆς ὁμοῦ πάσας συναγάγωμεν (и далѣе—въ E: Εὐσεβίου ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλίον δέκατον, въ B: τέλος σὺν θεῷ τῆς ὅλης ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου, ἤτοι τῶν δέκα τόμων). Шварцъ полагаетъ, что посланіе Константина на востокъ извлечено кѣмъ-то въ позднѣйшее время изъ „Жизни Константина" и помѣщено въ концѣ исторіи вмѣстѣ съ обѣщаніемъ дать полное собраніе константиновскихъ документовъ (Einleitungen, S. cxxv). Но вѣрнѣе, кажется, относить и присоединеніе къ X книгѣ посланія, и слѣдующее за нимъ обѣщаніе въ EB (вѣроятно и D), къ самому Евсевію, и ставить это въ связь съ опущеніемъ въ BD документовъ X, 5—7. Слова „ταῦτα μὲν οὖν ᾧδέ μοι κείσθω" указываютъ прямо на автора церковной исторіи, и не видно основаній, почему кто-либо другой въ позднѣйшее время вздумалъ бы говорить здѣсь отъ лица Евсевія, прибѣгая къ совершенно ненужному своего рода подлогу. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно объяснить, кому позднѣйшему и зачѣмъ понадобилось извлекать уже имѣвшійся въ „Жизни

другими, сопровождающими его, имѣетъ однако уже второстепенное значеніе. Важнымъ является фактъ, что онъ нашелъ

Константина“ документъ и переписывать его въ концѣ исторіи. Для Евсевія же, когда не написана еще была „Жизнь Константина“, вполнѣ естественно было воспользоваться и этимъ, бывшимъ у него документомъ, и помѣстить его сначала въ концѣ своей исторіи, какъ ея завершеніе, а потомъ, при написаніи особаго сочиненія о Константинѣ, включить его въ это сочиненіе. Что касается обѣщанія дать собраніе другихъ документовъ съ именемъ Константина „ἀφ' ἑτέρας ἀρχῆς“, то νόμοι и ἐπιστολαὶ здѣсь, очевидно, соотвѣтствуютъ упоминаемымъ въ X. 2, 2 νομοθεσίαι и γράμματα, и вѣроятно—названіямъ διατάξεις для 1 и 2 документа, и ἐπιστολαί—для 3—6. въ X, 5—7. Можно, такимъ образомъ, думать, что присоединивъ къ X книгѣ посланіе на востокъ Константина, Евсевій одновременно съ этимъ нашелъ нужнымъ перенести документы X, 5—7 изъ средины книги въ конецъ ея. Заявленіе въ X, 2, 2 при этой перемѣнѣ могло быть оставлено въ прежнемъ видѣ; не требовалось никакихъ поправокъ и въ X, 8, 1. Эту редакцію X книги мы и имѣемъ въ BD, но собраніе документовъ здѣсь не сохранилось (въ E, принадлежащей по другимъ особенностямъ къ иному типу рукописей—ATER, посланіе Константина и замѣчаніе въ концѣ могло быть списано съ BD; предъ „Ἀντίγραφον“ здѣсь стоитъ уже „τέλος τοῦ ἰ τόμου“, и по Шварцу, S. cxiv, въ группѣ ATER чтенія въ T^cER вообще отражаютъ вліяніе со стороны BDM; подобно этому въ M, принадлежащей къ группѣ BDMΣΛ, документы X, 5—7 могли быть внесены изъ ATER, такъ какъ M вообще оказывается исправленной по ATER, S. xciii, cxxviii). Но когда измѣненія эти были сдѣланы Евсевіемъ въ X книгѣ, и почему посланіе Константина на востокъ не было уже при самомъ написаніи помѣщено въ ней, отвѣтить на это довольно трудно. Какъ посвященная Павлину тирскому и написанная послѣ пораженія Ликинія, X книга, если не предполагать съ Шварцемъ болѣе ранняго изданія главной ея части, должна была появиться вскорѣ же послѣ 324 (resp. 323) г. 18 сентября (распространеніе законовъ Константина κατὰ πάντα τόπον, X, 9, 8, едва ли требовало много времени), можетъ быть, въ самые послѣдніе дни жизни Павлина, переведеннаго уже изъ Тира когда-то послѣ Филогонія († 20 дек. 323?) въ Антіохію и бывшаго тамъ, по Филосторгію (III, 15) около 6 мѣсяцевъ (ср. *Д. А. Лебедевъ*, Павлинъ и Зинонъ епископы тирскіе, въ Визант. Врем. XX, 1913, стр. 127—131, 162—164, и отдѣльно). Можно, кажется, предположить, что вновь написанная, предназначенная ближайшимъ образомъ для Павлина, эта книга была послана или передана Павлину безъ первыхъ 9 книгъ, которыя Павлинъ, другъ Евсевія, несомнѣнно, имѣлъ уже, вѣроятно отъ самого же Евсевія. Во всякомъ случаѣ, при разъясненіи вопроса о сохранившихся слѣдахъ разныхъ редакцій труда Евсевія не должно забывать, что до появленія X книги уже существовали экземпляры исторіи, состоявшіе лишь изъ 9 книгъ, и къ нимъ потомъ, въ ихъ первоначальномъ, не исправленномъ авторомъ видѣ, и могла быть присоединяема новая книга. Посланіе Константина ἐπαρχιώταις Παλαιστίνης [Παλαιστινοῖς EBD] Евсевій могъ не помѣстить въ книгѣ, на-

мѣсто въ исторіи Евсевія еще задолго до написанія X книги, и именно—вскорѣ же послѣ своего появленія, и во всякомъ случаѣ былъ уже тогда извѣстенъ Евсевію.

значенной Павлину, потому, что послѣднему оно хорошо было извѣстно, какъ недавно лишь полученное и разосланное при томъ всюду не на одномъ латинскомъ, но вмѣстѣ и на греческомъ языкѣ, тогда какъ всѣ другіе помѣщенные въ этой книгѣ документы, равно и въ IX, и эдиктъ Галерія въ VIII, писаны были лишь по-латински, такъ что переводъ ихъ на греческій языкъ долженъ былъ составлять особую заслугу историка предъ греческими читателями его труда. Законъ Константина и Ликинія онъ нашелъ, между тѣмъ, необходимымъ помѣстить опять въ новой книгѣ, хотя онъ былъ уже раньше приложенъ имъ къ IX книгѣ. Присоединеніе новой X книги въ предназначенной для Павлина редакціи, безъ посланія Константина въ концѣ, къ бывшимъ уже ранѣе въ обращеніи 9 книгамъ, не просмотрѣннымъ вновь авторомъ, и могло даватъ редакцію, выраженную въ AT(E)K; чисто механическимъ способомъ объединенія и объясняется присутствіе въ этой редакціи почти одинаковыхъ заключеній и для IX, и для X книги. Но законъ 313 г. въ рукописяхъ этой редакціи переписывался, разумѣется, только однажды, въ X книгѣ. Но возможно, что въ очень скоромъ времени, уже по смерти Павлина, но еще до половины 326 г. (казнь Криспа), Евсевій, выпустившій въ свѣтъ новую X книгу, пересмотрѣлъ и предыдущія, и сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя исправленія, сдѣлалъ также нѣкоторыя измѣненія и въ новой, — прибавилъ къ ней посланіе на востокъ Константина, а документы X, 5—7, о которыхъ онъ предувѣдомляетъ въ X, 2, 2, отнесъ въ особое собраніе еще далѣе. Эта редакція представлена въ BD(M)(ΣΛ): она является исправленной самимъ авторомъ, но собраніе документовъ въ ней до насъ не дошло. Такимъ образомъ, если были два изданія X книги, то они слѣдовали весьма быстро одно за другимъ въ 324—326 г. Въ виду интереса, какой долженъ былъ въ свое время возбуждать трудъ Евсевія, это является вполнѣ возможнымъ именно для даннаго момента; нужно думать, что и самъ Константинъ въ 325 г. обратилъ вниманіе на этотъ трудъ. Если, согласно съ заключительными словами X книги по BD, участниками законодательства Константина оказываются и его дѣти, то должно имѣть въ виду, что имена кесарей ставились въ inscriptio законовъ вмѣстѣ съ именами августовъ, а Криспъ и Константинъ II были кесарями уже съ 1 марта 317 г.—Слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о происхожденіи и разныхъ редакціяхъ исторіи Евсевія въ цѣломъ его объемѣ является весьма сложнымъ при обиліи и крайней запутанности рукописныхъ данныхъ, нынѣ собранныхъ съ возможной полнотой и классифицированныхъ въ изданіи Швартца. Предположеніе Лоулора, что измѣненія въ текстѣ (въ мѣстахъ о Ликиніи) могли быть сдѣланы и не Евсевіемъ (244—5), и что не имъ самимъ были отпущены въ BDΣ[Λ] документы X, 5—7 (249), очевидно, должны сопровождаться довольно радикальными слѣдствіями для принятыхъ Швартцемъ пріемовъ при установленіи подлиннаго Евсевіева текста и окончательнаго вида исторіи, поскольку Швартцъ именно въ BDΣΛ видитъ послѣднее изданіе самого Евсевія. Однако, бо-

Но если этотъ документъ былъ подъ руками у Евсевія не въ 324 лишь году, но уже въ 313—314 былъ помѣщенъ въ его исторіи, откуда онъ могъ быть полученъ Евсевіемъ?

«Письмо» Ликинія, адресованное президу Виѳиніи, было, конечно, въ томъ или другомъ видѣ опубликовано потомъ и въ Палестинѣ. Евсевій могъ его знать въ этомъ видѣ уже во вторую половину 313 г., и съ этой точки зрѣнія вполнѣ возможно, что помѣщенный у него документъ есть, по тексту, именно полученныя и въ Палестинѣ litterae Ликинія (если только при этомъ признается возможнымъ объяснить такъ или иначе присутствіе въ текстѣ Евсевія еще особаго введенія). Такъ какъ изъ самаго документа видно, что онъ, по содержанію, обязанъ своимъ происхожденіемъ и Константину и Ликинію вмѣстѣ, то Евсевій имѣлъ право дать ему то наименованіе, съ какимъ онъ стоитъ въ его исторіи, хотя непосредственно онъ исходилъ отъ Ликинія.

Но у Евсевія, помимо самаго документа, есть еще приведенное выше совершенно опредѣленное сообщеніе, что законъ въ пользу христіанъ былъ не только составленъ Константиномъ и Ликиніемъ (что̀ могло бы быть просто лишь его выводомъ на основаніи обнародованнаго письма Ликинія), но что оно и было послано ими Максимину вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ—въ качествѣ, очевидно, убѣждающаго мотива для Максимина—о полученныхъ ими милостяхъ отъ Бога христіанъ. Такимъ образомъ, по этому сообщенію, какой-то документъ былъ посланъ на востокъ самому Максимину еще прежде, чѣмъ тамъ объявлено было Ликиніемъ постановленіе о религіозной свободѣ христіанъ послѣ пораженія Максимина. И этотъ, посланный тогда на востокъ, законъ характеризуется такимъ образомъ (νόμον ὑπὲρ Χριστιανῶν τελεώτατον πληρέστατα διατυποῦνται), что и тѣ ученые, которые не находятъ возможнымъ принять этотъ разсказъ Евсевія (Кеймъ, Гюлле, Бильмейеръ), признаютъ въ то же время, что Евсевій здѣсь,

---

лѣе вѣроятнымъ представляется относить въ общемъ важнѣйшія особенности редакціи BDΣΛ на счетъ самого уже Евсевія (какъ полагаетъ это и самъ Лоулоръ, 253, напр., относительно заключительныхъ словъ IX книги). *E. Grapin* въ своемъ изданіи исторіи Евсевія (Eusèbe, Histoire ecclésiastique, Paris 1905—1911—1913), воспроизводя вообще текстъ Швартца и слѣдуя его взглядамъ (ср. однако Introduction, 1913, p. xxxiv—xxxvii), затронутаго Лоулоромъ вопроса не касается.

хотя и ошибается, но во всякомъ случаѣ имѣетъ въ виду именно находящійся нынѣ въ X книгѣ его труда документъ съ именами Константина и Ликинія [1]).

Сообщеніе это, если относиться къ нему съ довѣріемъ, очевидно, непререкаемо рѣшало бы вопросъ о существованіи особаго, письменно формулированнаго миланскаго закона, но оно встрѣчается съ серьезными хронологическими трудностями. Прибытіе Константина въ Миланъ и изданіе имъ тамъ закона вмѣстѣ съ Ликиніемъ, по имѣющимся даннымъ, ранѣе января 313 г. едва ли могло быть [2]). По Евсевію, Максиминъ, получивъ письмо и «законъ» западныхъ соправителей, обратился съ своей стороны съ указомъ къ Савину. Но въ эдиктѣ Максимина, изданномъ послѣ пораженія его Ликиніемъ, незадолго до смерти, какъ обычно думаютъ— лѣтомъ или осенью 313 г., на этотъ указъ Савину дѣлается ссылка, какъ на писанный «въ прошедшемъ году» [3]), т. е., повидимому, въ 312, слѣдовательно до миланскаго постановленія.

Бароній, какъ было выше сказано, хотѣлъ устранить это затрудненіе, отнеся эдиктъ и смерть Максимина къ 314 г. Съ другой стороны, было высказываемо въ новое время, въ виду этой трудности, мнѣніе, что миланскій эдиктъ былъ

---

[1]) Текстъ сообщенія Евсевія IX, 9, 12, см. выше, 142₁. Такъ же точно Евсевій характеризуетъ и одинаковый въ цѣломъ по содержанію съ миланскимъ закономъ, изданный послѣ него эдиктъ Максимина. IX, 10, 6, *Schwartz* 842: εἶτα δε ἑοῦς δόξαν τῷ Χριστιανῶν θεῷ νόμον τε τὸν ὑπὲρ ἐλευθερίας αὐτῶν τελεώτατα καὶ πληρέστατα διαταξάμενος. Бильмейеръ (Theol. Quartalschrift, 1914, S. 83—4), сверхъ того, сопоставляетъ слова Евсевія въ разсказѣ о составленіи и посланіи Максимину закона о христіанахъ: θεον τὸν τῶν ἀγαθῶν ἁπάντων αὐτοῖς αἴτιον εὐμενίσαντες, съ указываемыми въ самомъ миланскомъ документѣ мотивами сдѣланнаго въ Миланѣ постановленія, при чемъ въ этомъ документѣ встрѣчается выраженіе (въ греческомъ переводѣ § 4): ὅπως ὅ τί ποτέ ἐστιν θειότητος καὶ οὐρανίου πράγματος, ἡμῖν καὶ πᾶσι — — εὐμενὲς εἶναι δυνηθῇ.

[2]) Ср., напр., объ этомъ у *Bihlmeyer*'а. S. 86—87. Если у Лактанція (с. 45) говорится лишь неопредѣленно объ отправленіи Константина изъ Рима въ Миланъ „hieme proxima“, то у ритора Назарія замѣчается болѣе опредѣленно о „bimestris fere cura“ Константина при устроеніи дѣлъ въ Римѣ (Paneg. IV, 33). Если обнародованный (proposita) въ Римѣ 18 января законъ (Cod. Theod. XIII, 10, 1, тогда же другой законъ безъ указанія мѣста, X, 10, 1) былъ и изданъ тамъ, то и около этого времени Константинъ еще находился въ Римѣ. Какъ изданный въ Миланѣ, отмѣчается законъ 10 марта (X, 8, 1 = Cod. Just. X, 10, 2).

[3]) Eus. h. e. IX, 10, 8: τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ ἐνομοθετήσαμεν.

изданъ и отправленъ Максимину еще въ 312 г. [1]). Валуа и многіе другіе за нимъ, чтобы истолковать данное мѣсто у Евсевія, думали видѣть въ посланномъ Максимину законѣ особый не сохранившійся законъ Константина и Ликинія, изданный еще въ Римѣ въ 312 г. Но въ новое время, начиная съ Кейма, едва ли не большинство ученыхъ усматриваютъ въ данномъ случаѣ не болѣе лишь какъ хронологическую ошибку и вообще путаницу у Евсевія. Константинъ могъ обратиться къ Максимину съ увѣдомленіемъ о побѣдѣ и протестомъ противъ поднятаго Максиминомъ гоненія на христіанъ только ранѣе, сразу послѣ побѣды надъ Максентіемъ, но не въ 313 г. Евсевій же, у котораго вообще въ послѣднихъ книгахъ встрѣчаются нѣкоторыя несообразности и не соблюдается строго хронологическая послѣдовательность, при своихъ вообще неясныхъ представленіяхъ объ итальянскихъ событіяхъ, отнесъ это къ болѣе позднему времени, утверждая, будто Максимину было послано постановленіе обоихъ западныхъ правителей [2]).

Однако, едва ли нужно считать указанную трудность непреодолимою—и не перенося миланскаго эдикта съ 313 на 312 г., равно не прибѣгая и къ гипотезѣ Валуа о другомъ болѣе раннемъ законѣ, и обвинять по этому поводу въ искаженіи фактовъ Евсевія. Шварцемъ было высказано предположеніе, что Максиминъ могъ считать начало года по сиромакедонскому календарю съ 1 октября; тогда, если изданіе имъ эдикта и смерть были послѣ этого числа, затрудненіе устраняется [3]). Подобное же предположеніе можно находить и у Лоулора (начало года съ сентября или, можетъ быть, съ октября) въ изслѣдованіи о хронологіи IX книги Евсевія [4]).

---

[1]) *A. J. Mason*, The persecution of Diokletian. Cambridge 1876, p. 333.

[2]) Ср. особенно *Hülle*, 63—67. *Bihlmeyer*, 84—90. Этого мнѣнія, какъ отмѣчаетъ Бильмейеръ (88—89), держатся, напр., Allard, Schultze, Möller-Schubert, Linsenmayer, Duchesne, Achelis, Şesan, Wittig.

[3]) *E. Schwartz*. Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1904, H. 5, S. 526.

[4]) *H. J. Lawlor*, Eusebiana: The chronology of the ninth book of the Ecclesiastical History, p. 221. Исходя изъ факта, что императорская почта въ римскомъ государствѣ дѣлала около 120 римскихъ миль въ день, а отъ Милана до Антіохіи по Itinerarium Antonini считалось 2167 миль, и слѣдовательно, это разстояніе требовало 18 дней. Лоулоръ полагаетъ самый ранній срокъ полученія эдикта Максиминомъ около 20 января,

Но Лоулоръ не считаетъ абсолютно невозможнымъ и мнѣніе Баронія о смерти Максимина уже въ 314 г. [1]).

Въ то же время, въ данномъ случаѣ можно воспользоваться, хотя съ нѣкоторыми существенными видоизмѣненіями, тѣми соображеніями, какія приводитъ въ подтвержденіе правдивости разсказа Евсевія Де Баччи Венути. По его мнѣнію, посланъ былъ Максимину Константиномъ и Ликиніемъ собственно проектъ закона, на изданіе котораго, если онъ долженъ былъ имѣть общегосударственное значеніе, непремѣнно требовалось согласіе и Максимина; объ этомъ и говорится у Евсевія. Максиминъ согласія не выразилъ, и западные правители отъ своего имени издали тогда въ Миланѣ законъ въ мартѣ, включенный потомъ въ рескриптъ Ликинія [2]).

Какъ бы то ни было, разъ хронологическій вопросъ можетъ быть такъ или иначе рѣшенъ съ большею или меньшею вѣроятностью, нѣтъ никакихъ другихъ серьезныхъ основаній относиться къ извѣстію Евсевія съ недовѣріемъ. Нужно имѣть въ виду въ данномъ случаѣ, что если Евсевій не могъ быть всегда хорошо освѣдомленъ въ событіяхъ отдаленнаго запада и относительно этихъ событій легко допустить у него ошибки и недоразумѣнія, въ частности, и въ хронологіи, то, напротивъ, то, что̀ происходило на востокѣ, что̀ касалось Максимина, находившагося послѣ похода на армянъ именно въ Сиріи, недалеко отъ Палестины, и что̀ въ то же время имѣло непосредственное отношеніе къ судьбѣ христіанъ, могло быть и было, нужно думать, хорошо извѣстно кесарійскому епископу-историку. Приведенные имъ въ исторіи указъ Максимина и затѣмъ эдиктъ 313 г. доходили до него, вѣроятно, вскорѣ же послѣ ихъ изданія, и онъ тогда же получалъ тѣ или иныя

если эдиктъ былъ изданъ въ самомъ концѣ 312 или началѣ 313 г.; если же Константинъ прибылъ въ Миланъ не ранѣе 18 января, то около 10 февраля. Съ другой стороны, Максиминъ, чтобы быть въ Никомидіи съ войскомъ около 6 апрѣля, долженъ былъ выйти изъ Антіохіи около 16 февраля. Такимъ образомъ, 20 января [10 февраля]—16 февраля могло быть приблизительно временемъ, когда Максиминомъ полученъ былъ законъ изъ Милана и написано письмо Савину (p. 219—220). Эдиктъ могъ быть изданъ Максиминомъ въ сентябрѣ или октябрѣ (p. 227).

[1]) 227.

[2]) *De Bacci Venuti*, 323—328. Указанной хронологической трудности итальянскій ученый прямо не касается, но очевидно, она и при его точкѣ зрѣнія можетъ быть устранена способомъ, предлагаемымъ Швартцемъ и Лоулоромъ.

свѣдѣнія и объ обстоятельствахъ ихъ изданія. Но точно также могъ быть хорошо извѣстенъ ему и фактъ прибытія посольства на востокъ къ Максимину отъ западныхъ правителей, равно и самое содержаніе ихъ обращенія къ нему, вполнѣ возможно и то, что и самый «законъ» о христіанахъ, присланный, правда, съ запада именно къ Максимину, но не составлявшій, конечно, никакого особаго секрета—западные правители, напротивъ, могли лишь желать, чтобы онъ сдѣлался извѣстенъ на востокѣ не одному только Максимину—тогда уже былъ скопированъ христіанами и могъ быть въ рукахъ Евсевія [1]).

---

[1]) У Евсевія есть еще сообщеніе въ IX, 9^a, 11—12 (ср. выше, 142_2), что указъ Максимина Савину, внушавшій лишь не прибѣгать къ насиліямъ при обращеніи христіанъ въ язычество, на дѣлѣ не разрѣшалъ христіанамъ ни дѣлать собранія, ни строить церкви, ни совершать другое что-либо, что входитъ въ обычай христіанъ (οὐ μὴν συνόδους ἐπικελεῦον ποιεῖσθαι οὐδ' οἴκους ἐκκλησιῶν οἰκοδομεῖν οὐδ' ἄλλα τι τῶν ἡμῖν συνήθων διαπράττεσθαι), хотя (καίτοι γε) поборники мира и благочестія (Константинъ и Ликиній) требовали отъ Максимина этого (ἐπιτρέπειν ἐπεστάλκεσαν), и сами это разрѣшали всѣмъ, бывшимъ подъ ихъ властію, предписаніями и законами (διὰ προγραμμάτων καὶ νόμων συγκεχωρήκεσαν). Подъ этими προγράμματα и νόμοι, несомнѣнно, здѣсь разумѣется не что другое, какъ эдиктъ Галерія 311 г., дѣйствовавшій потомъ, вмѣстѣ съ дополнительной къ нему инструкціей (epistola) къ президамъ, въ областяхъ Константина и Ликинія, но Максиминомъ не обнародованный, хотя онъ и долженъ былъ сдѣлать это. Нужно имѣть въ виду, что въ эдиктѣ Галерія слова (Lact. de mort. pers. 34, 4, *Brandt* 213): ut denuo sint Christiani et conventicula sua componant, у Евсевія переведены—вѣрно или нѣтъ—именно въ смыслѣ разрѣшенія христіанамъ строить храмы (VIII, 17, 9, *Schwartz* 794): ἵνα αὖθις ὦσιν Χριστιανοὶ καὶ τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο, συνθῶσιν (отсюда у Руфина: ut rursum sint Christiani et conventicula, in quibus orare consuerunt, extruant et reaedificent). Содержаніе этого эдикта, говоря о его изданіи, онъ опредѣляетъ такимъ образомъ (VIII, 17, 1, 790), что Галерій τὸν κατὰ Χριστιανῶν ἀποπαῦσαι διωγμὸν νόμῳ τε καὶ δόγματι βασιλικῷ τὰς ἐκκλησίας αὐτῶν οἰκοδομεῖν ἐπισπέρχειν καὶ τὰ συνήθη διαπράττεσθαι — — προστάττει. Самое сходство, частію почти тождество выраженій ясно показываетъ, что въ IX, 9^a, 11—12, идетъ рѣчь именно объ этомъ законѣ; разрѣшеніе собраній, не упоминаемое прямо въ VIII, 17, по переводу Евсевія, само собою должно предполагаться въ дозволеніи строить зданія для этихъ собраній. Между прочимъ, συγκεχωρήκεσαν въ XI, 9^a, 12, имѣетъ соотвѣтствіе въ выраженіяхъ эдикта Галерія, VIII, 17, 9—10, 794: καὶ ἐν τούτῳ τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ἐπεκτεῖναι δεῖν ἐνομίσαμεν, ἵνα αὖθις — — ὅθεν κατὰ ταύτην τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ὀφείλουσιν κτλ. Множественное число διὰ προγραμμάτων καὶ νόμων должно, очевидно, ука-

Въ такомъ случаѣ для перевода Евсевія могъ послужить оригиналомъ текстъ, идущій именно изъ Милана, какъ и предполагаютъ сторонники мнѣнія объ особомъ значеніи текста Евсевія въ виду отличій его отъ текста Лактанція, — но онъ полученъ былъ Евсевіемъ не въ позднѣйшее время, а еще до

зывать не на различные хотя бы по изложенію законы, а лишь на распространенные западными правителями въ своихъ областяхъ экземпляры одного и того же закона; законъ Галерія и въ VIII, 17, 2, 790 называется также и βασιλικὰ διατάγματα, а въ „Жизни Константина (I, 57, *Heikel* 34) указанное выше мѣсто VIII, 17, 1 воспроизводится уже въ такомъ видѣ: τὸν κατὰ τῶν Χριστιανῶν ἀποπαύει διωγμόν, ν ό μ ο ι ς τε καὶ δ ι α τ ά γ μ α σ ι β α σ ι λ ι κ ο ῖ ς τὰς ἐκκλησίας αὐτῶν οἰκοδομεῖν ἐπισπέρχει, τά τε συνήθη πράττειν αὐτοὺς — — διακελεύεται. Такимъ образомъ, смыслъ всего этого сообщенія Евсевія тотъ, что Максиминъ, издавшій послѣ присылки ему „совершеннѣйшаго" закона о христіанахъ Константиномъ и Ликиніемъ свой особый указъ на имя Савина, въ дѣйствительности не далъ и теперь христіанамъ даже и тѣхъ ограниченныхъ правъ (IX, 9ª, 11: ὅτι μ η δ ὲ τ ο ῦ τ' ἤθελεν αὐτῷ τὸ γράμμα), которыми христіане должны были пользоваться, и на западѣ пользовались, въ силу узаконеній, изданныхъ еще со временъ Галерія, хотя Максимину и эти узаконенія были въ свое время посланы (и—можетъ быть—были и потомъ напоминанія о нихъ съ запада). Очевидно, у Евсевія отъ этихъ прежнихъ узаконеній съ полною опредѣленностью отличается вновь составленный „совершеннѣйшій и обстоятельнѣйшій" законъ, который также теперь посылается Максимину (IX, 9, 12: διατυποῦνται, διαπέμπονται).—Что касается „Жизни Константина", то заимствуя изъ своей исторіи въ это сочиненіе разсказъ о постигшей Галерія болѣзни, какъ казни за его гоненія противъ христіанъ, Евсевій лишь по этому поводу включаетъ сюда и находившееся тамъ замѣчаніе объ изданномъ имъ предъ смертью эдиктѣ (I, 57). Но что Константинъ и Ликиній распространяли этотъ эдиктъ на западѣ, объ этомъ здѣсь уже не говорится. Не упоминаетъ Евсевій въ этомъ сочиненіи и объ изданіи Константиномъ особаго закона о христіанахъ послѣ побѣды надъ Максентіемъ, можетъ быть, именно потому, что въ изданіи миланскаго постановленія принималъ участіе и Ликиній, а все это сочиненіе направлено къ прославленію дѣяній Константина. Здѣсь говорится только объ обнародованіи Константиномъ всюду на западѣ закона, освобождавшаго отъ слѣдствій тиранства Максентія вообще его западныхъ подданныхъ. I, 41, 3, *Heikel* 27: ἡπλοῦτο δὲ καὶ βασιλικὸν ἁπανταχοῦ γ ρ ά μ μ α, τοῖς μὲν τὰς ὑπάρξεις ἀφαρπαγεῖσι τὴν τῶν οἰκείων ἀπόλαυσιν δωρούμενον τοὺς δ' ἄδικον ἐξορίαν ὑπομείναντας ἐπὶ τὰς σφῶν ἀνακαλούμενον ἑστίας. ἠλευθέρου δὲ καὶ δεσμῶν παντός τε κινδύνου καὶ δέους τοὺς ὑπὸ τῆς τυραννικῆς ὠμότητος τούτοις ὑποβεβλημένους. Далѣе разсказывается въ общихъ выраженіяхъ о приближеніи къ себѣ императоромъ епископовъ, объ устроеніи христіанскихъ храмовъ и дарахъ имъ (42), о широкой вообще благотворительности Константина (43), о его особыхъ заботахъ о церкви и мирѣ церковномъ (44).

объявленія этого документа Ликиніемъ въ качествѣ обязательнаго и для востока закона. Если Евсевій помѣстилъ его не тамъ, гдѣ онъ упоминаетъ о немъ (IX, 9, 12), а — первоначально—въ самомъ концѣ IX книги, какъ ея заключеніе, то это можетъ объясняться именно тѣмъ, что силу закона онъ получилъ для востока лишь со времени объявленія его Ликиніемъ.

Возможность составленія въ Миланѣ и отправленія къ Максимину закона о христіанахъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ обнародованъ былъ потомъ Ликиніемъ, едва ли можетъ быть отвергаема. Само собой разумѣется, что въ своей настоящей формѣ документъ, какъ содержавшій въ самомъ текстѣ заявленіе, которое идетъ отъ лица лишь Константина и Ликинія («Когда мы прибыли благополучно въ Медіоланъ, я — Константинъ Августъ, и я—Ликиній Августъ, — — признали мы нужнымъ» и т. д.), не могъ быть предъявленъ Максимину въ качествѣ закона для объявленія его буквально въ томъ же самомъ видѣ и самимъ Максиминомъ на востокѣ. Но не въ этомъ, нужно думать, и было его дѣйствительное назначеніе соотвѣтственно обстоятельствамъ его происхожденія.

Положеніе христіанъ, послѣ пораженія Максентія, въ собственныхъ владѣніяхъ Константина обезпечивалось въ будущемъ личнымъ отношеніемъ къ нимъ императора. Изъ вновь присоединенныхъ областей, въ Италіи, при этомъ, по крайней мѣрѣ—въ Римѣ, христіанамъ уже ранѣе возвращены были самимъ Максентіемъ конфискованныя имущества, для Африки Константинъ далъ объ этомъ особое распоряженіе проконсулу Анулину, можетъ быть, сразу же послѣ побѣды надъ Максентіемъ. Но необходимо было гарантировать свободу и улучшить судьбу христіанъ, находившихся во владѣніяхъ другихъ правителей.

Ближайшимъ образомъ Константину пришлось имѣть дѣло съ вступившимъ въ союзъ съ нимъ Ликиніемъ, правителемъ Иллирика. Можно думать, что Константинъ, зная характеръ и религіозное настроеніе Ликинія, нашелъ нужнымъ свой договоръ съ нимъ закрѣпить письменнымъ актомъ, и такимъ документомъ и могло быть составленное въ Миланѣ отъ лица обоихъ правителей обращеніе къ магистрату объ отмѣнѣ дѣйствовавшихъ доселѣ ограничительныхъ пунктовъ къ эдикту Галерія и о возстановленіи имущественныхъ правъ христіанъ; Ликиній

долженъ былъ вскорѣ же обнародовать его въ подвластной ему части имперіи. Оно предназначалось, такимъ образомъ, прямо именно для области Ликинія, а не Максимина, и если потомъ было объявлено имъ въ Никодиміи, то потому лишь, что неожиданно поднятая Максиминомъ война и его пораженіе сдѣлали Ликинія обладателемъ не только лишь восточнаго Иллирика, но и всего востока.

Но, разумѣется, должно было привлекать не меньшее вниманіе Константина и быть предметомъ заботъ его даже главнымъ образомъ именно положеніе христіанъ въ предѣлахъ владѣній Максимина. Здѣсь, въ мѣстахъ первоначальнаго появленія и распространенія христіанства, гдѣ христіанъ было болѣе всего, они не пользовались и тою ограниченною свободою, какая провозглашена была эдиктомъ Галерія 311 г., такъ какъ Максиминъ у себя этого эдикта и не объявлялъ, и чрезъ полгода послѣ изданія этого эдикта (въ ноябрѣ 311) возобновилъ гоненіе, которое, повидимому, особенно усилилось къ осени 312 г., времени побѣды Константина надъ Максентіемъ [1]).

---

[1]) Политику Максимина по отношенію къ христіанамъ и крайне тяжелое положеніе послѣднихъ за это время подробно описываетъ Евсевій въ IX, 2—8. Гоненіе открылось стѣсненіями относительно богослужебныхъ собраній; затѣмъ предпринято изгнаніе христіанъ изъ городовъ и ихъ окрестностей по ходатайствамъ и постановленіямъ гражданъ, внушаемымъ императоромъ. Для борьбы съ христіанствомъ организована была, частію по образцу христіанской, іерархія языческихъ жрецовъ. Всюду распространяемы были и даже изучались въ школахъ измышленные акты Пилата, съ цѣлію дискредитировать христіанство; съ тою же цѣлію всюду были разсылаемы вынужденныя подъ угрозой пытки ложныя показанія о христіанахъ какихъ-то бывшихъ будто бы христіанокъ. Не рѣдки были и случаи смертной казни христіанъ. Такъ были отданы звѣрямъ епископъ Сильванъ въ Эмисѣ и еще двое христіанъ, въ Египтѣ былъ казненъ Петръ александрійскій (24 ноября 311) и съ нимъ многіе другіе (ἄλλοι πλείους) епископы, казненъ извѣстный пресвитеръ антіохійскій Лукіанъ въ Никомидіи (7 января 312). Постановленія городовъ объ изгнаніи христіанъ, вмѣстѣ съ одобряющимъ ихъ рескриптомъ Максимина, всюду разосланнымъ (въ августѣ –сентябрѣ 312, по Лоулору, p. 222), были вырѣзываемы на мѣдныхъ доскахъ и выставляемы въ городахъ. Въ виду въ особенности этихъ постановленій положеніе христіанъ, по замѣчанію Евсевія, дѣлалось совершенно безнадежнымъ (IX, 7, 15: ὡς κατ' αὐτὸ δὴ τὸ θεῖον ἐκεῖνο λογίον, εἰ δυνατόν, ἐπὶ τούτοις καὶ τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ σκανδαλίζεσθαι, ср. IX, 10, 12: δυσσεβεῖς ἐδοκοῦμεν καὶ ἄθεοι καὶ παντὸς ὄλεθροι τοῦ βίου, ὡς μὴ ὅτι γε πόλιν, ἀλλ' οὐδὲ χώραν οὐδ' ἐρημίαν οἰκεῖν ἐπιτρέπεσθαι). Всеобщее выполненіе этой мѣры было замедлено, повидимому, лишь тяжкими физическими бѣдствіями, голодомъ и

Нужно было побудить восточнаго правителя прекратить преслѣдованіе его христіанскихъ подданныхъ. Но Константинъ не желалъ конфликта съ нимъ несмотря даже на обнаружившіяся сношенія его съ Максентіемъ; онъ назначилъ его даже консуломъ на 313 годъ вмѣстѣ съ собою.

Новый законъ долженъ былъ войти въ силу на западѣ (въ области Ликинія), каково бы ни было дальнѣйшее поведеніе Максимина. Но такъ какъ, по идеѣ, всякій законъ, изданный хотя бы въ одной части имперіи въ видѣ императорскаго письма къ магистрату, предполагалъ согласіе съ нимъ и всѣхъ другихъ правителей, то Константинъ и Ликиній могли отправить его къ Максимину, въ виду всѣмъ извѣстныхъ враждебныхъ отношеній Максимина къ христіанамъ, уже для того, чтобы имѣть возможность поставить въ надписаніи его имя послѣдняго. Но въ данномъ случаѣ обращеніе къ Максимину должно было имѣть еще особое значеніе: посланное вмѣстѣ съ письмомъ Константина и Ликинія, миланское постановленіе, показывая непреклонное намѣреніе западныхъ правителей осуществить свою волю на западѣ, должно было быть образцомъ для изданія Максиминомъ подобнаго же постановленія на востокѣ. Навязывать Максимину самый текстъ не было никакой необходимости; поэтому, можетъ быть, и была избрана въ Миланѣ для закона форма не эдикта въ собственномъ смыслѣ, а лишь письма къ магистрату (вѣроятно, префекту преторіи, а не непосредственно президамъ провинцій), и онъ предназначался ближайшимъ образомъ только для области Ликинія. Нужно имѣть въ виду, что Константину въ Римѣ сенатомъ только что была предоставлена честь считаться первымъ августомъ, съ чѣмъ соединялось особое право законодательной инициативы; но это былъ именно самый чувствительный пунктъ для Максимина, никакъ не хотѣвшаго примириться съ этимъ [1]),

---

язвою, постигшими востокъ, когда разные города еще не успѣли получить указаннаго рескрипта, и предпринятымъ тогда же походомъ Максимина противъ исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру армянъ (вѣроятно, въ присоединенной къ имперіи въ 297 г. области, по Дюшену), которыхъ онъ тоже хотѣлъ возвратить въ язычество.

[1]) Ср. Lact. 44, 12, *Brandt* 224: cognito deinde senatus decreto sic exarsit dolore, ut inimicitias aperte profiteretur, conuicia iocis mixta aduersus imperatorem maximum diceret. Eus. h. e. IX, 10, 1, *Schwartz* 838: ἤδη καὶ κατὰ τῶν τῆς βασιλείας κοινωνῶν — — τολμᾶν ὥρμητο θρασύνεσθαι καὶ πρῶτον ἑαυτὸν ταῖς τιμαῖς ἀναγορεύειν.

и Константинъ, желавшій сохранить добрыя отношенія съ Максиминомъ, можно думать, не находилъ нужнымъ съ этой стороны затрогивать его самолюбіе, обращаясь къ нему по столь важному вопросу, какъ вопросъ о законодательствѣ касательно христіанъ, и могъ предоставить ему самому изложить и издать въ своей области соотвѣтствующій уже санкціонированному на западѣ постановленію законъ [1]). И когда

[1]) Такъ какъ имперія считалась единою и въ то время, когда она была раздѣлена между нѣсколькими правителями, то, по всегдашнему обычаю, имена всѣхъ правителей должны были стоять въ началѣ (inscriptio) какъ эдиктовъ въ собственномъ смыслѣ, такъ и другихъ императорскихъ постановленій съ общимъ значеніемъ. Отсюда между inscriptio, гдѣ перечислялись имена нѣсколькихъ августовъ, и самымъ изложеніемъ закона, поскольку онъ предлагался на дѣлѣ отъ имени обычно лишь одного изъ нихъ, должно было вообще оказываться своеобразное несоотвѣтствіе. Ср. примѣры въ *P. Krüger*, Geschichte der Quellen und Litteratur des Römischen Rechts. 2 Aufl. München und Leipzig 1912, S. 310₈₁. Такъ, въ Cod. Theod. IX, 16, 9, въ конституціи Валентиніана I (371) читается: *Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus AAA. ad Senatum.* Haruspicinam e g o nullum cum maleficiorum caussis habere consortium i u d i c o ——. Testes sunt leges a m e in exordio imperii m e i datae. Ср. также *Seeck* въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, XII (1891), 384. Такое несоотвѣтствіе между надписаніемъ и дальнѣйшимъ изложеніемъ былй бы, очевидно, и въ миланскомъ документѣ, если бы имя Максимина въ несохранившемся до насъ inscriptio было присоединено къ именамъ Константина и Ликинія (Зеекхъ и предполагаетъ это, какъ фактъ). Но во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что законъ изложенъ здѣсь спеціально отъ имени лишь Константина и Ликинія, должно показывать, что онъ назначался въ этомъ видѣ именно для подвластной имъ части имперіи, Максиминъ же, при обнародованіи его въ своей области, долженъ былъ уже нѣсколько измѣнить это изложеніе. Какимъ образомъ общеобязательное значеніе такихъ, изданныхъ правителями одной лишь части имперіи (einseitig erlassene) законовъ проводилось на практикѣ, это, по Крюгеру, не ясно (извѣстенъ только одинъ примѣръ, когда законъ о привилегіяхъ іудеевъ, данный на востокѣ, отмѣненъ былъ Гоноріемъ для запада въ 398 г., Cod. Theod. XI, 1, 158; указывается еще XVI, 5, 48); лишь въ 429 г. было сдѣлано постановленіе о взаимной присылкѣ новеллъ правителемъ одной половины имперіи правителю другой, если онѣ и тамъ должны были получать значеніе обязательныхъ законовъ (*Krüger*, 310—311, 331). Съ фактомъ подобной присылки, очевидно, мы и встрѣчаемся уже при изданіи миланской конституціи. Случаи, когда правитель одной части имперіи адресовалъ свои конституціи прямо въ другую для исполненія, указываются лишь для Діоклетіана (correctori Italiae 290 г. и praesidi Numidiae 295 г. *Krüger* 310₈₂, 322₂₅). Но въ данномъ случаѣ едва ли можно допустить это въ примѣненіи къ Константину и Ликинію при указанныхъ отношеніяхъ Кон-

Максиминъ, не желавшій, какъ описываетъ его настроеніе въ данномъ случаѣ Евсевій, и «уступить» соправителямъ, и вмѣстѣ боявшійся ослушаться ихъ, издаетъ «какъ бы своимъ авторитетомъ» (ὡς ἂν ἐξ ἰδίας αὐθεντίας) посланіе на имя своего префекта Савина, то по своей формѣ этотъ документъ вполнѣ и соотвѣтствовалъ западному документу, только содержаніе его было совсѣмъ иное [1]).

стантина къ Максимину. Что касается совмѣстнаго на самомъ дѣлѣ изданія законовъ нѣсколькими августами, при нахожденіи ихъ вмѣстѣ, какъ это было при изданіи миланскаго закона, то оно встрѣчается не часто: указываются законы Валентиніана I и Валента 364 г., и Валентиніана II и Θеодосія I 389 и 390 г. (*Krüger*, 310_{79}).

[1]) Можно находить и въ ходѣ мыслей и внѣшнемъ построеніи, и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ соотвѣтствіе адресованнаго Максиминомъ своему префекту посланія (Eus. h. e. IX, 9ª, 1—9) съ миланскимъ документомъ (X, 5, 2—4). Сохранившемуся только у Евсевія началу послѣдняго (§ 2—3: Ἤδη μὲν), гдѣ Константинъ и Ликиній упоминаютъ объ эдиктѣ Галерія, уже давшемъ свободу христіанамъ, но въ недостаточной мѣрѣ, съ ограниченіями, соотвѣтствуетъ начало письма Максимина (§ 1: Καὶ παρὰ τῇ σῇ στιβαρότητι), гдѣ Максиминъ ссылается на совершенно иное отношеніе къ христіанамъ Діоклетіана и Максиміана, и авторитетъ ихъ какъ бы противопоставляетъ авторитету Константина и Ликинія, новыхъ правителей, отступившихъ вмѣстѣ съ Галеріемъ отъ постановленій прежнихъ самодержцевъ, одобряемыхъ самимъ Максиминомъ (*Schwartz* 834: φανερὸν εἶναι πέποιθα τ ο ὺ ς δ ε σ π ό τ α ς ἡ μ ῶ ν Διοκλητιανὸν καὶ Μαξιμιανόν, τ ο ὺ ς ἡ μ ε τ έ ρ ο υ ς π α τ έ ρ α ς — — ὀ ρ θ ῶ ς διατεταχέναι — —, ср. ниже § 6, 836: ὅτι δὴ αὐτὸ τοῦτο καὶ οἱ ἀ ρ χ α ῖ ο ι α ὐ τ ο κ ρ ά τ ο ρ ε ς πάντες διεφύλαξαν). Слѣдующему отдѣлу миланскаго документа (§ 4—5: Ὁπότε εὐτυχῶς ἐγὼ Κωνσταντῖνος ὁ Αὔγουστος κἀγὼ Λικίννιος ὁ Αὔγουστος ἐν τῇ Μεδιολάνῳ ἐληλύθειμεν), гдѣ говорится о прибытіи западныхъ правителей въ Миланъ и состоявшемся здѣсь рѣшеніи дать полную религіозную свободу христіанамъ и всѣмъ другимъ, дабы снискать благоволеніе верховнаго Божества, соотвѣтствуетъ дальнѣйшій отдѣлъ у Максимина (§ 2—3: Ἀλλ' ὅτε ἐγὼ εὐτυχῶς τὸ πρῶτον εἰς τὴν ἀνατολὴν παρεγενόμην, § 4—6: μετὰ δὲ ταῦτα, ὅτε τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ εὐτυχῶς ἐπέβην εἰς τὴν Νικομήδειαν) гдѣ Максиминъ указываетъ на свое первое прибытіе на востокъ (при вступленіи во власть кесаря въ 305 г.) и на недавнее прибытіе въ Никомидію (311 г.), причемъ онъ уже давно, при первомъ же появленіи на востокѣ избавилъ христіанъ отъ притѣсненій правителей (ἑκάστῳ τῶν δικαστῶν ἐντολὰς δέδωκα), внушивъ послѣднимъ дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, въ Никомидіи же, лишь уступая настойчивымъ просьбамъ гражданъ этого города, согласился удовлетворить ходатайство ихъ объ удаленіи изъ ихъ среды христіанъ, что было сдѣлано также и для другихъ городовъ,—и именно потому, что это согласно было и съ волей прежнихъ правителей, и было угодно богамъ, отъ которыхъ зависитъ благополучіе всѣхъ людей и самого государства. Поэтому, въ то время

Такимъ образомъ, можно думать, что миланскій законъ предназначался непосредственно для области Ликинія (Илли-

---

какъ въ дальнѣйшей части миланскаго документа (§ 6—8: Ἅτινα οὕτως ἀρέσκειν ἡμῖν ἀντιγράψαι ἀκόλουθον ἦν, можетъ быть, невѣрный переводъ латинскаго Quare scire dicationem tuam conuenit placuisse nobis) отмѣняются сдѣланныя въ прежнихъ распоряженіяхъ о христіанахъ ограниченія, Максиминъ, напротивъ, находитъ нужнымъ лишь подтвердить свои прежніе указы и инструкціи, якобы благодѣтельные для христіанъ (§ 7—9[a]: Τοιγαροῦν — — ἀκόλουθον ἐνόμισα καὶ τούτοις τοῖς γράμμασιν τὴν σὴν στιβαρότητα ὑπομνῆσαι). Отдѣлъ миланскаго документа о возвращеніи христіанамъ отобраннаго у нихъ имущества (§ 9—11 [13]) Максиминъ, одобрявшій даже изгнаніе христіанъ изъ городовъ, естественно, игнорировалъ. Заключеніе содержитъ въ томъ (§ 14: Ἵνα δὲ — — πρὸς γνῶσιν πάντων ἐνεχθῆναι δυνηθῇ) и другомъ документѣ (§ 9[b]: Ἵνα δὲ αὕτη ἡμῶν ἡ κέλευσις εἰς γνῶσιν πάντων τῶν ἐπαρχιωτῶν τῶν ἡμετέρων ἔλθῃ) обычное предписаніе объ опубликованіи.—Разумѣется, придавать слишкомъ большое значеніе этимъ аналогіямъ и полагать ихъ въ основу рѣшительныхъ выводовъ нельзя: сходство могло быть и случайнымъ. Но если можно вообще предполагать, что при составленіи письма Максимина могло быть извѣстно и могло имѣться въ виду постановленіе западныхъ его соправителей, указанныя особенности могутъ служить къ подтвержденію этого предположенія. Что Максимину написанный отъ имени Константина и Ликинія документъ не былъ извѣстенъ даже и при изданіи имъ эдикта, послѣ того какъ этотъ документъ былъ опубликованъ на востокѣ Ликиніемъ, едва ли можно выводить изъ того, что въ этомъ эдиктѣ не говорится о вознагражденіи владѣльцевъ за возвращаемыя христіанамъ имущества, тогда какъ это предусматривается въ законѣ Константина и Ликинія (De Bacci Venuti). Суевѣрный тираннъ, столь быстро и неожиданно подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ изъ жестокаго гонителя христіанъ (предъ битвою съ Ликиніемъ, онъ, по Лактанцію 46, 2, eius modi uotum Ioui uouit, ut si uictoriam cepisset, Christianorum nomen extingueret funditusque deleret) вдругъ сдѣлавшійся ихъ благодѣтелемъ, казнившій въ гнѣвѣ (ἐμμανεῖ θυμῷ) языческихъ жрецовъ и прорицателей, которые обольстили его надеждами на боговъ, и „воздавшій славу Богу христіанъ“ (Eus. h. e. IX, 10, 6), теперь, въ своемъ желаніи облагодѣтельствовать христіанъ (IX, 10, 11: ἵνα μέντοι καὶ μείζων γένηται ἡ ἡμετέρα δωρεά), могъ пренебречь интересами и правами язычниковъ.—Это письмо Максимина, во всякомъ случаѣ, можетъ давать въ своей основной части (§ 7—9[a])—не смотря на всю ея краткость — наглядное доказательство ненужности гипотезы о происхожденіи документа, извѣстнаго съ именемъ миланскаго эдикта, путемъ присоединенія тавтологическихъ „глоссъ“ къ какому-то другому, еще ранѣе составленному тексту. И у Максимина въ повелительной формулѣ (§ 9[a]: διόπερ ἡ σὴ καθοσίωσις τὸ ἐπιτραπέν σοι διαφυλάττειν ὀφείλει) повторяется, частію съ воспроизведеніемъ буквальныхъ выраженій (ταῖς προτροπαῖς μᾶλλον καὶ ταῖς κολακείαις, съ замѣчаніемъ—ὥσπερ προγέγραπται, ср. также ὕβρεσι καὶ σεισμοῖς) то, что непосредственно передъ этимъ было уже высказано, какъ принятое правителемъ рѣшеніе (§ 7: τοιγαροῦν— —ἀκόλουθον ἐνόμισα).

рика). Но поскольку предполагалось отправить его на востокъ какъ бы въ руководство Максимину, это могло отразиться болѣе или менѣе и на его изложеніи. Можетъ быть, неоднократное повтореніе той мысли, что даруемая христіанамъ свобода отнюдь не должна сопровождаться стѣсненіями для другихъ религій, также предоставленіе владѣльцамъ конфискованныхъ у христіанъ имуществъ права требовать вознагражденія отъ правительства при возвращеніи этихъ имуществъ христіанамъ, обязаны своимъ происхожденіемъ не только лишь естественному чувству справедливости Константина или обоихъ издателей закона вмѣстѣ, или не пристрастію къ язычеству лишь Ликинія, съ которымъ приходилось Константину считаться (какъ думаетъ, напр., Бароній) но и желанію сдѣлать законъ по возможности пріемлемымъ и для Максимина и успокоить его относительно судьбы покровительствуемаго имъ язычества. Опущеніе Ликиніемъ, при обнародованіи написаннаго еще въ Миланѣ документа въ бывшей области Максимина, начала документа, гдѣ дѣлалось упоминаніе объ эдиктѣ Галерія и ограничительныхъ къ нему прибавленіяхъ, вполнѣ естественное объясненіе можетъ находить именно въ томъ, что Максиминомъ этотъ эдиктъ въ Сиріи и Египтѣ въ свое время вовсе не былъ обнародованъ [1]), между тѣмъ новый законъ теперь былъ редактированъ Ликиніемъ въ одинаковой формѣ для всего востока. Соотвѣтственно этому, если придавать значеніе и другимъ разностямъ текстовъ у Евсевія и Лактанція, въ § 6 τοῖς προτέροις ἡμῶν γράμμασι могло быть замѣнено неопредѣленнымъ prius scriptis, которое могло относиться и къ распоряженіямъ Максимина.

Соглашаясь, такимъ образомъ, съ Шварцемъ и нѣкоторыми другими авторами въ вопросѣ о достовѣрности разсказа Евсевія, въ то же время, въ текстѣ документа, приведенномъ

---

[1]) Въ Малой Азіи, находившейся подъ властію Галерія, эдиктъ Галерія былъ опубликованъ прежде, чѣмъ этою областью успѣлъ завладѣть Максиминъ. Лактанцій (35) говоритъ объ обнародованіи эдикта въ 311 г. 30 апрѣля именно въ Никомидіи. У Евсевія сообщается, h. e. IX, 1, *Schwartz* 802: Τὰ μὲν δὴ τῆς παλινῳδίας τοῦ προτεθέντος βασιλικοῦ νεύματος ἥπλωτο τῆς Ἀσίας πάντη καὶ πανταχοῦ κατά τε τὰς ἀμφὶ ταύτην ἐπαρχίας. Въ переводѣ Руфина, *Mommsen* 803: Huiuscemodi edictis imperialibus per omnem locum Asiae Pontique propositis velut ex ingentibus tenebris subitum lumen refulsit. По замѣчанію *De Bacci Venuti*, 311, этотъ фактъ у историковъ вообще оставляется безъ должнаго вниманія. Но ср. напр., *Hülle*, 74.

у Евсевія, можно видѣть, въ отличіе отъ Швартца и согласно съ Шесаномъ и Виттигомъ, переводъ не съ разосланнаго уже Ликиніемъ экземпляра его письма, а съ первоначально составленнаго въ Миланѣ документа. Но этотъ документъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ Евсевію уже тогда, когда онъ былъ посланъ на востокъ Максимину. Въ Миланѣ онъ изданъ былъ какъ законъ прежде всего для области Ликинія; но онъ же (а не какое-либо другое отличавшееся отъ него изложеніе, какъ думаетъ Де Баччи Венути) былъ отправленъ Максимину, какъ образецъ или «проектъ» для подобнаго же собственнаго закона Максимина. Максиминъ отвергъ его, но, послѣ пораженія Максимина, онъ, будучи обнародованъ для всего востока, получилъ de facto болѣе общее значеніе, нежели какое могло принадлежать ему по первоначальному назначенію.

Изложенное представленіе дѣла основывается вообще на довѣріи къ сообщенію Евсевія. Поскольку достовѣрность разсказа Евсевія можетъ подвергаться сомнѣнію и считается допустимою у него путаница, очевидно, оно можетъ имѣть значеніе лишь гипотезы. Но такъ какъ трудности, возбуждаемыя разсказомъ Евсевія, въ дѣйствительности было бы слишкомъ поспѣшно признавать неустранимыми, Евсевій остается свидѣтелемъ, съ показаніями котораго доселѣ приходится серьезно считаться. Если первоначально Евсевій одинъ былъ источникомъ свѣдѣній о миланскомъ законѣ и его лишь разсказомъ могли руководиться стоящіе въ началѣ исторіи вопроса ученые, Бароній и Валуа, отнесшіеся къ нему съ довѣріемъ, то и привнесенныя затѣмъ открытіемъ сочиненія Лактанція данныя, служившія частію поводомъ для критическаго отношенія къ Евсевію въ дальнѣйшее время, на дѣлѣ не должно считать устраняющими или умаляющими значеніе этого источника, а только дополняющими его. Изъ того, что у Лактанція документъ называется litterae ad praesidem datae (въ Никомидіи) Ликинія, не слѣдуетъ, что этотъ же документъ въ болѣе полномъ видѣ, какъ онъ приводится у Евсевія, не былъ посланъ уже ранѣе Максимину, вѣроятно въ Антіохію, изъ Милана отъ имени и Константина и Ликинія.

Во всякомъ случаѣ, если довѣрять Евсевію, то «совершеннѣйшій и обстоятельнѣйшій» законъ о христіанахъ не только былъ, такъ сказать, преднамѣченъ Константиномъ и Ликиніемъ въ Миланѣ, но и изложенъ тамъ письменно и посланъ на востокъ,—каковъ бы ни былъ его дѣйствительный видъ.

Нѣсколько словъ въ заключеніе нужно сказать о названіи миланскаго закона «эдиктомъ».

Въ новѣйшее время поставленъ былъ вопросъ о правѣ миланскаго указа на такое названіе, и это право теперь обычно отрицается, поскольку имѣется въ виду сохранившійся до насъ документъ, хотя бы при этомъ и признавалось миланское происхожденіе документа въ настоящемъ его видѣ.

Традиціонное наименованіе «эдиктъ» встрѣчается уже, какъ было выше сказано, у Баронія; его употребляетъ, напр., и Годефруа [1]). Но уже Валуа пользуется въ данномъ случаѣ лишь общимъ названіемъ — constitutio, lex, а Паджи употребляетъ слово «эдиктъ» лишь съ оговоркою. Когда Зееккъ въ новое время опредѣлилъ документъ лишь какъ «письмо» или «указъ» Ликинія (Brief, Erlass), Гёрресъ могъ только на это замѣтить, что въ дѣйствительности миланское «письмо», вопреки Зеекку, по которому оно есть письмо или рескриптъ [2]), будетъ продолжать жить въ исторіи какъ миланскій *эдиктъ:* этотъ изданный въ формѣ письма манифестъ оказалъ вѣдь такія же услуги, какъ и эдиктъ [3]). Названіе «эдиктъ», въ дѣйствительности, и продолжало болѣе или менѣе держаться въ дальнѣйшее время. Съ рѣшительностью отвергнулъ (въ отличіе отъ Шесана) названіе «эдиктъ» Виттигъ, поставивъ и въ заглавіи своей статьи «Das Toleranz r e s k r i p t von Mailand 313». И по Бильмейеру, законъ «по всѣмъ даннымъ имѣлъ форму императорскаго рескрипта»; поэтому онъ предпочитаетъ болѣе общее названіе «миланская конституція» [4]). Мартруа въ то же время призналъ документъ болѣе всего подходящимъ подъ понятіе «мандата» [5]). Такимъ образомъ, кромѣ общаго для всякаго рода императорскихъ законовъ названія «constitutio», къ миланскому узаконенію примѣняются обозначенія различныхъ частнѣйшихъ формъ ихъ: эдиктъ, рескриптъ, мандатъ, иногда также [6])—въ общемъ смыслѣ—декретъ [7]).

---

[1]) Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis *Jacobi Gothofredi* [† 1652]. Ed. nova (*J. D. Ritter*). T. I. Mantuae 1740, p. VI.

[2]) Зееккъ въ своей статьѣ названіе „рескриптъ" прилагаетъ собственно лишь къ письму Максимина къ Савину (386).

[3]) *Görres*, 287. [4]) *Bihlmeyer*, 68. [5]) Ср. уже *Mason*, 333.

[6]) Ср. напр. *Görres*, 288.

[7]) Объ императорскомъ законодательствѣ и его различныхъ формахъ въ эпоху до Константина В. и послѣ него, до Юстиніана включительно, ср. *P. Krüger*, Geschichte der Quellen und Litteratur des Römischen Rechts.

Если имѣть въ виду первоначальную древнѣйшую форму императорскихъ эдиктовъ, съ формулой «dicit» или («dicunt»), въ видѣ непосредственнаго обращенія императора ко всему народу или части его, то сохранившійся до насъ законъ Константина и Ликинія, разумѣется, не долженъ называться эдиктомъ: это

2 Aufl. München und Leipzig 1912, S. 101—120, 301—315. Constitutiones principum въ *доконстантиновскія* времена появляются въ четырехъ видахъ. 1) Edicta, въ которыхъ императоры обращались прямо къ подданнымъ, ко всему народу или только къ жителямъ какой-либо области или города, съ предваряющей изложеніе формулой: Imperator Augustus dicit. 2) Decreta, рѣшенія судебныхъ дѣлъ въ первой инстанціи или по аппелляціи. 3) Rescripta, отвѣты не запросы магистратовъ (relationes, consultationes, suggestiones) или заинтересованныхъ сторонъ (libelli, preces, supplicationes), даваемые или въ видѣ особаго письма, epistula (магистратамъ), или какъ subscriptio на самомъ прошеніи (для частныхъ лицъ). 4) Mandata, инструкціи императоровъ императорскимъ чиновникамъ и правителямъ провинцій. Предварительное обсужденіе издаваемыхъ конституцій, по крайней мѣрѣ рескриптовъ и декретовъ, происходило въ „совѣтѣ", consilium, изъ приближенныхъ къ императору лицъ (comites и вообще amici) и видныхъ юристовъ; особое значеніе здѣсь имѣлъ praefectus praetorio (начальникъ гвардіи—по первоначальнымъ обязанностямъ), почему на эту должность избираемы были съ конца II в. самые выдающіеся юристы. Въ императорской канцеляріи, изготовлявшей конституціи, были отдѣленія: a) ab epistulis—для отвѣтовъ магистратамъ; b) a libellis—для отвѣтовъ частнымъ лицамъ, при чемъ къ этому же отдѣленію отнесены потомъ и функціи чиновниковъ a cognitionibus, по судебнымъ дѣламъ; потомъ эти отдѣленія выполняли лишь подготовительныя работы, а окончательное изготовленіе документовъ составляло обязанность c) особаго отдѣла a memoria. Конституціи каждаго изъ указанныхъ разрядовъ вносились въ соотвѣтствующіе commentarii. Во времена *послѣ Константина* различаются въ общемъ тѣ же виды императорскихъ узаконеній. Но 1) съ эдиктами теперь окончательно объединяются законодательныя заявленія императоровъ въ сенатѣ (orationes in senatu habitae), уже ранѣе принимавшія форму эдиктовъ (S. 92); вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь узаконенія императоровъ чаще всего составляются въ формѣ писемъ къ магистратамъ, на которыхъ и возлагается обязанность ихъ опубликованія съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ самого магистрата (programma, edictum), и эти „письма", epistulae, ничѣмъ не отличаются по значенію отъ эдиктовъ въ собственномъ смыслѣ. 2) Законодательное значеніе рескриптовъ ограничивается (уже Константинъ объявилъ не имѣющими силы рескрипты, несогласные съ существующимъ правомъ: contra jus rescripta non valeant, Cod. Theod. I, 2, 2); на ряду съ рескриптами называются, какъ ихъ разновидности, adnotationes и sanctiones pragmaticae (отличіе по формѣ, частію и по значенію). 3) Декреты издаются чрезъ рескрипты и раздѣляютъ судьбу послѣднихъ. 4) Мандаты, какъ источникъ права, теперь не имѣютъ значенія. Вмѣсто

есть именно лишь письмо магистрату, который и обязанъ объявить его затѣмъ къ всеобщему свѣдѣнію. Но, какъ обращаетъ на это вниманіе Батиффоль, дѣло въ томъ, что такія «письма» не только имѣютъ совершенно ту же законодательную силу, какъ и «эдикты», но ко времени Константина частію уже вытѣсня-

---

прежняго consilium principis впослѣдствіи учреждается consistorium, въ которомъ главную роль игралъ quaestor sacri palatii. Но нужно замѣтить, что кромѣ спеціальнаго техническаго значенія, разныя наименованія, прилагаемыя къ императорскимъ постановленіямъ, употреблялись иногда и въ общемъ и не совсѣмъ точномъ значеніи, частію потому, что въ виду одинаковой законодательной силы и эдиктовъ, и рескриптовъ, и декретовъ, древніе юристы не находили нужнымъ выдерживать строгую терминологію (*Krüger*, 115_{99}). Decretum, напр., означаетъ иногда рѣшеніе вообще и употребляется въ примѣненіи и къ рескриптамъ (103_{12}); встрѣчается даже обозначеніе эдикта рескриптомъ (115_{97}); epistula или litterae употребляются одинаково для обозначенія рескрипта и мандата (115_{99}); mandatum иногда означаетъ всякій приказъ (jussio) (306_{37}). Ср. также объ императорскихъ законахъ, напр., у *П. Виллемса*, Римское государственное право. Перев. съ французскаго подъ ред. Н. П. Бодянскаго. II. Кіевъ 1890, стр. 492—4, 667—672. Спеціальныя изслѣдованія въ *H. E. Dirksen*'s Hinterlassene Schriften zur Kritik und Auslegung der Quellen römischer Rechtsgeschichte und Altertumskunde. Herausgeg. von *F. D. Sanio*. B. II. Lpz. 1871, S. 1—99. *M. Wlassak*, Kritische Studien zur Theorie der Rechtsquellen im Zeitalter der klassischen Juristen. Graz 1884, S. 106—192. Въ общемъ, терминологія для императорскихъ узаконеній установилась не сразу, да и потомъ, въ практическомъ примѣненіи, не отличалась строгой послѣдовательностью. Право изданія „эдиктовъ", jus edicendi, составляло въ древнемъ Римѣ принадлежность вообще магистратовъ, и съ появленіемъ принципата, естественно, усвоено было и императору. Другія узаконенія императоровъ, поскольку они не были объявляемы въ видѣ эдиктовъ, носили сначала, вѣроятно, какъ замѣчаетъ *Wlassak* (136), вообще названіе „декретовъ", а позднѣйшее общее названіе „constitutiones", повидимому, не употреблялось. У юристовъ Гая (II в.) и Ульпіана (III в.), въ кодексахъ Θеодосія и Юстиніана, встрѣчаются весьма неодинаковыя комбинаціи при перечисленіи видовъ императорскихъ постановленій (*Dirksen*, 55—6, 61_{37}). Значеніе нѣкоторыхъ видовъ доселѣ остается въ наукѣ частію спорнымъ (sanctio pragmatica, mandatum). Въ греческой передачѣ латинскихъ терминовъ, разумѣется, могло быть еще менѣе точности. *P. Jouguet* въ Bulletin de Correspondance Hellénique, XX, 1906, p. 172_{1}, указываетъ, что въ греческомъ языкѣ латинскому edictum соотвѣтствовало обычно κήρυγμα, θεῖαι κελεύσεις и διάταγμα, decretum—δόγμα, mandatum—ἐπιταγή. *L. Lafoscade*, De epistulis (aliisque titulis) imperatorum magistratuumque romanorum quas ab aetate Augusti usque ad Constantinum graece scriptas lapides papyrive servaverunt. Insulis 1902, p. 109, отмѣчаетъ при этомъ, что у грековъ эти термины для обозначенія извѣстныхъ юридическихъ документовъ употреблялись еще ранѣе, чѣмъ у самихъ римлянъ соотвѣтствующіе имъ.

ютъ древнюю форму «эдиктовъ» [1]). И изъ послѣдующаго, по крайней мѣрѣ, времени можно указать примѣры, когда къ нимъ непосредственно прилагается иногда въ самомъ же текстѣ ихъ названіе «edictales leges», или даже прямо «edicta» [2]). Если понимать слово «эдиктъ» въ такомъ широкомъ смыслѣ,

---

[1]) *Batiffol*, l. c. 244 (ссылка на книгу Крюгера).

[2]) *Th. Mommsen*, Observationes epigraphicae. XLII. Constitutiones duae Cretenses [временъ Константина, 314—324 г.], въ Ephemeris epigraphica, VII (1890), p. 421, объясняетъ приложеніе названія „lex edictalis" къ этого рода документамъ тѣмъ, что edictio магистрата по повелѣнію государя въ такомъ случаѣ какъ бы усвоялось самому государю (ita aliquatenus excusabitur, quod sub *edictalis legis* vocabulo hac aetate utrumque genus [=edicta въ собственномъ смыслѣ и epistulae] comprehenditur; въ примѣчаніи: Eatenus adsentior Krügero [1 Aufl. 1888] 264—такъ какъ это показываютъ, напр., законы Валентіана III: 7, 1, 5; 34, 1, 20—potuitque sane edictio iussu principis facta a magistratu recte ipsi principi attribui). Constitutio или epistula императора, при изданіи ея магистратомъ, помѣщаема была или—большею частію—послѣ заявленія или „эдикта" самого магистрата (sub edicto, sub programmate), или предъ нимъ (constitutio antelata edicto, praelata litteris) (ср. *Krüger*, 303_{20}). На послѣдній способъ указаніе и содержится, по Моммсену, въ миланскомъ „эдиктѣ Константина" о христіанахъ, такъ какъ въ § 12 нужно читать, по нему, „praelata programmati" („codex *prolata programmate* male";—въ дѣйствительности, какъ указываетъ *Brandt* 233, въ рукописи стоитъ praelata programate, но издатели, начиная съ Балюза, замѣняли praelata чрезъ prolata, Heumann чрезъ prolato) въ виду греческаго текста у Евсевія (προταχθέντα τοῦ σοῦ προγράμματος, „secundum codices paucos, sed omnino sequendos").—*Krüger*, 301_8, устраняя (съ ссылкой на приведенное разъясненіе Моммсена, 421_4) сомнѣніе, являются ли эдиктами конституціи въ формѣ указовъ къ должностнымъ лицамъ, перечисляетъ цѣлый рядъ новеллъ Валентіана III, которыя прямо называются или edictum, или lex edictalis. Nov. Val. 8, 2 pr. (praefecto urbis, 441 г.): supra memoratam legem praesentis e d i c t i auctoritate removemus: 25 (24), 1, § 1 (praefecto praetorio, 447): justitiam praesentis e d i c t i. E d i c t a l i s l e x встрѣчается въ 2, 2, § 1 (442); 6, 1, § 2 (440); 7, 1, § 5 (440); 10, 1, § 3 (441); 14 (13), 1, § 2 (444); 17 (16), 1, § 4 (445); 19, 1, § 1 (445); 23 (22), 1, § 2 (447); 28 (27), 1, § 1 (449); 35 (34), 1, § 20 (452). Указывается также Cod. Just. I, 14, 3 pr., разъясненіе Ѳеодосія II и Валентиніана III сенату отъ 426 г. (ed. *Krüger*, p. 67): Leges ut generales ab omnibus aequabiliter in posterum observentur, quae vel missa ad venerabilem coetum oratione conduntur vel i n s e r t o e d i c t i n o m i n e n u n c u p a n t u r, sive eas nobis spontaneus motus ingesserit sive precatio vel relatio vel lis mota legis occasionem postulaverit. nam satis est e d i c t i eas n u n c u p a t i o n e censeri vel per omnes populos judicum programmate divulgari vel expressius contineri, quod principes censuerunt ea, quae in certis negotiis statuta sunt similium quoque causarum fata componere.

то, очевидно, нѣтъ особыхъ причинъ избѣгать этого наименованія и по отношенію къ разсматриваемому документу, хотя онъ написанъ былъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, въ менѣе торжественной формѣ «письма» къ магистрату, а не «эдикта» въ строгомъ смыслѣ, въ отличіе отъ «эдиктовъ» Галерія 311 г., Максимина 313 г. и самого Константина 324/5 г. [1]).

Утвердился, правда, обычай называть вообще подобныя «письма» императоровъ «рескриптами», и на немъ собственно основывается предложеніе Виттига. Однако, съ точки зрѣнія древней юридической терминологіи это названіе едва ли болѣе точно, чѣмъ названіе «эдиктъ»: «rescriptum» въ собственномъ смыслѣ есть отвѣтъ правителя на запросъ къ нему низшихъ властей или частныхъ лицъ, а не изданный motu proprio за-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ и тотъ же законъ могъ являться и въ видѣ „письма" praefecto praetorio, и, въ то же время, какъ эдиктъ ad populum universis populis (Cod. Theod XI, 28, 9 [414]; Cod. Just. I, 1, 4 [452] = Mansi, VIII, 475) (*Krüger*, 301_7). Обычно указы адресовались префекту преторіи, который долженъ былъ сдѣлать ихъ извѣстными начальникамъ провинцій (praesides, judices, rectores), а эти послѣдніе разсылали ихъ по городамъ своихъ провинцій. Но иногда указы съ общимъ значеніемъ адресовались и непосредственно ко всѣмъ правителямъ провинцій (Cod. Theod. XI, 6, 1 [382]: ad proconsules vicarios omnesque rectores; Nov. Major. 3 [458]: universis rectoribus provinciarum) (*Mommsen*, 422, *Krüger*, 302_{12}). Въ законодательныхъ сборникахъ первоначальный адресатъ конституцій иногда бываетъ, повидимому, замѣненъ адресатомъ уже низшей инстанціи (302_{14}). Очевидно, и слова Лактанція (48,1) о Ликиніи: huius modi litteras ad praesidem datas proponi iussit, не исключаютъ возможности того, что въ дѣйствительности въ Миланѣ законъ былъ написанъ, какъ письмо praefecto praetorio. Можно указать, напр., и относительно закона Максимина, что хотя онъ былъ изданъ имъ въ видѣ письма префекту Савину (съ формулой, IX, 9^a, 9, *Schwartz* 836—8: ἵνα δὲ αὕτη ἡμῶν ἡ κέλευσις εἰς γνῶσιν πάντων τῶν ἐπαρχιωτῶν τῶν ἡμετέρων ἔλθῃ, διατάγματι ὑπὸ σοῦ προτεθέντι τὸ κεκελευσμένον ὀφείλεις δηλῶσαι), однако въ эдиктѣ слѣдующаго года онъ упоминаетъ о немъ просто какъ объ узаконеніи, „данномъ правителямъ всѣхъ провинцій" (IX, 10, 8, 842: δοθέντων γραμμάτων πρὸς τοὺς ἡγεμόνας ἑκάστης ἐπαρχίας τῷ παρελθόντι ἐνιαυτῷ ἐνομοθετήσαμεν). Между прочимъ, о способѣ распространенія въ то время указовъ высшихъ властей начальниками провинцій можно судить, напр., по предписанію Савина въ его „письмѣ" 311 г. къ президамъ (πρὸς τοὺς κατ' ἔθνος ἡγουμένους). IX, 1, 6, 804: γράψαι τοιγαροῦν πρὸς τοὺς λογιστὰς καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς πραιποσίτους τοῦ πάγου ἑκάστης πόλεως ἡ σὴ ἐπιστρέφεια ὀφείλει. Замѣчанія къ этому мѣсту дѣлаетъ въ своемъ изданіи *Grapin*, 305—6.

конодательный актъ. Болѣе подходилъ бы сюда предлагаемый Мартруа терминъ «mandatum» (инструкція), но тогда пришлось бы его распространить и на другія подобныя «письма» и понимать въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ форма письма къ магистрату есть въ данное время самая обычная форма вообще императорскихъ конституцій.

А. Брилліантовъ.
